

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВ

**БОЛЬШАЯ
ПЕРЕСТРЕЛКА**

**(СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ)**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Жил на свете человек, считавшийся мудрецом, но был он стар и немощен. Однажды пришел к нему молодой волшебник и сказал:

— Ты знаешь, что и как нужно делать, но уже ничего не можешь. А я могу все, но пока ничего не знаю. Давай объединим наши усилия и будем совершать великое!

Старик подумал и ответил:

— Давай не будем».

«Кулинарные рецепты», часть третья — «Горячие закуски».

Середина августа, вечер, душно. Инспектор уголовной полиции выглядел расстроенным. Возможно, действительно из-за происшествия у ювелирного магазина. Хотя все неприятности более касались другого ведомства — юнкер на практике числился за департаментом вневедомственной охраны. Но голос чиновника звучал искренне:

— Ужасная история. Трудно поверить. Какое-то фантастическое стечение обстоятельств. Мои соболезнования вам не нужны. Все возможное для наказания виновных мы сделаем. Понимаю, никому от этого не легче. Сейчас любые слова банальны. Звонили из морга, надо оформить кое-какие документы, поезжайте. Потом сами свяжитесь со мной, если все-таки вспомните хоть какие приметы. Ну, тех, что пытались магазин взять. Вызвать служебную машину?

Человек, сидевший напротив инспекторского стола, быстро встал, отрицательно покачал головой, вежливо пробормотал благодарность и торопливо пошел к двери. На пороге он резко обернулся и рассеянно проговорил, как о чем-то случайно пришедшем в голову:

— Да я никаких примет не вспомню. Смотрел в другую сторону. И юнкера не трогайте. Он ни в чем не виноват. Вы просто не понимаете...

Лицо инспектора отвердело, разговор коснулся предметов, о которых посторонним судить не дано. Полицейский хотел ответить, но стоявший на пороге человек уже вышел.

Через несколько минут в том же кабинете появился руководитель оперативно-следственной группы.

— Зря нас дергаете, инспектор. Работаем, но не прошло еще двух часов. Это не время.

— Знаю. У меня пока нет претензий. Я только хотел еще раз напомнить, чтобы вы отнеслись к делу с особым вниманием. Оно может показаться слишком простым, а мне не верится в простоту. Пока давайте то, что успели выяснить.

— Около семнадцати тридцати в ювелирный магазин на углу пятнадцатой и сорок третьей вошли двое неизвестных...

— Само происшествие известно. Нужны только подробности. Кто вызвал вневедомственную охрану?

— Охрану никто не вызывал. Следуя обычным маршрутом, патруль из офицера и двух юнкеров четыре раза в день проходит мимо того магазина.

— Когда именно?

— Совершенно точно патруль фиксирует время только на конечных пунктах при выходе и возвращении. Возле ювелирного он оказывает-

ся примерно через каждые три часа, начиная с одиннадцати, когда магазин открывается.

— Значит, второй раз на перекрестке патруль появляется около пяти. Что, задержка на целых полчаса у них в обычае? И почему юнкер остался один?

— Нет, нарушение графика движения без особых причин допускается в пределах десяти минут, и охранники всегда аккуратно придерживаются правил. Сегодня также патруль проследовал мимо ювелирного вовремя. Но юнкер еще раньше был оставлен в помощь инспектору дорожной службы: в шестнадцать тридцать пять на десятой произошла серьезная авария. Начальник караула по связи дал офицеру указания продолжать патрулирование вдвоем до прибытия подкрепления к дорожникам. Оно немного запоздало, потому оставленный юнкер оказался перед магазином только без пятнадцати шесть. Ему велели догонять своих, и до этого момента он не нарушал никаких инструкций.

— Как часто случаются подобные нарушения графика следования патрулей?

— Крайне редко.

— А конкретно на этом маршруте?

— Первый раз за время существования службы.

— Хоть какие-нибудь свидетели с улицы?

— Пока не нашли. Не исключаю, что их не окажется вовсе.

— Там ведь оживленный перекресток.

— Когда как. Сорок третья — тупиковая с двух сторон, идет от плавательного бассейна к школьному городку. Школьников сегодня с самого утра всех вывезли за город на какое-то торжественное мероприятие, а потом сразу отправили по домам. В бассейне санитарный день, меняют воду. Так что по этой улице движения не было. А на пятнадцатой оно сейчас одностороннее. Встречная полоса вчера перекрыта, под ней ищут обрыв коммуникаций. И основной поток идет только со стороны десятой. Где как раз из-за аварии произошла пробка. На перекрестке перед ювелирным, кроме двух случайных прохожих, вполне могло никого не оказаться. Пешеходы в том районе редки, он не приспособлен для прогулок.

— По каким дням в бассейне обычно меняют воду?

— В среднем раз в два месяца, но определенного дня не существует.

— А загородные мероприятия в школьном городке?

— Не часты. Даже не каждый год.

— Выясните, хоть когда-нибудь эти события совпадали?

— Выяснили. Никогда.

— Еще прибеднялись, что у вас было мало времени. А я напрасно беспокоился, что не придадите событию должного значения. Кажется, наши мысли кое в чем схожи. Излагайте далее без наводящих вопросов.

— Спасибо за одобрение, но пока в самом деле для выводов рановато. Я задействовал всю группу, но объем работы... Проверяем офицера патруля. Безупречная репутация. Начальника караула. Гордость охраны. Дорожного инспектора. Чуть ли не ангел. Главного инженера бассейна. Он назначает дату санитарного дня. Святой. Заместитель директора школьного городка по воспитательной части. Устанавливает сроки общих мероприятий. Девушка уникальной чистоты. Начальник аварийной службы коммунальщиков, подавший заявку на перекрытие одной из полос улицы. Образец во всех отношениях. Пока то, что на поверхности. Сами знае-

те, как иногда бывает. Покопаемся еще, насколько возможно.

— Юнкер?

— Надежда факультета, единственный реальный кандидат на красный диплом. Совершенное владение любыми видами оружия, в прошлом году — золотая медаль зональных соревнований по вольной стрельбе.

— Как же ему тогда удалось?..

— Ответ на этот вопрос уже больше часа пытаются получить от него несколько достаточно опытных человек. Юноша только хлопает глазами и мычит что-то нечленораздельное.

— Пистолет?

— Не сработал ни один предохранитель. На заводе сидит экспертная группа, но, похоже, оружейники не врут. Случай уникальный, по крайней мере с тех пор, как данная модель принята всеми полицейскими службами.

— Теперь основное. Эта супружеская пара. Особенно он. Если мне не изменяет память...

— Не изменяет. Лет шесть назад. Громкое дело. Объединенной горнорудной компании. Тогда об этом много писали, хотя до суда не дошло. Впрочем, мои люди заканчивают подготовку всех

материалов по той истории, завтра с утра получите. Пока же, мое мнение, к уголовщине все известное отношения не имело. Жена вовсе ничем не интересна. То есть, конечно, для нас. Беременность четыре недели. Резус отрицательный.

— Он знал об этом?

— О резусе?

— О беременности.

— Да, они ведь шли от врача. Так что знал и то, и другое.

— Но почему шли пешком, вы же говорите, район не лучший для прогулок?

— Его самого не спросили?

— Я обычно в этом кабинете не спрашиваю, а допрашиваю. Поэтому сначала пусть похоронит жену.

— Пусть похоронит. Но врачу я позволил себе задать подобный вопрос. Он глубокомысленно предположил, что его пациенты оказались слишком взволнованы вестью о будущем ребенке. Они мечтали о нем давно, у женщины практически неизлечимая форма бесплодия. Но вот чудо свершилось. Доктор развеял все сомнения. Захотелось немного пройтись пешком, чтобы успокоиться.

— Несмотря на то, что по этим местам обычно не гуляют?

— Врач говорит, бывают настроения, в которых не очень обращают внимание на обычаи. Со своей стороны, могу добавить, эта пара, судя по тем данным, которые успел получить, никогда особенно не стесняла своих действий общепринятыми нормами.

— Хорошо. Меня полностью удовлетворяют и темпы, и методы, и направления, по которым вы ведете работу. Надеюсь, вернее, хочу надеяться, что она приведет к положительным результатам. Но попрошу вас на минуту отвлечься от профессионального взгляда. Попробуйте ответить на мой вопрос с точки зрения самой обычной житейской логики. Можно устроить автомобильную аварию, санитарный день в бассейне, загородную поездку школьникам, ремонт подземных коммуникаций — все одновременно, чтобы в спокойной обстановке в половине шестого ограбить ювелирный магазин?

— Видимо, можно. Если этим займется необыкновенно могучая преступная организация. Но это с точки зрения житейской логики. И мне непонятно, зачем она вам здесь потребовалась.

Мы-то с вами знаем все организации, которые смогли бы поднять такое дело. Ни одна из них не взялась бы за подобную работу ради сейфа третьеразрядного ювелирного магазинчика.

— Ладно. А теперь скажите, возможна ли вторая цепь событий? С точки зрения любой логики. Юнкер патруля впервые за историю существования маршрута оказывается перед магазином на полчаса позже обычного. Люди, потерявшие надежду иметь ребенка, узнают о невероятном, но счастливом событии и решают прогуляться по улице, по которой никто никогда не гуляет. Из дверей ювелирного появляются двое грабителей. И все пятеро в один и тот же момент выстраиваются на одной прямой. Возможно?

— Ну что ж, возможно. Возможно по крайней мере предположить.

— Предположили. И третий ряд. Юнкер, как вы выразились, надежда факультета, чемпион по стрельбе и прочее, выхватывая пистолет из кобуры, на ровном месте, без всяких помех, вдруг, ни с того ни с сего, роняет оружие. Оно падает, ударяется о кромку тротуара, не срабатывает ни один предохранитель, и раздается выстрел, чего никогда, который раз произношу это слово «никогда»,

не бывало с полицейскими пистолетами. Пуля же попадает не просто в женщину, а аккуратно в висок. Возможно это? Если бы не произошло на самом деле, а услышали бы вы от кого, поверили бы?

— Смотря от кого. С трудом, конечно. Но все бывает.

— Да, все бывает. Ну, первый ряд совпадений. Раз в жизни. Все бывает. Ну, второй ряд. Раз в сто лет. Все бывает. Ну, третий. Когда-нибудь все бывает. Но так, чтоб все три одновременно? Вероятно это хоть сколько-то?

— Зачем вам нужны мои ответы, инспектор, конечно же, не вероятно. Не бывает такого. Не могло произойти. Никогда, нигде и никаким образом. Готов подтвердить под присягой. Кому угодно докажу. Кроме, пожалуй, человека, который сейчас в морге заполняет документы на получение трупа жены с ребенком.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Зал для прибывающих пассажиров Центрального порта. Народу не много. До основных дальних рейсов еще несколько часов. А объявленный только что под номером четыре — двенадцать был на самом деле грузовым и привез всего двух человек. Попутно. Это иногда разрешалось.

Сейчас они оба спускались с платформы внутрипортовых перевозок. Одного роста, возраста, одинаково слегка сутулились, шли одинаковой походкой, выдававшей привычку двигаться в забое. И лица, остававшиеся пока открытыми, довольно схожи, хотя, вернее всего, просто своей обыкновенностью.

Но спутать невозможно. Первый, с курчавой шевелурой, аккуратными усиками и бородкой, одет в парадный мундир старшего инженера Компании, сверкающий серебряным шитьем. Второй, коротко стриженный, с не очень тщательно, но все же не далее как сутки назад бритой физиономией, облачен в потертую темную рубашку и джинсы.

Войдя в зал, спутники торопливо пожали друг другу руки и разошлись. Инженер направился к выходу на стоянку приисковых гравиевок, а потерянный тип — в сторону конторки агента фирмы по прокату машин. Но, как ни странно, не его блестящий приятель, а именно он, державшийся и одетый предельно скромно, привлек пристальное внимание нескольких пар глаз, принадлежащих людям, чья профессия не очень соответствовала той, причастность к которой они в данный момент пытались изобразить, — мойщика окон, старательно ковырявшегося в заглохшей автошвабре Карачаровского механического завода, бармена, машинально не докладывающего кофе в турки, кассирши, ищущей место нервной даме, желающей непременно лететь только рейсом Аэрофлота.

* * *

Восточное шоссе считается лучшей магистралью планеты. Ширина, покрытие, разделительная сетка по оси и прямизна на всем протяжении. Лишь в двух десятках километров от города оно почти под прямым углом уходит вправо. Полотно упирается в выступ леса с плохой репу-

тацией. Строители предпочли объезд. Но сразу же, только обогнув выступ, у отметки «семнадцать» шоссе снова становится совершенно прямым и в этом привычном виде идет через город в сторону грузовых перевалочных складов.

В нескольких метрах от второго поворота, у обочины лежал на спине молодой человек в темном спортивном костюме и яркой велосипедной шапочке с прозрачным козырьком. Ему не больше восемнадцати, и улыбка говорила скорее об отличном пищеварении, чем о веселости характера. На другой стороне шоссе, еще немного дальше от поворота, прилег второй юноша, старше первого, но очень на него похожий. Особенно врожденным умением придать своему телу самую естественную и удобную позу в любом положении. Поблизости на чем-то, напоминающем канистру, сидел рослый поджарый офицер, летная форма которого, правда, не сохранила знаков отличия, а красивые светлые волосы уже начали немного редеть. За спинами старшего брата и пилота прохаживался по траве вдоль насыпи плотный respectable мужчина в очень изящном плаще нараспашку, но почему-то с поднятым воротником. Всем своим видом он выражал полную без-

мятежность и лишь изредка поднимал руку, чтобы взглянуть на часы.

Как раз на таком расстоянии, чтобы без всяких усилий дотянуться правой рукой, перед каждым из братьев стоял армейский крупнокалиберный пулемет на широко раздвинутых сошках. Стволы развернуты на дорогу, предохранители спущены, прицелы в положении для стрельбы с самого близкого расстояния. Пилот был занят привинчиванием запала к гранате от реактивной базуки, которая тоже смотрела на поворот.

На лицах всех четверых одинаковые серые полумаски легкого полотна, и только первый пулеметчик изредка сдвигал свою на подбородок, подставляя прищуренные глаза выплывающему из-за леса солнцу.

Тот, кого ждали на семнадцатом километре, подъезжал к лесу с противоположной стороны. Сбросил скорость и начал поворот. Справа выскочил грузовик, пересек осевую, пробив предохранительную сетку, и пошел в борт малолитражке. Ее водитель успел вывернуть руль и, ударив по педали газа, подставил под грузовик задний бампер. Щелкнул замок катапульты. Через мгновение человек поднимался с земли в несколь-

ких шагах от места столкновения. Машины лежали у обочины. Меньшая горела, а большая казалась совершенно неповрежденной, и колеса ее еще продолжали крутиться.

* * *

Эти места всегда славились своим гостеприимством. Но когда-нибудь Компания нарвется. Робот — отличный шофер. Только не умеет самого главного. Вежливо поговорить с мастером, выпускающим на линию машину, накатывающую пятый миллион. Впрочем, сейчас для расстройств причин не имеется. Произошло запланированное, пусть и чуть раньше срока. По оставшемуся пеплу мало кто сможет определить, успели ли я выскочить. А кто сможет, так не захочет. Кому здесь надо копать.

Те сорок минут, что отведены в это время года на день, заканчивались, и стало быстро темнеть. Я прикинул расстояние и режим ходьбы, одновременно рассматривая свои туфельки. Любопытно, на каком километре отлетят подошвы. К утру вполне можно добраться до города. Если даже не повезет с попуткой.

И только когда солнце окончательно исчезло и дорога холодно заблестела в сиреновом свете звезд, до меня наконец дошел смысл произошедшего.

А ведь столько лет готовился. И думал, что готов. Отличный результат. Пешие прогулки. Попутки. Не ходят здесь ночью по дорогам. И днем тоже. И попуток не бывает. Тут никому ни с кем не по пути. Так просто отсюда не выбраться. Или совсем не выбраться.

У меня в кармане лежала карта региона. Но я даже не стал ее разворачивать. Перепечатка с перепечаток. Без верояток и мертвых точек, без линий блуждания и трещин в Системе. Издана на Земле больше трех лет назад. Более свежей не оказалось в природе. И не окажется, если так пойдет дальше.

Правда, когда еще начинал прикидывать маршрут, обратил внимание на одну отметку как раз в здешних местах. Но отложил в памяти на подальше. Чтоб не иметь лишних иллюзий. Однако без них теперь что-то не очень получалось.

Ни зеленом пятне сломавшего дорогу выступа леса желтый круг в сноске был отмечен как строительство фермы Дин. Снова строитель-

ство. Тетушка Дин со своим горластым семейством и мрачным флегматиком мужем. Сколько раз жгли ее дома. Сколько раз сама она перебиралась поближе к нужным местам. Снова строительство. Но в непонятной глуши, и вообще, все неясно.

...Мы отходили к порту, волоча раненых и побросав автоматы с выпотрошенными дисками. Имевшие хоть обойму к пистолету остались у оврага и дали нам немного оторваться. Но Капитан послал наперерез роту мотоциклистов из внешней охраны. Уже подходя к шоссе, я понял, что людей не вывести. Тогда и догнал нас самый младший из Динов, толстяк лет пятнадцати с розовыми щечками, прокричал, захлебываясь от бега, что тетушка с сыновьями поставила пулеметы у развилки и есть минут двадцать, пусть попробуют успеть, больше она продержаться не обещает. Успели.

Успели задраить последний люк как раз в тот момент, когда на полосу ворвались самоходки Капитана. Но это уже не имело значения.

Выстрелить никто не сумел. Двигатель стартовой крейсерской яхты не предоставляет такой возможности.

Осталась ли тетушка в живых после той истории, в которую ввязалась непонятно зачем? Ферму построил в одиночку муженек, его, конечно, не было в то утро на развилке. А он бесполезен, дверь открыть побоится. Строительство фермы не закончено. Карта врет...

Все это я перебирал уже на ходу. Потому что решать нечего. До города добраться невозможно совсем. До фермы, что может быть в трех-четырёх километрах по грунтовке в глубь леса, невозможно почти. Ночью. По лесу. Грунтовка исключалась, как и шоссе. Но почти, а не совсем. Темнота стала полной.

Три с небольшим километра шел часов десять. И потом старался, очень старался забыть их как можно быстрее. Много лет старался.

Когда впереди слабыми тенями от внутренней подсветки обозначилась ферма, я уже не сомневался, что здесь все будет хорошо. Иного выхода нет. Этой ночью назад не выбраться. И утра не дожидаться.

Подошел к высокой глухой стене, стараясь разглядеть что-нибудь, напоминающее ворота. Тут же вокруг вспыхнул болезненно яркий свет

с чуть синеватым оттенком. Хриплый голос откуда-то сверху ласково попросил, мерно расставляя слова:

— Стоять и не двигаться. При малейшем движении будет открыт огонь. Теперь очень медленно, не совершая резких жестов, подойти ближе к стене. Спокойно, плавно снять маску и так стоять. Назвать свое имя и род занятий, подробно объяснить цель визи...

В конце последнего слова голос из хриплого стал высоким и звонким, потом странно булькнул и прервался. Часть стены отошла, образовав узкий проход, и раздался радостный возглас:

— Господи, Валечка! Проходи скорей, сейчас спущусь.

Я не успел сделать и нескольких шагов по двору, как навстречу выбежала тетушка. Люблю эту женщину. И, конечно, любил бы ее ничуть не меньше, будь она горбатой толстухой с выпавшими волосами. Но какое счастье, что она удивительно хороша. Так, как только может быть хороша женщина. Сейчас невысокую изысканную фигурку предельно облегал длинный красный халат с очень широкими рукавами. Маску тетушка всегда отвергала принципиально и манере своей

не изменила. Но в кругу ее общения немалое место занимали аборигены, так что полностью пренебречь правилами приличия она не могла. Маску заменяла повязанная по самые брови косынка и очки с огромными круглыми зеркальными стеклами, придававшие лицу несколько наивно-удивленное выражение. Очки с косынкой полетели в сторону, по плечам брызнули розовые кудри, и только четкая мелкая сетка у раскосых глаз напоминала, что уже при последней нашей встрече тетушке было недалеко до пятидесяти.

Я схватил ее руку и быстро поднес к губам. Засмеялась, отдернула кисть и на мгновение крепко прижалась щекой к моей груди. Уцепившись за локоть, повлекла меня к дому, молча улыбаясь, передергивая плечами от посвежевшего воздуха.

Не дала сказать мне слова до ванны и ужина. Потом я и сам не смог издать ни звука и не заметил, что сделал раньше — поставил на стол стакан или уснул.

Проснулся довольно скоро. Если не отдохнувшим, то способным держаться на ногах. Сейчас этого достаточно. Я быстро оделся во все высушенное и вычищенное, открыл дверь спальни и вышел в темный коридор. Вокруг совершенная

тишина, и только впереди снизу раздавались мягкие шорохи и лился слабый свет. Спустившись на первый этаж, застал тетушку в столовой. Она стояла за обеденным столом, еще не убраным после ужина, и, не глядя, методично скидывала со скатерти посуду, бутылки и остатки еды. При этом посуда аккуратно складывалась в автоматическую мойку, вмонтированную в стену, бутылки выстраивались в ровный ряд на стойке бара, а недоеденная ветчина и салат укладывались на огромное фарфоровое блюдо в углу. Я несколько секунд тихо наблюдал в дверях, потом не выдержал и, рассмеявшись, вошел в комнату.

— Ну и вероятно вы себе нашли. Постоянная? Так можно заработать кучу денег на кухне крупного отеля.

— Денег мне зарабатывать больше не надо. А вероятна местная. Да и то действует только тут, на двух десятках метров. Не вздумай повторить эти штучки в своей комнате. Но удобно. Лучше, чем автоматы. Все за тебя делают, но так суеются перед глазами, что повеситься хочется от их общества. Ну, хватит о глупостях, садись в тот угол, налей чего-нибудь и давай серьезно. Шесть лет не виделись. Что с тобой было, ма-

льш, где мотался все эти годы? Совсем выкрутился или пока в бегах?

— Выкрутился. Совсем. Хотя сейчас, наверное, в бегах. В двух словах не объяснишь. Кстати, фамилия моя теперь Белоф. И вообще, я сюда не просто из ностальгии. Но давайте сначала о вас. Что занесло в такую глушь?

— Глушь. Правда, глуховато здесь. И местечко весьма хитрое.

— Имел возможность заметить.

— Понимаю, что имел. Иначе не добрался бы. Вероятки в ассортименте. Если что-то имеет шанс упасть, то падает. Предпочтительно на живое. Болотца редкостные. По душевным качествам. Много пакости еще и блуждает. Есть одна трещина в Системе, метра два всего шириной, но длинная. Там вообще вся окрестная муть в одну кучу собрана. Мне ферму практически одни автоматы строили, все равно двух ребят, наладчиков, покалечило. Решили как-то без меня сами добраться. Но во всем этом есть одна смешная штука. Такой нигде не встречала. Работает Система только в одном направлении, от опушки леса вглубь. А от меня можно выйти ночью с закрытыми глазами и ни разу не споткнешься.

Вроде турникета получается, с проходом в одну сторону. Что меня больше всего устроило.

Ну, хватит общих фраз и воспоминаний. На них мы еще найдем время. Если найдем. Как ты очутился под утро у моих ворот? И вообще, зачем ты на планете, что тебе нужно, выкладывай, раз сам отказался от версии про ностальгию. Хотя я и так ей вряд ли бы поверила.

— Под утро, это в самом деле случайно. Авария на шоссе. Здесь рядом. Шансов добраться до города не было, пришлось рискнуть, довериться указанию карты о строительстве фермы. Я добрался, вы оказались дома. Повезло. Но все это только ускорило события. Я бы и так оказался здесь. Мне нужна ваша помощь. Перейти через перевал и добраться до плато. Требуются люди, связи и советы. Понимаю, что это не подарочный комплект и просить такое не принято даже у самых близких людей. У меня нет другого выхода.

Тетушка медленно встала, сняла со стойки кувшин и налила себе в пиалу темного, даже на взгляд тяжелого вина. Прислонилась к стене в углу, грея ладонями фарфор. Торшер очерчивал лишь небольшой круг света под собой. Голос тетушки чуть потускнел, хотя не утратил четкости.

— Верю. Верю, Валечка, что у тебя нет другого выхода. Честно говоря, чего-то подобного я и ожидала. Но ты был не прав, когда решил, что тебе уже повезло.

Я ведь, малыш, никогда толком идей твоих не понимала. Да и не очень-то пыталась. До сих пор не совсем ясно, из-за чего твои горняки тогда сцепились с Компанией. Ведь платить вам начали прилично. А то, что они вероятками пользуются, так это все делают. Но я всегда знала, что прав ты, какие бы там идеи у тебя ни были. Потому что ты друг. Я не надоедала тебе благодарностями, но не забыла наших первых лет. Когда появилась здесь со своим выводком, а Петер лег с малярией. Это ты приволок за ворот упирающегося приискового врача и заставил выписать мужу бесплатные лекарства, хоть тот прохвост и кричал, что мы не работаем на Компанию и он не имеет права. Это ты, самый нищий из всех, кто нас знал, получавший гроши на своей первой должности и не имевший запасной пары штанов, отдавал нам последнее под видом посылок богатых родственников, когда дела у меня не шли совсем. А я делала вид, что верю, и принимала, потому что моим соплякам попросту нечего было жрать. И я по-

ставила тогда у развилки семь пулеметов не ради твоих великих идей.

Я знала, что ты прав, потому что тебя люблю, а Капитан виновен, потому что он подонок. Он вогнал в гроб двух жен, и из-за него повесился старый Чарли, хоть никто, конечно, и не подумал разбираться в той истории. Уверена, что, окажись я в твоём положении, ты тоже попытался бы дать мне шанс. Я попыталась. Ты сумел им воспользоваться. И сейчас сделала бы то же самое, хоть, наверно, теперь пришлось бы лечь к пулемету в одиночку.

Так что поверь, отношение мое к тебе не изменилось. Но сегодня ты пришел не к тому человеку, который тебе нужен. Я могу дать только то, что мне самой не очень нужно. Сколько угодно денег. Могу отдать этот дом, и в любую секунду, когда потребуется прибежище, он твой. Могу рискнуть жизнью. Но ни людей, ни связей, ни советов я тебе не дам. И не только потому, что успела многое порастерять за эти годы. Восстановить все не так уж долго и сложно. Но именно этим я и не стану заниматься. Не могу и не хочу. Мне тошно, слишком тошно и подуматься о том, чтобы снова пытаться что-то делать, с кем-

то разговаривать, общаться, интересоваться. Если я себя пересилю, то при первой же попытке меня попросту вывернет наизнанку и на этом все кончится. Прости меня, Валечка. Уверена, что у тебя самые прекрасные мысли и цели. Но меня мутит даже от самых прекрасных. Потому ничего тебе не дам. Может, хоть денег возьмешь?

Я встал сразу же, как только она произнесла последнее слово. Достаточно знал эту женщину, чтобы понять, которое самое последнее. Она сказала все, что хотела. А заставить ее сделать что-нибудь сверх желания не мог никто. Что-то случилось с ней. Что-то постоянно случается с близкими людьми, когда меня нет рядом. А меня никогда нет рядом.

Однако времени не было. Его и так не было, а после слов тетушки стало еще меньше. Поставил пиалу на стол, вино очень вкусное, хотелось еще.

— Деньги как раз есть. Должно хватить. Но деньги без людей будут бессильны. А что произошло со всеми моими друзьями — вы знаете. Я поехал.

Тетушка села в кресло и, упершись локтями в колени, положила голову на руки. Казалось, всяческий интерес к теме разговора пропал у нее

окончательно, и теперь каждое слово она произносила так, как будто давалось оно ей с огромным трудом.

— Попробуй обратиться к старому Блуму. Он всегда благоволил к тебе. Может, что и выйдет.

— Хорошо, что он еще жив. Но слишком стар. Да и тогда он ведь отказался защищать наши требования в Палате.

— Возраст тут ни при чем. С того времени, как кончилась заваруха, Блум стал фантастически богатеть. Сейчас ни один налоговый инспектор не скажет, сколько у него миллионов. А вот на чем, совершенно непонятно. Адвокатскую практику забросил, предпринимательством не занялся. Но запах больших денег не скроешь. Да и еще кое-что. Многие из тех, кто раньше в его сторону и плюнуть не подумал бы, теперь даже шепотом имя боятся произнести. А для этого одних денег мало.

— Ладно, тетушка, спасибо. Попробую. Вот, видите, совет вы мне все же дали. А говорили, что пришел не туда. Ну, а теперь довершите свои милости и скажите, как добраться до города.

— Возьми мою машину. Второй у меня, правда, нет, за ненадобностью. Но утром придет грузовик с продуктами, вместе с ним вернусь в город, мне все равно надо было. Если еще удержишься там, найду тебя. Если нет, брось машину на стоянке у гостиницы. Заберу.

Через несколько минут я выехал за ворота. Почти сразу навстречу мне промчалась, мелькнув в свете фар, грязно-коричневая машина военного образца со скошенным радиатором. Видимо, возвращался домой кто-то из тетушкиных сыновей. Мелькнула мысль, что забыл даже толком поинтересоваться ее семейными делами. Но тут же заставил себя переключиться на предстоящее. Еще ничего не сделал, я уже начинал опаздывать.

Утро мимолетного дня только приближалось, только намекало о себе скромными мазками белил у горизонта, но, судя по часам, деловой день был в самом разгаре. Я прибавил скорость — старый Блум никогда не любил поздно задерживаться в конторе.

Отношения у нас с ним действительно сложились в свое время хорошие. Даже иногда более чем хорошие. Но один раз он уже отказался. Хотя, возможно, и был по-своему прав. А поче-

му бы и сейчас не иметь ему какую-нибудь свою правоту? И не такая уж серьезная вещь — хорошие отношения.

Блум оказался на месте. Спортивного вида мальчик с секретарской мордочкой и очень мелкими, очень белыми, очень наглыми зубами побежал докладывать о посетителе, держа визитную карточку двумя пальцами, как старая дева запачканную детскую пеленку. Старик не только не встал навстречу, но даже не поднял головы. Показал на кресло у стола и продолжал что-то внимательно разглядывать перед собой. Потом, видимо, удовлетворенный осмотром, коротко хмыкнул. Бросил взгляд на кресло.

Опять маскарадные штучки? Здравствуй, Валя! Пополнел ты. Вроде не имел склонности. Значит, говоришь, господин Белоф? Что за фамилия такая идиотская? Или просто других документов не осталось? А твоя девичья по-прежнему совершенно не котируется?

Все это было довольно комично, но мне стало грустно. Блум сильно постарел. Очень сильно. И, наверное, чтобы не показать своего настроения, я заговорил чуть бодрее, чем, может быть, следовало сейчас:

— Да, уважаемый магистр... Адвоката из вас все-таки никакой кислотой не вытравишь. Вошел посетитель, и сразу град вопросов. Со всем, смотрю, стали местным. Всему от них научились. Узнаете с первого взгляда человека в маске, которого видели последний раз шесть лет назад.

Голос Блума зазвучал почему-то более раздраженно, если не сказать зло, чем того требовала реакция на мои слова.

— Никем я не стал и ничему такому не научился. Я ждал именно тебя и именно сегодня.

— Откуда такая пронизательность? Овладели ко всему прочему еще и телепатией?

— Я на твоём месте в данной ситуации поменьше бы язвил. Вся твоя бутафория с фирмой консервированных соков и ее представителем Гофманом была пустой затеей. Тебя ждали на семнадцатом километре. Не с цветами.

На сей раз мне даже не пришлось разыгрывать удивления.

— Что за бред? Кто ждал, зачем, откуда такие сведения?

Блум насупил еще больше, если больше было возможно.

— Можешь считать за бред. Можешь вообще наплевать на то, что я говорю. Между прочим, это не я к тебе пришел.

Он мог, собственно, и не напоминать, кто сейчас из нас в ком нуждался. Это я и сам быстро сообразил, еще не закрыв рот.

— Ну ладно вам впадать в амбицию. Я, наверное, действительно не был здесь слишком давно. Перестал вообще что-нибудь понимать. Так кто же это так жаждал встречи со мной? Я ведь просто не мог успеть наступить кому-то на хвост.

— Насчет хвоста это мы еще разберемся. Тут твои способности всегда были выдающимися. А вот кто хотел тебя убраться, этого я, к сожалению, не знаю. То есть не знаю настоящих. На шоссе были летуны. Четверо из группы Лаевского. Двоих мог бы назвать даже по именам, но нет смысла. Самих летунов ты интересоваться не можешь. Никаких ценностей не только с собой не возишь, по вообще, думаю, не имеешь. Товар у них не перебивал, с таможенной дел не имел, заложить тоже никого не мог. Просто по незнанию. Так что личного дела к тебе у них даже придумать нельзя. Выходит, им заплатили. Вот здесь мои знания и кончаются. Не представляю — кто,

а главное, потому, что не вижу причины. И кроме тебя мне никто не поможет. Если объяснишь, за что тебя имеет смысл пристрелить, я, может быть, сообразу, кто этим занимается. Тут, кажется, есть и твой интерес.

— Почему же эти ребята отказались от своей идеи? Я ведь, хоть и с опозданием на ночь, проехал поворот на семнадцатой отметке.

— Не обольщайся. Никто ни от чего не отказывался. Когда летуны тебя заждались, они отправились навстречу. И нашли место столкновения. От твоей легковушки осталась кучка пепла. Следы своей выброски, надо отдать должное, ты замел довольно аккуратно. И мальчишкам оставалось только радоваться, что денежки заработаны без лишнего труда. Задумываться о том, что ты мог выбраться, для них было бы нелепостью. На шоссе никого не оказалось, рядом с аварией тоже все прочесали. Не ушел же человек ночью в глубь леса. Таких сумасшедших не бывает. Так что сочли свою миссию выполненной. И спокойно отправились по личным делам.

— Ну вот и отлично. Спасибо, что успокоили. Значит, могу считать себя в безопасности. Раз за меня уже и денежки получили.

— Некоторые с годами дуреют. Иногда этому сопутствует полнота и изжога. Не мучает по утрам?

— Хватит, Блум, вы же видите, что я, кажется, действительно влип. Хотя и не очень понимаю во что. Побольше благородства.

— Можешь обойтись без «кажется». А с благородством у меня все в порядке. Мне ведь эта история вообще побоку. Узнал совершенно случайно. Были в прошлом кое-какие дела с Лавским. Кстати, его самого не смог найти, подозреваю, что он тихонько смотался куда-то с планеты. Его люди проболтались по старой памяти. Я уже было пропустил мимо ушей. Но что-то меня насторожило. Очень уж интересная случайность. Грузовик налетает на человека как раз за несколько минут до того, как его должны пристрелить. Ничего особенного, но слишком долго я здесь прожил, чтобы верить в случай. Тут-то мне и вспомнилось, что был у меня в свое время приятель, имевший интересную вероятку. Нельзя застрелить этого моего приятеля. Хотя в упор бей, а не попадешь. Что-нибудь, да помешает. А почему бы и не грузовик? Тут позвонил я в порт, и выяснил — господин Гофман не поску-

пился в прокате, взял самую дорогую модель с системой катапультирования. Потом попросил я съездить одного знакомого на место аварии, и он, внимательно осмотрев травку при дневном свете, которого были лишены летуны, нашел пятчочек, где господин Гофман приземлился. И для полного моего успокоения набрал сколько мог пепла из кучи. Как и предполагалось, органики в нем анализ не показал. Вот тогда я и связался с твоей подружкой тетушкой. Слишком кстати ее ферма оказалась там поблизости. Правда, никому нормальному человеку не пришло бы в голову переться ночью по лесу. Но ведь я уже начал догадываться, что имею дело с тобой. Блестящую догадку тетушка полностью и подтвердила, сказав, что ты только что направился прямо ко мне. Поэтому и ждал с минуты на минуту.

— Но почему вы так уверены, что все обладают вашими блестящими дедуктивными способностями?

— Тут, юноша, способностей не требуется. Тут нужны такие неизвестные вам качества, как добросовестность и аккуратность. Для летунов ты был просто какой-то абстрактный командировоч-

ный, на которого налетел грузовик, и слава богу. Я же начал подозревать, что тут имеет место быть некий Валя, который просто так не загнется. Поэтому и решил все проверить. Те же, кто платил летунам, от сомнений моих избавлены, они изначально знали, кто им нужен. И им, будь уверен, не хуже меня известны твои богатые способности. Все выяснится. Если не выяснилось уже. Кто-нибудь, кроме меня, еще знает о твоей вероятке?

— Тетушка Дин. Знал еще кое-кто. Да их нет тут уже. Видимо.

— Кое-кто. Видимо. Не очень серьезно. Тетушка, конечно, не в счет, но вообще язык человеческий штука мерзкая. Как бы не пришла твоим доброхотам в голову смешная мысль, что кроме пули есть еще и такие замечательные вещи, как отравы, нож, а то и просто небольшой обренок стальной трубы. Тем более что ты правильно заметил, деньги за тебя уплачены. А платить зря не любит никто. И не отработаны денежки.

— Но откуда у вас все же эта совершенная уверенность, что ждали на шоссе именно меня, а не Гофмана?

— Знаешь, Валентин, если ты намерен продолжать в том же духе, то давай закругляться.

Мне не стоило труда выяснить, что никакого Гофмана не существует, так же как и его фирмы. Документы у тебя были не чужие, а просто липовые. А к несуществующим людям еще никогда ни у кого претензий не возникало. Так что если ты мне не доверяешь и хочешь продолжать валять дурака, то непонятно, зачем пришел и тра-тишь время. Это не в твоих правилах.

— А почему я так уж должен вам доверять? У меня есть для этого основания?

— Хорошо. Очень хорошо, Валентин, что ты первый начал. Я, честно говоря, давно ждал этого упрека. И мог бы отправить тебя вместе со всеми твоими упреками ко всем чертям. Не обязан я никому давать отчетов. Но отвечу. Просто по старческой слабости. В семьдесят пять начинаешь задумываться о душе. Не хочется, чтобы тебя зазря считали подонком всякие сопляки, ничего не желающие видеть дальше собственного носа.

Давай разбираться по порядку. Я позволю себе напомнить ваши требования, которые вы выставляли, но не так, как они звучали в пышущих благородством петициях, а так, как они представлялись любому нормальному и хоть чуть-чуть нюхавшему юриспруденции человеку.

На приисках не существует даже понятия техники безопасности. Что удешевляет производство в несколько раз и дает возможность Компании продавать местную руду по ценам, убивающим всякую конкуренцию. При этом никаких несчастных случаев и даже малейших неприятностей не бывает, так как прииски находятся в зоне специально подобранных положительных верояток. Но так как вероятка понятие двустороннее, то каждый раз, когда здесь что-нибудь не ломается или кто-нибудь не гибнет вопреки всяческой вероятности, то подобная пакость происходит в каком-нибудь другом месте. А значит, чтобы этого не было, необходимо ввести в строй все страховочные системы, удорожить производство, но успокоить вашу совесть. Я правильно все излагаю?

— Несколько вульгаризированно, но будем считать.

— Это уж как умеем. Зато четко. Что же на это отвечала Компания? Очень здравые вещи. Раз никто не страдает, то все претензии к технике безопасности — чепуха. А про вероятки Компания ничего не знает. И что они из себя представляют, не понимает. Как и никто другой. И ни

про какую двусторонность не слышала. Так что весь разговор на пустом месте и никакого смысла не имеет.

Ладно. Теперь: что во всей этой истории должен делать я? Защищать ваши требования в Палате — это, так сказать, общая форма. А конкретно, я вынужден был взяться за доказательство того, что если на местных приисках должны быть несчастные случаи, а их нет, то на каких-то других приисках, миллионов Компаний на тысячах планет, происходят несчастные случаи, которых быть не должно. То есть, проще говоря, мне предстояло объяснить суть верояток, от чего давно отказались величайшие физики и математики. И на основании каких фактов адвокат Блум должен на все это пойти? А никаких. Просто у сменного мастера по имени Валя такое восприятие мира. И этим своим восприятием господин мастер сумел заразить несколько сот горняков, которые вздумали остановить производство и требовать рассмотрения их петиции в Палате.

Я уже не говорю про то, что вся эта история была обречена на провал заранее. Компания не могла терпеть огромных убытков, если бы нача-

лось разбирательство и встали прииски. Гораздо проще дать указание Капитану спровоцировать нападение на охрану. Вступил в силу закон о терроризме, а вы оказались элементарными уголовниками, против которых надо поднимать полицейские части, а не придумывать аргументы в Палате.

Компания сэкономила время и деньги. Ну а, предположим, вам бы дали возможность выставить требования? И с чем же должен был подняться на кафедру я, адвокат с сорокалетней практикой и достаточно серьезной репутацией, которая, ты это хорошо знаешь, не так просто мне далась? А без ничего. Без единого факта и доказательства. Я говорил тебе, дай хоть одну зацепку, хоть одну мелочь, которая бы привлекла внимание ко всей этой пустой болтовне. А ты отвечал, что у тебя нет времени. Что на поиски даже каких-то фактов на тысячах планет нужны годы, а людям там грозит гибель каждую минуту. Что надо сначала или остановить добычу, или внедрить современную технику безопасности, а уж потом заниматься всем остальным.

Не может быть большей юридической нелепицы, Валентин. Вы, мол, сначала вынесите ре-

шение в нашу пользу, а потом мы уж докажем, почему это надо сделать. И с этой нелепицей должен выступить не ошалевший от перспективы первой публичной речи выпускник факультета, а человек, не один десяток лет имеющий славу серьезного профессионала. То есть я. Конечно, ради правого дела можно рискнуть любой славой и любой репутацией. Но именно рискнуть, а тут риска ни малейшего — стопроцентное профессиональное самоубийство.

Но главное даже не в этом. Я сам не увидел никакого правого дела. Ты не только Палате, ты мне не смог дать никаких доказательств. Ты требовал, чтобы я тебе поверил. По дружбе. Но почему, хорошо относясь к тебе, я должен хорошо относиться к любой твоей сумасшедшей идее? Ведь то, что ты хорошо относился ко мне, не мешало тебе плевать на большинство моих мнений.

Другое дело, что Компания выступила с редкостной подлостью, устроив кровавую заваруху. Здесь я был полностью на вашей стороне. Взять автомат и встать рядом не мог, уже тогда с трудом добирался до двери с помощью палки. Но только можно сунуться с протестами, требованиями, просьбами и угрозами, — я совался. Не

моя вина, что это мало помогало. Да и сам ты довольно быстро оказался слишком далеко, чтобы тебе требовалась моя помощь.

— Ну, хорошо, а если бы я сейчас пришел к вам и сказал, что нашел доказательства, что факты у меня в руках?

— А ты нашел?

— Нет.

— Вот видишь. А ведь у тебя было шесть лет. Так зачем опять заводить разговор о несуществующем? Есть гораздо более конкретная реальность — ты кому-то очередной раз встал поперек горла. Чем и кому? Возможно, опять Компания, чем у вас там закончилось дело, я ведь до сих пор имею сведения на уровне довольно бестолковых слухов.

— Естественно. Вся история тоже была довольно бестолковой. На захваченной яхте мы не могли уйти далеко. Попросили посадки на третьей Перевалочной. Там уже ждал полицейский крейсер, который нас быстренько доставил на Землю прямо пред очи Большого Арбитража. Обвинение Компании оказалось готово, но мы за это время тоже кое-чему научились и состряпали встречный иск. Нача-

лась обычная тягомотина с бодрячками адвокатами и сонными арбитрами. Позиция наша была, конечно, слабовата. Компания накупила свидетелей и вела нас напрямик под указ о терроризме. Однако кое-кого из свидетелей удалось расколоть на перекрестных допросах нашим адвокатам, а кое-кто или застыдился, или попросту испугался делать нам такую пакость. Короче, в какой-то момент ситуация сложилась довольно неопределенная. Тут я и связался с представителями Компании.

Когда мы отходили с территории приисков, я с несколькими ребятами заскочил в правление и прихватил со стены небольшой сейф. На досуге у меня было время его вскрыть и познакомиться с содержимым. Ничего особенного. Подтверждение кое-каких рядовых махинаций, о которых и так все догадывались. Но особая реклама тут Компании тоже не очень требовалась. Да и, как я говорил, позиция ее на процессе потеряла первоначальную неуязвимость. В этот момент еще очень кстати пристрелили Капитана. Появилась прекрасная возможность сделать из покойника козла отпущения. Мы пошли на мировую. Виновных не оказалось, а вся кровь — из-за

преступной несдержанности Капитана и его халатного отношения к предписаниям свыше.

Документы я Компании выложил подчистую. Нас больше не трогали, а истории типа «вор у вора украл дубину» меня не интересуют. Так что расстались очень мирно. Не за что им со мной счеты сводить. Да и за эти годы могли хоть попытаться меня убрать где-нибудь подальше от родных мест. Не очень я и скрывался, можно найти при желании. Не будет за меня Компания платить летунам.

— Считай, что убедил. И так — не Компания. Тогда кто? Изложишь ты, наконец, зачем явился?

— Мне нужно пройти за перевал.

— Не за тем, конечно, чтобы повидаться с местными?

— Без этого не обойдешься.

— Ну да, по необходимости. А потом тебе небось надо выйти на плато?

— Да.

— Понятно. Теперь понятно. Мальчик умудрился за эти годы не повзрослеть. Не скажу, кто тебя хочет убрать. Не знаю, кому ты сейчас мешаешь. Потому что ты мешаешь всем.

Зачем тебе на плато? Никому никогда ничего там не было нужно и быть не может. Что ты опять лезешь туда, куда ни одному нормальному человеку в голову не придет соваться? До каких пор можно оставаться шаловливым ребенком?

— Мне нужно на плато. Я еще не разобрался с вероятками.

— А кто сказал, что именно тебе требуется с ними разобраться? И что с ними вообще надо разбираться? Почему это ты все время должен в чем-то разбираться? Да начни ты, наконец, жить по-человечески. Что, ты самый убогий или самый святой? На кой черт принесло тебя опять на эту паршивую планету? Ведь бегут отсюда все, драпают с закрытыми глазами, а ты приперся. И благо бы еще по ошибке, по неведению, так нет, сам все знаешь. Все дерьмо здесь не один раз ложкой перехлебал, а опять на рожон лезешь.

Господи, да если бы я хоть чуть помоложе был, в две минуты смотался бы. Если бы где-нибудь в этом сучьем мире мне хоть что-то светило. А ты молодой, здоровый, дело в руках верное, надо думать, раз тебя еще безусого Компания сменным мастером назначила. Так зачем же явился опять в

эту черно-белую комедию? Мы сейчас сидим с тобой вдвоем за закрытыми дверями, и мы сидим в масках. Ну я, хорошо, отсюда неизвестно сколько лет не вылезал, меня уже ничем не прошибешь. А ты только из нормального мира прибыл. И как ни в чем не бывало напялил маску. За все время даже рукой к ней не потянулся, будто не мешает она тебе вовсе, будто родился в ней. Да неужели не тошнит тебя от всей этой буффонады, неужели ты видел где-нибудь более лобовую и пошлую аллегорию? Это же просто бульварная оперетка, визг с подмостков.

Может, ты действительно веришь в сказку, что для местных маска такой же необходимый предмет туалета, как для нас штаны? Они, видишь ли, такие физиономисты, такие пронизательные, и при этом так не сдержаны в мимике, что никак не могут ходить с открытым лицом, как мы с открытой душой. А я тебе скажу, что все это полное вранье. То есть, может, когда и было так, а сейчас точно вранье. Они давно разучились не только читать что-нибудь по чужим лицам, но и придавать хоть какое-то выражение собственной физиономии. И маска им теперь нужна не затем, чтобы скрывать, а как раз на-

оборот, чтобы хоть что-то выразить. Ведь у них есть свой, и очень развитый, язык масок. И форму они варьируют, и цвет, и даже разрез глаз. Мы пока этим языком не владеем. Ну, ничего, скоро научимся. Тем, кто здесь, тоже становится лень изображать хоть что-то на собственной роже, а уж всматриваться в чужую... А кому еще не лень, те бегут, досыта наевшись твоих верояток. Посмотри вокруг. Город уже наполовину пуст. На приисках вакансии на те места, из-за которых еще двадцать лет назад спецы горло друг другу перегрызали. Фермы заброшены. По дорогам шляются одни летуны.

— Мне нужно пройти через перевал.

— Нужно? Хорошо. Тогда позволь напомнить тебе еще кое о чем. Раз память оказалась такой короткой. Сколько мальчиков ты оставил в лесу при отступлении? Двадцать, тридцать? И оставил бы всех остальных, это не ты их вывел, это тетушка дала вам уйти. И все эти мальчики на твоей совести. Именно мальчики, за тобой пошли одни сопляки, там никому не было даже двадцати пяти. Они прекрасно прожили бы жизнь без твоих великих идей. Прожили бы. А не сгнили в лесу.

— Прожили бы. За счет других мальчиков, погибших вместо них на других приисках. Но не захотели так.

— Все это в теории. Все это по твоим бездоказательным и абстрактным рассуждениям. А взамен они получили конкретную пулю в лоб. Реальность обозначилась не твоими благородными порывами, а несколькими десятками трупов. Ты один раз уже подставил людей под автоматы профессионалов Капитана. И сейчас здесь как раз офицерские-то места заняты полностью. Что тебе еще тут нужно?

— Пройти через перевал. Сейчас его перекрывают люди Святого Старца. Мог бы прорваться с боем, но лишний шум мне не нужен. А у вас со Старцем связи есть. Это я знаю. Дайте мне выход на него. Или на кого-нибудь из окружения. Помогите мне, Блум. Я заслужил. Хотя бы тем, что выслушал ваш блестящий монолог.

— Ну, что ж, добавить мне нечего. Выхода на Старца я тебе не дам. Да он тебе и не нужен. Через два дня Святой будет предупрежден и тебя пустят через перевал. Одного. Правда, как ты туда доберешься, не очень представляю, но это уж твое дело.

— Хотел просить Чепмена, как вы на это?

— Он сам не ребенок.

— От вас требуется только не мешать.

— Я тебе все сказал. Хотелось бы, правда, умереть раньше, чем тебя здесь успокоят. А то, что это произойдет в самое ближайшее время, для меня почему-то становится все яснее.

— Умрете, Блум, не волнуйтесь. Вовремя. И я вовремя. Мы все тут поспеем, никто не опоздает.

Секретарская мордочка прощелкала мне что-то вслед зубками, но я уже оказался на площади. Приходилось спешить, до назначенной Чепменом встречи оставалось чуть больше десяти минут. Тетушкину машину я поставил, как договорились, у гостиницы, напрокат взять еще не успел, такси не попадалось. Прикинул, что быстрым шагом успею и пешком. Не стал терять времени.

Световой день должен был давно закончиться, и солнце действительно исчезло, однако уличные фонари разгоняли не привычную синеватую тьму, а какой-то мутноватый, но довольно светлый туман, напоминающий свернувшееся молоко. В вязкой белесости слышалась чуть рваная и истеричная, не без приятности музыка. Все чаще

навстречу мне попадались пока еще молчаливые, но по походке уже явно возбужденные стайки молодняка в ярких масках и широкополых праздничных шляпах, за лентами которых шелестели цветы. Я сообразил, что попал как раз на Смену Дня и Ночи, Скоро должны начаться торжественные шествия, и меня это насторожило, как еще один забытый и неучтенный фактор. Что-то становится их все больше и больше.

Как ни странно, забегаловка эта, неподалеку от центрального отеля, оказалась мне знакома. Хотя, может быть, и просто похожа на какую-то из бесчисленного множества, осчастливленных в свое время посещениями нашей не очень пьющей, зато предельно шумной компании. Замызганные пластиковые столы, нудные голубые стены, сонная баба у стойки, сквозняк... Чепмена я увидел сразу, он сидел в самом центре, лицом к двери, и держал голову так, что каждый входящий человек среднего роста мгновенно встречался с ним глазами. Не очень приятная манера, но, говорят, иногда полезная. Сам Чеп в интерьер заведения вписывался идеально: серенькое такое существо с покатыми плечиками и скошенным подбородком, скромные прядки жидких волос блеклого, не очень

понятого цвета, аккуратные розовые ушки, перетянутые ровно по середине резинкой маски. О возрасте ничего толком не скажешь — может, тридцать, может, пятьдесят. Вот руки несколько длинноваты для такой фигуры, но, сидя за столом, Чеп всегда держал их опущенными вдоль тела, поднимал только если требовалось поднести стакан ко рту, так что и это отличие было практически не заметно.

Он тоже узнал меня сразу. Кивнул довольно вежливо на стул перед собой и гораздо более мимолетно хозяйке. Та, каким-то чудом при ее совершенно отрешенном виде, намек уловила и приплыла ко мне со стаканом сомнительной мутной дряни. Я послушно пригубил напиток, но ни желаний, ни возможности разобраться сейчас в его высоких качествах не имел и потому предпочел посчитать все предварительные процедуры законченными. Тем более что Чеп явно ждал именно этого.

— Блум обещал, что через два дня Старец пропустит меня через перевал. Но туда еще нужно добраться. Кроме вас мне мало кто может помочь.

— Вообще никто. И я не могу.

— А Блум сказал, что это в ваших силах.

— Блум сказал, Блум обещал... Ничего он такого не говорил. А произнес конкретно, что я сам не ребенок. Только это. И передал мне дословно. Так что если хочешь на кого-то валить, то будь добр цитировать точно. И давай, чтобы это была последняя неточность в наших отношениях, иначе ничего не получится.

— Так, значит, что-то еще может получиться?

— Пока не знаю. Сначала у нас друг к другу будет несколько вопросов.

— Заплачу я много. Очень много. Сколько вы скажете.

— Это естественно. Я и не предполагал в тебе дурака, а ты, надеюсь, во мне — благотворительное общество. Тут другое. Кто ждал тебя на шоссе?

— Откуда я знаю? Сам впервые услышал об этом от Блума, он говорит, что это были люди Лаевского, двоих даже может назвать по именам.

— Опять «Блум говорит». Ты насчет его не очень все-таки обольщайся. Знаешь, как я к старику отношусь, у меня здесь ближе человека нет, а значит, и нигде нет. Но есть один момент, ты не здешний, можешь не понять. Она слишком

маленькая, эта планета, на ней масштабы теряются.

— Если бы я не считал себя здешним, я бы не вернулся. И при чем тут величина планеты, я ее не продаю, не надо сбивать цену.

— Меня совершенно не интересует, кем ты себя считаешь, как и все прочие твои эмоции. Постарайся на время общения со мной держать их при себе. Ты приехал сюда с дипломом в кармане, проработал несколько лет на прииске и сжег за собой взлетный круг форсажем при старте. А я здесь родился, И Блум здесь родился. А планетка маленькая, и дело тут не в размерах, а в том, как ты себя на этих размерах чувствуешь. С аборигенами особо не общаешься, у тех, кто сидит непосредственно в шахтах и карьерах, одна мысль — поскорее закончить вахту и смыться. Что остается? Администрация приисков, портовая служба, складские техники, здесь в городе верхушка, кто пока не закурился и не закололся окончательно. Да летуны. Ну еще фермеры, их, правда, совсем мало теперь. Если отбросить детей, развалюх и тех, кто никогда и нигде ни к чему отношения иметь не может по отсутствию головы, то останется всего несколько тысяч человек. И вот среди них ты крутишься.

Десяток лет. Другой. Пятый. Все в конце концов оказываются друг с другом повязаны. Кто-то кому-то когда-то оказал услугу, пил на свадьбе, шел за гробом твоего отца, переспал с твоей сестрой, замотал долг, подставил ногу, протянул руку. И если даже лично тебя не знаю, то знаю твоего родственника, или хоть приятеля твоего родственника, или уж, по крайней мере, сослуживца приятеля твоего родственника. Вот такая теплая компания получается. И возникает с годами у человека впечатление, а у Блума этих годов вполне достаточно, что это и не планета вовсе, а так, одна большая ферма, на которой все-то тебе известно и все-то ты можешь. Тем более что связи у Блума даже по местным понятиям редкостные.

А все же это не ферма. Планета. И это ты должен запомнить прежде всего. Планета. Всякая простота и патриархальность отношений тут обманчивы. При тех условиях, о которых мне поведал старик, ребята из группы Лаевского никаким образом на шоссе быть не могли.

— Не понял. Значит, это не они и Блум ошибся?

— А вот тут он ошибиться не мог. Дело в другом. Для тебя «летуны» есть «летуны» и ни-

чего больше, а уже давно не совсем так. То есть старики и вообще кто попрличнее остались с Лаевским, но лет пять назад Сани Гримм собрал команду из молодняка, беглых штрафников, и даже городской шпаной по мелким делам не брезгует. Тоже работают под летунов и форму ввели, хотя, понятно, к настоящим никакого отношения не имеют. Так вот Гримм за деньги убивать будет, а Лаевский никогда. Контрабанда, наркотики, девочку любого цвета с любой планеты, мост за собой взорвать во время погони с двумя батальонами охраны — это пожалуйста. Но только не платное убийство. У Стива Лаевского весьма оригинальный кодекс чести, но он у него есть. Так что остается одно из двух. Или Стив имеет к тебе какие-то личные счета, или тут действует какой-то никому из нас не известный фактор.

— Счетов нет. А что, Блум всего этого не знает?

— Понятно, знает. Даже слишком хорошо. Об этом я тебе и говорил. Настолько хорошо все знает, что задумываться о мелочах уже труда себе не дает. Да и понятно, ему, собственно, что для сидения в собственном кабинете его сведений больше чем достаточно. А мне тебя к пере-

валу вести, потому приходится копаться в тонкостях, за твои деньги мне новую голову не привинтят. Я давно за счет одной любознательности живой.

— Так вы согласны идти к перевалу?

— Не спеши, твоим вопросам время будет впереди, пока еще мои не кончились. Что тебе нужно за перевалом, шестой прииск или Королевство?

— Мне нужна дорога между ними. Которая едет на плато.

— Так. Понятно. Ну, по всей кутерьме, которую ты успел поднять с первых шагов, я что-то подобное и предполагал. Хотя, нет, вру. Такой совсем полный бред даже мне в голову не приходил. Впрочем, ладно, мои эмоции тоже оставим. А вот мнение одно позволю себе высказать. Чтобы не вышло между нами недоразумений. Все это, естественно, имеет какое-то отношение к той твоей заварухе по поводу верояток?

— Можно, видимо, и таким образом изложить.

— Ну так вот, сразу же должен тебя предупредить, что и тогда относился и сейчас отношусь ко всей этой истории с глубочайшим отвращением, как к самому крутому идиотизму. Имен-

но с твоей стороны. По той самой простой причине, что никаких верояток не существует.

— Послушайте, Чеп, я внимал вам как послушный ученик до тех пор, пока вы были в своей стихии. И давайте каждый из нас не будет заниматься чужим делом. Философские парадоксы — это не из вашей области.

— Парадоксов тут никаких нет, а философии еще меньше. И изволь оставить свой тон, ты мне еще ни гроша не заплатил.

— Может быть, как раз и перейдем к обсуждению суммы и оставим в покое теоретические вопросы?

— Вот что, Валентин, давай сразу договоримся. Деньги для меня значат очень много. Но не все. И у меня тоже есть свои моральные принципы, хотя, наверное, и не столь сложные, как у Лаевского. Мне они от этого не менее дороги. С партнерами я привык играть в открытую. И если ты претендуешь на это звание, то изволь не задиаться и слушать спокойно. Или катись. Хорошо?

— Хорошо.

— Так вот. Что касается верояток. Откуда пошла вся эта история? Тут же ничего не было.

Форпост задрипанный с меновой лавочкой — мыло на сувениры. Приехал Катнер и пробил набум подряд семь шахт. Без разведки, без поисковых партий, без планетарной съемки. За один месяц. И во всех семи местах оказались богатейшие залежи. А потом уже начали всю планету дырявить метр за метром. И больше нигде ни кусочка не нашли. Получилось, что все, что тут есть, в тех семи, взятых наугад, точках. Необъяснимо. А тут еще и сам Катнер исчез. Даже спросить не у кого. Вот и понаехало всяких теоретиков. Какое-то мнение они должны занять? Тогда и начали развешивать клюкву насчет нарушения теории вероятности и прочей высоконаучной мурры. А ничего подобного здесь не было.

— Но что-то же было?

— Не что-то, а кто-то. Тот самый Артур Катнер. Которого все эти умники не знали и представляли эдаким полупомешанным малограмотным старателем. От собственного фарта совсем взбесился и где-то сгинул. А вот я его слишком хорошо знал, чтобы верить дурацким рассказам.

— Перестаньте заговариваться, Чеп. Вы знали Катнера? Сколько вам лет?

— А вот это тебе не надо. Я у тебя пенсию пока не прошу. С Катнером я около двух лет работал в одной упряжке, хотя действительно был тогда еще совсем щенком. Он и вправду пахал как простой старатель. И отдельную кружку для себя в партии не держал. Но в голове имел на два вагона таких умников, и еще оставалось. Пока они зарабатывали себе имена задницей, он долбил грунт и копался в грязи по всему миру, а го считали грубияном и неучем. Когда же он из этой грязи достал клад, так им просто ничего больше не оставалось, как объявить это нарушением каких-то теорий.

— Послушайте, Чеп, но ведь никакой методики у Катнера действительно не было, он же сам об этом говорил еще до своего исчезновения?

— Что он там говорил и для чего это ему тогда понадобилось, это сейчас дело темное. Он никогда с чужими особенно не откровенничал, а своих у него в тот момент здесь не много набиралось. Ну, а если даже и не было методики? Да надо шестьдесят лет гоняться за этой паршивой рудой, знать про нее все, на запах ее чувствовать, на вкус, на ощупь с закрытыми глазами, надо, чтобы она в кровь вошла, в печенку про-

бралась. И не нужна тогда никакая методика, он взял эту руду как девку на лугу по весне, где там силой, а где любовью, — уже не разберешь. Ну, а если еще и фарт? Да, да, тот самый фарт, от которого с превеликим презрением отворачивали носы умники. Так это его был фарт, катнеровский, его никакими ихними приборами не измеришь, он его у судьбы и выслужил, и с мясом выдрал. И никакие вероятки тут ни при чем.

— Хорошо, оставим историю, может быть, тут вам виднее, я тогда, действительно, еще не родился. Но все остальное-то, все остальное тоже придумали умники? Придите в себя, Чепмен!

— А что, собственно, остальное? Ведь ничего толком не доказано, а что доказано, так ли уж невероятно, и совсем не может оказаться подвластно чужой и не очень доброй воле? Тем более что для нас она и в самом деле слишком чужая, чтобы быть вполне понятной. Нет, умники тут, конечно, ни при чем. А вот аборигены — очень даже возможно. То есть я-то совершенно уверен. Все это — их мерзкие штучки с расчетом на наше легкомыслие и неверие в собственную судьбу. Они же нас попросту ненавидят. Думаешь, есть хоть слово правды во всех этих рассказах про маски? Да полная чепуха, им

даже физиономии наши видеть противно, вот они и чудят. Я видел их старые картины, тех времен, когда нас тут еще не было. Не портреты, с ними все понятно. Массовые сцены. И никаких масок там нет. Все эти нежности с нашим появлением обнаружались. Не прав я по-твоему?

— По-моему, вы уже начинаете попусту кликушествовать. И к тому же все это меня совершенно не интересует. Мне нужно выйти к перевалу.

Собственно, последнее слово я так и не произнес, поскольку его довольно грубо затолкали обратно. Стол передо мной внезапно прыгнул, пришлось аккуратно по животу и совершенно бесцеремонно отправил нас со стулом по направлению к полу на хорошей скорости. Чеп в это время совершал точно такое же движение, но в противоположном направлении, целясь головой в самый низ стойки, к которой сидел спиной. Последнее, что я успел рассмотреть, перед тем как затылок мой пришел в соприкосновение с мягким пластиком пола, была рука Чепы, которая, несмотря на нелепую позу ее владельца, весьма непринужденно управлялась с длинноствольным пистолетом и вела беглый огонь по

дверному проему с таким видом, словно принадлежала не этому нелепо кувыркающемуся человеку, а солидному спортсмену, развлекающемуся в подземном тире собственной виллы.

Видимо, на несколько мгновений я все-таки потерял сознание, пластик, хоть и мягкий, но, наверное, недостаточно. Далее помню уже, как Чеп поднимает меня с пола, несколько обеспокоенно рассматривая поверхность моей головы, произносит быстро и сухо, но, надо отдать ему должное, все же с легким оттенком извинения в голосе:

— Никак, знаешь, не успевал тебя иначе предупредить...

Однако у нас нет времени на долгое выяснение отношений, и мы бросаемся к дверям. У порога лежит рослый поджарый мужчина с очень красивыми светлыми волосами, правда, уже чуть начавшими редеть. Одет в офицерскую летную форму без знаков отличия. Поза его достаточно характерна, потому в данный момент он не имеет для нас никакого значения, и, перепрыгивая через тело, мы выскакиваем на улицу. И успеваем заметить, как за поворотом исчезает грязно-коричневая машина военного образца со скошенным радиатором. Догонять нам ее не на чем.

— Что за дурацкие шалости? Кто это был? На Чепу противно смотреть, такая глубочайшая скорбь заполнила его глаза. Всю бестактность своего вопроса я понял до конца только тогда, когда этой скорби стало еще больше.

— Другого я толком рассмотреть не успел, слишком резвый. Но, по-моему, Тед, второй человек после Стива. А тот жмурик — точно Седой, новенький из группы Лаевского. Я и видел то его всего раз, мельком.

— Но вы же говорили, что Лаевский платными убийствами...

— Что я говорил?! Говорил, говорил!.. Господь бог я тебе или сынок его незаконнорожденный? Я тебе про судьбу говорил, а ты со мной лаяться начал, не соображая, что она уже у тебя за спиной стоит.

— Я вам тут затылком видеть обязан?

— Да по мне хоть ушами. А не можешь, не садись так, чтобы маячить в секторе возможного обстрела. Деловой очень! Ладно, пошли.

— Куда?

— Почему я знаю? Куда-нибудь, где смогут ответить на твой замечательный вопрос про дурацкие шалости. Только иди уж рядом

и пригибайся, пожалуйста, вовремя, чтобы мне хоть на тебя-то отвлекаться не приходилось.

Через несколько минут мы были в холле Центральной гостиницы. Чеп, замедляя шаг, сразу направился в правый угол, где обнаружился чрезвычайно элегантный чистильщик сапог в такой белоснежной сорочке, как будто ее только что сняли с покойника, приготовленного к похоронам по самому высшему разряду. Но более всего чистильщик был странен не этим, а полной своей ненужностью, так как рядом стояло несколько автоматов, способных выполнять ту же работу не только качественнее, но, что самое основное, совершенно бесплатно. Однако по виду почтенного труженика никто не сказал бы, что дела его находятся в плохом состоянии. Чеп подошел вплотную к изящному ящичку с вычурной подставкой для подошвы и взгромоздил на нее свою мокаси́ну, неожиданно оказавшуюся размером за сорок пятый. Сияло это небольшое футбольное поле так, что на него больно было смотреть. Но чистильщика ничего не останавливало, и он набросился на бедную туфлю столь ярост-

но, словно шел в свой самый последний бой. Тогда я еще не знал, как близко к реальности находится мое предположение.

— Мальчик, мне нужен Лаевский. Где он?

Мальчик отреагировал резво, хотя и не очень молодо, может быть потому, что минимум лет пятьдесят назад вышел из юношеского возраста:

— Мистер Чепмен, ну откуда я могу знать, ну что вы прямо такое спрашиваете у бедного чистильщика с большой и прожорливой семьей...

Чеп более звуков никаких не издавал и позы не менял, потому семейному человеку приходилось обрабатывать укоренившуюся перед его носом туфлю с прежним тщанием, и я подумал, что из этой ситуации только два выхода — или он в конце концов протрет кожу и доберется до носка, или раньше успеет ослепнуть от ее блеска. Видимо, чистильщика не устраивал ни тот, ни другой, так как он сменил наконец плаксивый тон на решительный и заговорил почти возмущенно:

— Ведь вы не хуже меня знаете, что мистера Лаевского нет сейчас на планете, из кармана я вам должен вынуть, что ли, мистера Лаевского...

Чеп интереса к разговору совершенно не проявлял, он крутил головой, рассеянно осматривая мельтешащих по холлу девочек, и казалось, вот-вот начнет от скуки насвистывать какой-нибудь популярный мотивчик. Чистильщик опустил голову совсем низко, и в голосе его не осталось более никаких интонаций, кроме полной безнадежности:

— А ведь они меня пристрелят.

Эта фраза была Чепом воспринята. Он снял ногу с ящика и согласно кивнул, выражая всей своей позой предельное участие:

— Вполне вероятно. Но через некоторое время. А я сейчас.

Чистильщик сделал какой-то не уловленный мною знак или что-то сказал, чего я не расслышал, во всяком случае, нечто подобное произошло, так как Чеп вдруг резко развернулся и понесся к выходу. Я старался не отставать и почаще оглядываться, помня полезные советы, данные мне недавно. Так старательно все это исполнял, что не заметил, как через несколько минут оказался вслед за Чепом в каком-то странном здании с длинными коридорами и большим количеством дверей по обе стороны. Из-за одной доносились звуки, сильно на-

поминающие спевку детского хора, за другой яростно разучивали гаммы, третья открылась перед нашим носом и оттуда выплыл аккуратный строй девочек в коротеньких белых юбочках под предводительством обворожительного существа с фантастической грудью при такой тонкой талии. Существо строго кивнуло нам, сделало взмах рукой, и десяток пар присели в изящнейшем реверансе. Мы тоже стали самым старательным образом раскланиваться, но на нас уже не обращали внимания и поплыли дальше, источая тот немислимый запах, что имеют только дети лет до семи.

Мы поднялись на второй этаж и оказались у шикарной, чуть ли не бронзовой, таблички «Директор». За ней находилась приемная со всеми положенными атрибутами, включая секретаршу килограммов ста двадцати весом. Видимо, Чеп пользовался у нее некоторой благосклонностью, так как глаза «крошки» стали хоть относительно похожи на человеческие, и она проревела почти ласково:

— Вы договаривались о встрече, уважаемый?

— К сожалению, нет, мадам, — мой спутник ни с того ни с сего стал сама нежность, и я начал опасаться, что он сейчас растечется по полу

сладкой лужицей, — мы только что узнали о приезде господина Лаевского и не смогли удержаться, чтобы не выразить свое почтение! Доложите, милочка, и я не сомневаюсь, что нас будут участливы видеть...

Мадам, она же милочка, наклонилась над селектором, что-то тихонько проворковала (еще секунду назад я дал бы голову на отсечение, что голос ее не может звучать тише реактивного двигателя на старте), и нам милостиво сделали приглашающий жест рукой. Распахнулись тяжелые створки, мы прошли, но оказались не в кабинете, а в небольшом предбанничке, где поймали удовольствие нос к носу столкнуться с двумя молодыми людьми, точь-в-точь такими, как в дешевых комиксах изображают телохранителей больших боссов. Гориллы были настроены крайне доброжелательно, и один из них проговорил почти дружески:

— Выворачивайте-ка карманы, ребята. Вдруг там завалюсь что-нибудь огнестрельное. Знаете же — порядок...

Эта доброжелательность их, видимо, и подвела. Пока я только начинал соображать, каким образом выразить свое несогласие с предложением,

то ли сразу начать стрелять, то ли сперва попробовать старый добрый хук справа, оба сторонника порядка как-то неприятно дернулись и стали медленно сползать по стене, а Чеп уже прятал руки в карманы, где всегда из стеснительности скрывал их длину, если перед ним не было стола. Одновременно он толкнул ногой следующую дверь, и когда я вошел следом, то застал такую картину в готовом виде. На большом кожаном диване полулежал в строгом черном костюме тысячи за полторы классический плейбой в начале пятого десятка и лениво кушал виноград из огромной хрустальной вазы, стоявшей рядом на журнальном столике. Глаза этого человека изумляли совершеннейшим отсутствием всяческого выражения. А перед ним расположился Чеп и самым мерзким тоном, на который был способен, излагал свои планы:

— Знаешь что, Стивочка, я вот сделаю сейчас у тебя в голове две большие дырки с разных сторон и ни одной ночи потом плохо спать не буду.

Да, надо еще заметить, что в подтверждение своих слов Чеп крепко, как ребенок за мамину руку на оживленном перекрестке, держался за какую-то мрачного вида штуковину с коротким широким

дулом и длиннющим магазином, по виду патронов на тридцать. Я еще раз подивился, где мой спутник умудряется прятать весь свой арсенал на таком крохотном тельце. Единственной реакцией Лаевского явилось только то, что он, подумав, все же взял из вазы еще одну ягоду и стал ее старательно жевать. Правда, в глазах его вроде мелькнуло что-то похожее на заинтересованность, но или слишком быстро пропало, или мне это просто показалось. Затем он аккуратно сплюнул косточки на специально стоящее для этой цели блюдце, сменил свою позу на совершенно сидячую и слегка приподнял голову.

— Здравствуйте, Чепмен! Рад вас видеть. Как вы поживаете?

Последний вопрос был произнесен крайне участливым тоном, но тону этому в противоречие и не думая слушать ответа, Лаевский без малейшей паузы продолжал, плавно поведя рукой в сторону кресел, стоящих по другую сторону столика:

— Да вы присаживайтесь, что за церемонии. Попробуйте винограду, отличнейший. Может быть, на чей-то вкус несколько кисловат, но в данное время года я предпочитаю именно этот

сорт, он действует удивительно освежающе. И еще, Чеп, у меня была бы к вам большая просьба, если вы приходите ко мне с незнакомым человеком, то постарайтесь поскорее представить нас друг другу, чтобы не создавать лишней неловкости в отношениях.

Наверное, Чеп совершил уже весь подобающий случаю ритуал для выказывания собственного возмущения и не считал нужным утруждать себя еще какими бы то ни было жестами, потому как совершенно спокойно отправил пушку куда-то вовнутрь одеяния и, не раздумывая, двинулся к креслу, заинтересованно косясь на виноград и даже не бросив взгляда в мою сторону. Мне ничего не оставалось делать, как только последовать его примеру. Хотя в глубине души я был на него несколько обижен за то, что он так бесцеремонно проигнорировал призыв Лаевского к акту взаимного представления. И, как оказалось, обижен был совершенно зря, про меня отнюдь не забыли, просто на некоторое время значимость моей персоны слегка померкла перед отношением Чепе к кисловатому винограду. Однако уже после пятой ягоды он резко сбросил темп и кивнул в мою сторону, переведя взор с вазы на Лаевского.

— Это Валентин с шестого прииска, мастер, тот самый, помнишь?

Хозяин раскланялся довольно учтиво, хотя и не привстав с дивана.

— Как же, как же, очень даже помню. Шумный вы тогда скандал устроили. Не совсем в моем вкусе, с жутким, кажется, количеством благородных идей, но все равно приятно. Рад познакомиться. Вот уж никак не ожидал, что вас снова потянет в наши места. Дела или просто воспоминания юности? Однако не буду назойливым, каковы бы ни были причины, они наверняка не менее благородны, чем ваши идеи. Так что добро пожаловать и чем могу служить?

Да уж, быть назойливым в своих вопросах Лаевскому совершенно не грозило, настолько мало его интересовали ответы собеседника. Даже пауза, следовавшая за последним вопросом, а обычно, как я заметил, они отсутствовали, так даже она совсем не приглашала действительно начать излагать, чем может оказаться полезен Стив Лаевский некому Валентину, а требовала скорее нескольких пустых и чрезвычайно изящных фраз для продолжения, но одновременно и завершения светской беседы. Я, однако, сейчас

к такого рода беседам был искренне не склонен и потому продолжал сидеть молча, глядя чрезвычайно внимательно куда-то в сторону ножки кресла. Так что Чепу волей-неволей пришлось окончательно оторваться от ягод и перейти к делу, несмотря на совершенно откровенную неохоту.

— Одно хорошенькое «добро пожаловать» от тебя уже получил. И я с ним за компанию. Нас только что пытались пристрелить твои ребята.

— Прости, — вдруг совсем ненатурально заволновался Лаевский, — а ты не очень покалечил этих двоих перед входом, что-то там слишком тихо?..

— Ничего, — отмахнулся Чеп, — все в порядке, через пять минут очухаются.

— Да ладно, ладно, это я так. Продолжайте, простите, что прервал.

— А я уже все сказал. Тут в забегаловке напротив. Подняли стрельбу. Теда и этот ваш новенький — Седой.

— А вы уверены, что именно они, ошибочки не получится?

— Знаешь, если совсем честно, то насчет Теда я тебе сто процентов не дам, хотя у меня ошибочки редко получаются. А вот что касается

Седого, можешь пойти сам посмотреть, думаю, его еще не успели убрать с порога.

Лаевский вдруг встал и пошел к окну. Оказался он до нескладности длинным, что совершенно не шло к его лоску. И было непонятно, зачем идти к окну, если оно занавешено глухими портьерами, тем более что раздвигать их он не стал, а, казалось, все свое внимание сосредоточил на разглядывании узора темно-вишневой ткани. И заговорил он не оборачиваясь, потому голос его прозвучал неожиданно, хотя и тише прежнего:

— Меня здесь не было. И вы, Чепмен, прекрасно об этом знаете.

Надо отдать Чепу должное, что к моменту начала серьезного разговора он перестал уничтожать виноград и вообще держался солидно.

— Прекрасно знаю я только одно, что без тебя, Стивочка, тут ничего не делается, потому давай, пожалуйста, говорить серьезно, у нас времени мало.

— Меня здесь не было, — еще раз повторил Лаевский и повернулся. Я мог ожидать многого, но то, насколько успела всего за несколько секунд измениться эта физиономия, явилось неожиданностью даже для меня. Вместо вальяжно

раскатанных губ в надменно приветливой усмешке явилась тонкая полоска, выбеленная ненавистью без надежды и пощады.

— Меня здесь не было. Слишком долго. Слишком. Говорю только вам, Чеп, и вы знаете, почему говорю и почему вам. Валентин не в счет, если привели, то знаете, что делаете. Происходит странное. Что-то происходит. Я разобраться пока не могу. Это впервые. А меня вызвали и просили. Они встревожены. Очень. Но я пока ничего не могу сделать. Время мне нужно. Время.

Больше всего не люблю вмешиваться в партии, когда колода изначально роздана в чужие руки. Потому я старался до сих пор не проронить ни звука и аккуратно работал под говорящего попугая, которого просят помолчать. Но, когда Стив начал проявлять слишком личностное отношение к происходящему, а Чеп явно исчерпал привычные и возможные для него варианты оперативной реакции, мне пришлось прекратить валять дурака и вспомнить, что времени не просто мало, а нет совсем.

— Уважаемые господа! К сожалению, не имею возможности полностью проникнуться теплотой ваших почти родственных отношений и

анализировать все возможные эмоциональные нюансы, но испытываю чувство легкого беспокойства из-за спешки и непростительной по ее поводу суеты. Короче, Стив, вы можете расценивать все это как юношескую браваду, но я собираюсь посоревноваться с целым рядом товарищей в деле устройства крупных неприятностей друг другу и потому прошу поверить моему честному слову, которое, надеюсь, господин Чеп подтвердит, несмотря на внезапно охватившую его стеснительность. Я всю вашу лавочку отправлю к такой матери, что вам с очень большим трудом потом удастся восстановить хоть какие-то родственные связи.

Произнеся эту крайне идиотскую тираду, единственное достоинство которой состояло в том, что ее длинноты позволили мне чуть подумать и сориентироваться, я направился к двери, полностью уверенный, что так просто уйти мне не дадут. Однако остановило меня совсем не то, чего я ожидал. Тяжелые створки распахнулись, и в комнату с жутким воем вломились оба знакомых мне комиковых громилы с автоматами наперевес. К счастью, прежде чем надавить на спусковой крючок, они окинули взглядом обста-

новку и обнаружили уютно устроившегося в кресле Чеп, мрачно, но гостеприимно привалившегося задом к подоконнику Лаевского и решительно, но вполне мирно шагающего по паркету меня. Идиллия этой обстановки подействовала на них явно оглушающе, так как мальчики застыли в совершенно неестественных позах с крайне интеллектуальными выражениями лиц и стали думать. Стиву стоило бы заволноваться, что его люди занимаются столь несвойственным им делом, однако он проявил совершенно другие чувства, скорее похожие на удивление. Посмотрел на часы и повернулся к Чепу с самой искренней заинтересованностью:

— Как вам это удастся? Действительно, ровно пять минут. Фантастика, вы их что, к таймеру подсоединяете, когда выключаете?

Чеп умудрился сохранить свою солидность настолько, чтобы не ответить, однако взглянул достаточно красноречиво для того, чтобы ребята исчезли.

— Бросьте, Валентин, — наконец произнес Лаевский то, что я от него добивался, и, главное, именно тем тоном, которого я столько времени ждал. — Бросьте и не шумите. Я давно пере-

стал удивляться на этой планете чему бы то ни было, только потому сегодня воспринял ваше появление как обыденное. Хотя наверняка это вероятка. Как все. Как все, во что не верит Чеп.

Я не заставил себя долго уговаривать, более того, понял сразу и без сомнений, что балаган окончен, потому вернулся в кресло и приготовился слушать. Лаевский тоже сел в кресло против меня и даже не потянулся к винограду.

— Чеп прав. Без моего ведома здесь ничего не совершается. Был прав. Не совершалось. А сейчас происходит что-то странное. Кто-то нащупал принцип работы верояток. Вы тогда догадывались о близком к истине, Валентин, они работают в обе стороны. Но у вас не было доказательств, а у них появились. Не знаю, насколько точно выяснили принцип двусторонности, но некоторые закономерности нашли наверняка.

Я давно не ел, устал за сегодняшний день прилично, все умное, что мог изобразить в столь изысканном обществе, представил уже полностью, потому решил более не совершенствоваться в лексических изысках и быть предельно проще. Да и ситуация понуждала к форсированию определения понятий.

— Будьте любезны, господин Лаевский, проникнитесь снисхождением к моему скудоумию и сбейте темп. Что происходит? Кто и что нащупал? Кто вызывал? Зачем и кого вызывал? И, наконец, при чем тут стремление ваших ребят попасть из огнестрельного оружия в жизненно важные центры моего организма?

— Ладно. Если просто и коротко, то я не знаю, зачем в вас стреляли. Хотя вполне вероятно, что это были и мои люди. Двусторонний принцип действия верояток — это дело не теоретическое. Если появится возможность им управлять. А главное, найти второй конец у палки. Здесь пахнет гигантским рэкетом. И такими деньгами, которые могут все. Вот хозяева и заволновались, хотя пока ничего конкретного. Потому меня и вызвали, просили разобраться. А я даже тогда не воспринял все это всерьез. Но теперь вижу, что был не прав. Слишком тут без меня началась активная возня. Нехорошая возня. Самостоятельная. Без меня. Дайте понять. Мне нужно время. Не много. Но нужно.

Последние фразы Лаевского стали отрывисты и резковаты, но мне показалось, что причиной этому послужило не внезапно нахлынувшее

раздражение, а самая обыкновенная усталость. Только очень сильная. Видать, и вправду не самая легкая и приятная поездочка была у этого человека, и элементарная вежливость требовала побыстрее оставить его в покое, дать хоть немного прийти в себя, тем более что вряд ли он долго сумеет воспользоваться этим покоем. И хотя проявление любой вежливости, даже самой элементарной, было для меня роскошью не совсем позволительной, я все же не удержался и позволил прорваться всегда мешающим мне благородным чувствам, сделав Чепу намекающий знак, что пора, мол, и честь знать. И Чеп этот знак воспринял мгновенно, возможно, и сам пришел к сходным с моими выводам. Но Лаевский не дал нам уйти сразу, хотя на губах его и мелькнула тень благодарности.

— И вот еще что, Валентин. Мне очень не хотелось бы, чтобы у вас сложилось неверное впечатление о происходящем и вы отнесли откровенность моего разговора на счет ваших туманных высказываний с намеком на угрозу. Я не знаю, какие там у вас появились необыкновенные возможности за эти годы, но меня это, честно говоря, и не интересует. Здесь и сейчас вы все равно

далеки от того, чтобы быть хозяином положения, даже сами еще не предполагаете, как далеки. И не вам меня пугать. Я стал с вами разговаривать потому, что вы пришли с Чепменом, а мы с ним слишком давно и близко знакомы, чтобы выставить вас за дверь. Особенно после того, как люди, которых и до сих пор считал своими, устраивают неплановые стрельбы. Но есть у меня и еще одна причина проявлять не очень характерную для этого дома снисходительность. Припомнив причины, заставившие вас в свое время смотаться отсюда, мне почему-то показалось, что вы вернулись не просто прогуляться.

Я посчитал откровенность сейчас уместной и рассказал сразу все:

— Иду на перевал и далее собираюсь добраться до плато.

— Вот-вот, — в тоне Лаевского прозвучало нечто похожее на удовлетворение. — То-то у меня сразу при виде вас зародилось подозрение, что мне начинает везти. Сходите на плато. Сходите. Кому-нибудь все равно пришлось бы этим заняться. Поверьте, искренне рад, что не мне. Получается, не зря я был столь терпелив. Шансов у вас, правда... Да я при любом раскладе в

прибыли, потому как ничего пока в это предприятие не вкладываю. Просьбы есть?

— Постарайтесь, чтобы меня больше не пытались убить. По крайней мере, ваши люди. Надоело, честное слово.

— Постараюсь. Только и у меня пожелание, кстати, в интересах не одной моей, но и вашей безопасности тоже. Вы от меня ничего не слышали. Более того, и не видели. Я еще не приехал. Пока не выясню, кто здесь все это мутит, лишней рекламы не хочется. Да, Чепмен, чуть не забыл, что же это вы с чистильщиком так неблагородно, он ведь всегда к вам хорошо относился?

Чеп сделал попытку изобразить волнение, но получилось у него нарочито:

— Слушай, оставь, пожалуйста, чистильщика в покое, ни в чем он не виноват. Сделал человек для меня исключение, так ведь только для меня, он же знал, что ты обязательно рад будешь, не тронь ты его бога ради, очень тебя прошу...

Лаевский грустно вздохнул, сделал несколько шагов к двери, имитируя провожание и давая таким образом окончательно понять завершенность беседы.

— Не надо, Чепмен. Это уже не по вашему ведомству. Разберемся по поводу исключений. Мне, знаете, тоже еще пока жить хочется.

На обратном пути по лестницам и коридорам нас сопровождали всполохи ангельских альтов. Закрыв за собой массивную входную дверь, я обернулся и увидел солидную вывеску, на которую прежде не обратил внимания из-за спешки. «Детская музыкальная школа». Ничего себе крышу ребята придумали, кому, интересно, такая мысль в голову пришла? Однако мое удивление Чеп почему-то обидело.

— И никакая вовсе не крыша, сразу у тебя подозрения дурацкие. Стив закончил консерваторию и уже давно здесь директором. И, заметь, очень даже успешно, в нем дети души не чают, а на последнем смотре мы, между прочим, второе место заняли по хоровому пению. И нечего тут скалиться!

Я сразу пожалел, что невольно затронул какие-то неведомые струны в душе старого скандалиста, и предпочел перевести разговор на более насущные для меня в данный момент проблемы:

— Хорошо, хорошо, очень рад. Но вы мне лучше вот что скажите, как я понял, наш поход

на перевал можно считать делом решенным, или есть еще сомнения?

Чеп не сразу перешел на миролюбивый тон, видно, и вправду слишком пристрастно относился к репутации местного музыкального образования:

— И ничего я еще не решил! Мы даже не обговорили ничего толком, а он уже — решенное! И к тому же вдвоем нам туда соваться просто нечего.

— Не понял, что значит вдвоем? У вас что, есть еще кто-то на примете?

— В том-то и дело, что у меня нет. А нужен, по крайней мере, один человек, хотя на самом деле, конечно, лучше бы двое. Профессионалов, умеющих ходить в связке. Ты ведь в этом деле не очень? Ну вот. А один я тебя не протащу.

— Так что же вы не попросили людей у Лавевского, он ведь предлагал помощь?

— Э нет, он пока пусть сам разбирается, кто у него тут чем занимается, а мне здоровье дороже. Рисуем только мы с тобой, и это должны быть или мои, или твои люди. У меня сейчас нет никого. И не предвидится.

— У меня тоже, вы прекрасно все знаете.

— Ничего я знать не хочу. До восьми часов утра буду дома. Потом начинаю заниматься своими делами. До этого времени появятся новости — заходите.

Чеп развернулся и ушел. А я взглянул на часы и увидел, что сейчас по условному биовремени половина девятого вечера. С реальным временем нынешних местных суток соотнестись я с непривычки сразу не смог, но, похоже, день уже перевалил на вторую половину. Точнее определить оказалось сложно еще и из-за сильного тумана, размывающего свет в молочную муть. Делать совершенно нечего, не искать же и вправду каких-то, непонятно откуда могущих взяться профессионалов по хождению в связке, да еще с отличными характеристиками с места работы. Пойти бы в гостиницу и завалиться спать. Но, оказавшись в холле, я сразу наткнулся взглядом на промежуток между двумя автоматами, где произошла встреча Чепы с чистильщиком, и почему-то с облегчением не обнаружил там грустного отца семейства. Дай ему бог хорошую реакцию и быстрые ноги. Мне тоже вдруг захотелось прогуляться.

Праздник был в разгаре. Торжественное шествие, видимо, совсем недавно закончилось, народ не спешил расходиться, повсюду стояли оживленные компании, слышались резкие голоса, взрывы смеха, на одном из перекрестков меня под руки схватили две ошалевшие девчонки и стали быстро уговаривать на что-то не совсем понятное, однако сразу отстали после первого же произнесенного мною слова. Хотя и очень вежливого. Я шел по городу, когда-то олицетворявшему для меня, вырвавшегося после нескольких непрерывных смен в карьере на выходные мальчишки, все самое сладкое и соблазнительное. Шел и жалел, что вернулся, и был счастлив, что удалось мне вернуться, и хотел только одного, чтобы никогда больше не пришлось мне сюда возвращаться, чтобы удалось забыть окончательно этот голубой туман и перестать, наконец, чувствовать себя должником неведомых кредиторов. Я здесь последний раз. Что бы ни случилось. Последний.

Мне показалось позволительным пребывать в столь меланхолическом настроении и не особенно оглядываться по сторонам, так как почему-то явилась уверенность, что на сегодня боль-

ше стрельбы не назначено. В этой рассеянности, незаметно для себя, я миновал центральные районы и оказался у самой окраины. Праздничные огни здесь не такие яркие, да и народу поубавилось, одежда попроще, маски не такие изысканные, зато уж те, кто гулял на этих убогих улочках и перекрестках, гуляли вовсю, стараясь безудержной и орущей веселостью отыгаться за недостатки интерьера. Но вот кончились и последние кварталы, а с ними стал заканчиваться и день. Сверкающий туман уплотнился и поблек, разноцветные тона сгустились, и каждый из них стал все более приближаться к лиловому. Слегка потянуло прохладой.

Я почувствовал в воздухе неприятный запах и понял, что нахожусь довольно далеко за городской чертой, всего в нескольких километрах от Большой свалки, которая давала о себе знать даже на таком расстоянии. Внезапно рядом со мной навалившийся сумрак прорезали лучи мощных автомобильных фар, хотя шума мотора слышно не было. Я свернул с дороги на какую-то попавшуюся под ноги тропинку и пошел на свет. Зрелище, представшее передо мной, вполне подходило бы для детского утреннего спектакля перед Новым

годом, если бы не имело слегка жутковатый налет. Посреди небольшой полянки на двух столбах натянута самая обыкновенная веревка, по обе стороны от нее располагались существа в немислимых ярко-розовых комбинезонах с огромными круглыми синими головами и черными лапами. Существа были заняты чрезвычайно активным перекидыванием красного мяча через упомянутую веревку и время от времени издавали крайне азартные звуки, более всего похожие на ночное уханье гиблых болотных верояток. Сценку освещали фары большой длинной машины, типа пожарной, около которой притулился самый прозаический мужичок в мятой, съехавшей на правую щеку, серенькой масочке, с прилипшим к нижней губе давно потухшим окурком и лениво-насмешливыми глазами. Я подошел к нему, предельно приветливо кивнул, вынул зажигалку и высек язычок пламени рядом с окурком. Насмешливый ленивец затянулся своим бычком, но на меня отреагировал с такой же заинтересованностью, как будто я не более как ходячее приспособление для той самой зажигалки. Какое-то время мы с ним дымили на пару, наблюдая передвижения существ по площадке и изредка обмениваясь понимающими взгля-

дами, когда мяч совершал совсем уж немислимые пируэты. Наконец мне это надоело, и я сделал робкую попытку речевого контакта:

— Работа у тебя, старик, обзавидуешься. С похмелья на такую не выйдешь. Это что, местная дурилка спортивные разряды зарабатывает?

Ответ был дан полностью на интеллектуальном уровне вопроса:

— А мне что, я тут шоферу по лимиту.

Пришлось выводить беседу на новый уровень информативности силком:

— А эти чудики-то что стараются, кто их так вырядил?

Шофер мелодично захихикал, сплюнув бычок под ноги и аккуратно растерев его подошвой моднейшего ботинка с высочайшим каблуком.

— Тоже мне чудики! Обыкновенные мусорщики. Бригада у нас. На подряде работаем. А тут фирма, что спецкостюмы делает, прислала целую коробку новья. Бесплатно, для рекламы. Только мы знаем эту рекламу — наденешь, а потом в самом центре свалки авария. В две минуты загнешься. Так что приходится проверять. И лучше нет, чем часок-другой мячик погонять, если

роба выдержит, смело можно брать. Вот они в праздник и надрываются, бедолаги.

Тут на площадке возник какой-то конфликт. Суть его стала ясна довольно быстро и заключалась в том, что, несмотря на сугубо прикладной характер игры, чисто спортивные страсти возобладали и одна из команд, проигрывая, стала возмущаться, что в ней всего девять человек, когда у противника целых десять. Спорящие стороны некоторое время бурно делились своими мнениями относительно происходящего и, наконец, обратились к шоферу с просьбой выйти на поле. Он внимательно посмотрел на свою бригаду, и сразу же его поняли.

— Ладно, — сказал я, — есть у вас тут свободная форма, мастера?

Мужичок пренебрежительно махнул рукой в сторону машины, и я увидел огромную коробку, разукрашенную самыми привлекательными надписями и картинками, которые должны были убедить все человечество, что нет и не может быть в любой ситуации лучшей одежды, чем чудовищные произведения фирмы «Защитник». Первый же попавшийся комбинезон из этой коробки пришелся мне в самый раз, каковое совпадение приветствовала ра-

достнейшими воплями вся бригада. Я напялил черные перчатки, оказавшиеся начиненными множеством приспособлений для хватания, держания и прочих подобных действий, натянул синий шлем, включил, как мне показали, систему жизнеобеспечения и вышел на площадку. Уже минут через десять мы стали вести в счете.

Самое смешное, что я действительно увлекся. Не заметил даже, как окончательно стемнело, и фары нашей машины оказались единственным источником света, вырывающим крохотный пятнышко из ставшего черным тумана. Вдруг шофер вскочил в кабину, подал какой-то сигнал, и обе команды в считанные секунды, как на боевых учениях, собрались в кузове. Взревел мотор, брызнули искры из-под металлизированных покрышек, и я очутился в полной темноте. Только где-то вдали слабым желтоватым пятном обозначались координаты ближайших кварталов города. Я чертыхнулся, подумав, что второй раз за слишком короткое время вынужден совершать прогулки по ночным дорогам. Нынешний случай, конечно, не то что первый, доберусь как-нибудь, но все равно неприятно. Снял костюм, аккуратно сложил его и сунул под один из до-

вольно крупных валунов, подпиравших столбы с веревкой. Фирма «Защитник» в моем коротком путешествии сегодня помочь мне не могла.

Однако я добрался. Сукины дети, мусорщики, это ж надо, так со мной по-свински, а я ведь за них сражался, очков двадцать принес команде. До сих пор не люблю мусорщиков.

Город засыпал. Сегодня первая долгая ночь, а потом много-много очень ярких и солнечных дней с короткими пересменками на легкие сумерки. Людей на улицах почти не было, туман поредел, и в мерзком свете фонарей по сторонам проявились нововведения, ранее мною не замеченные. На самых дешевых лавочках, где прежде ничего серьезнее наркотиков не продавалось, обнаружили надписи типа «Компания «Удача», «Помощь в подборе верояток», «Не упускай шанс (определяем вероятность)», или совсем просто — «Твоя вероятность». Вывески разные, от солидных светящихся до крохотных косеньких дощечек с неуверенно накарябанными буквами. У одной такой я приостановился, рассматривая дверцу, обитую потрескавшимся пластиком и ведущую в какой-то сомнительного вида подвальчик. Черт его знает, с какой целью рассмат-

ривал, может, и решился бы толкнуть эти плохо заколдованные ворота, но тут из-за угла послышалось некое смутное бормотание, а вслед за ним появился запоздалый прохожий. Он даже почти не шатался, но в позе находился совершенно уникальной. Центр тяжести его тела явно находился далеко вне площади основания, и потому пребывание данной личности в вертикальном состоянии противоречило всем и всяческим физическим законам. Однако противоречие это, как видно, личность абсолютно не смущало, и она довольно проворно продолжала пробираться вдоль кромки тротуара. Поравнявшись со мной, ниспровергатель законов на мгновение затормозил, прервал свой чрезвычайно эмоциональный лепет и вдруг сказал совершенно отчетливо, даже чуть с грустинкой:

— Ага, конечно. Никто больше работать не хочет. Шмонают у судьбы по карманам, удачу ищут. И правильно! А зачем им работать? Им не надо...

И поплыл дальше, снова забурчав под нос. А я понял, что стучаться никуда не буду, и не из-за этого нелепого алкаша, просто незачем. Ничего нового я уже нигде не узнаю. И не нуж-

но мне на самом деле ничего нового. Хотя я и не много знаю, но мне достаточно. Прямо по горло. И пошел в гостиницу. Ни смотреть по сторонам, ни предаваться воспоминаниям более не хотелось. Ничего, честно говоря, не хотелось, кроме как поспать. И если моментами закрадывалось сомнение, что это удастся не сразу, даже предположить, насколько таковые сомнения оправданы, я тогда не мог.

Угрюмый портье в холле одновременно с ключом от номера вручил мне какую-то небольшую картонную коробку с массой официальных печатей на крышке.

— Здесь ваш личный браслет связи и регистрационная карточка с забронированным за вами на время пребывания на планете номером. Идите заплатите в кассу и распишитесь в получении. И еще трояк штрафа за то, что не сделали все это в порту прибытия. Квитанцию тоже принесите мне.

— Уважаемый, у меня имеется собственный браслет. — Я старался говорить как можно спокойнее, чувствуя, что все предыдущие события так исчерпали мою выдержку на сегодня, что могу вполне сорваться именно на этой наглой

роже, каковой поступок был бы чрезвычайно глупым. — Мой браслет сделан вручную на одном из лучших заводов Швейцарии, и я не собираюсь менять его на вашу штамповку. Дайте мне настройку нужного номера, а штраф я, естественно, заплачу немедленно и квитанцию, как вы велели, сразу принесу именно вам.

— Свой браслет вы можете носить для красоты, показывать на свидании девушкам и вообще делать с ним все, что пожелаете, А у нас положено пользоваться аппаратом установленного образца. Не задерживайте, видите, у меня очередь.

Очереди, правда, не было, так, маячили сзади два каких-то старичка без всякой спешки, но я вдруг сразу решил не спорить, отправился послушно в кассу и, более того, совершенно успокоился. Установленного так установленного. Образца так образца. Меня даже не заинтересовало, кто его устанавливал, хотя я готов спорить на любую сумму, что уж мой-то образец наверняка не стандартный. И стоит много дороже, чем указано в квитанции. Да бог с ними. Пусть тратятся, что мне их деньги считать. Так, может, оно и к лучшему.

Единственное, чего я искреннейше желал бы, несмотря на все свое спокойствие, это хоть се-

годня более не услышать паскудного голоса ключника, но и такое крохотное удовольствие мне оказалось недоступно. Через несколько минут после того, как я залез под душ, раздались позывные внутреннего селектора, и на мой отзыв эта гадина изложила не без подтекста:

— Тут к вам женщина просится, выдает себя за госпожу Дин. Пускать?

Тетушка уже ждала меня в кресле, когда я появился в халате и с мокрой головой. В столь поздний час она выглядела столь свежей, каким давно я уже не бывал самыми лучшими утрами. Мои извинения за домашний вид она прервала не очень вежливо, и я послушно уселся против нее, изображая внимание.

— Я не стала вчера объяснять тебе моего поведения не только потому, что ты очень спешил, а от моих объяснений помощи все равно никакой. Но посчитала, что ты и так согласишься мне, поймешь, что это не каприз. Не ошиблась. Ты действительно поверил и сразу ушел. Наверное, на этом и нужно было бы поставить точку, да, видно, я и вправду стала стареть. Пришла к гостинице забрать машину и почувствовала, что придется говорить. Пусть тебя сразу подбодрит

мысль, что, возможно, ты сумеешь извлечь для себя из сегодняшнего разговора и практическую пользу.

После такого решительного вступления я проглотил заготовленные фразы относительно моего глубочайшего уважения и полного отсутствия претензий, откинулся на спинку кресла и приготовился, в своем непоколебимом решении бодрствовать как можно дольше, держаться насмерть.

— Я прекрасно знаю, Валя, что ты всегда презирал моего мужа. Да, да, и не думай спорить, презирал. А чаще всего даже просто не замечал. Как и все, кто нас окружал. Даже имени его запомнить толком не могли. Он был для вас всего лишь мужем тетушки, и если уж приспичивало обратиться к нему, то называли мистером Дин. А ведь это моя девичья фамилия, его была — Роджерс. Но он не обращал внимания. Как и на многое другое.

И знаешь, Валечка, я в жизни своей не знала ни одного настолько настоящего мужчины, как он. В каждом было что-то бабское, и даже в тебе иногда проскальзывает баба. Ты не обижайся, в этом нет ничего плохого. На самом деле и для общения, и для любви даже немножко необходимо, ког-

да женщина проявляет мужество, а мужчина порой бывает женственен. А вот Петер был только мужчиной. И общаться людям с ним было тяжело. Да на самом деле никто особо и не пытался. И когда мы начали первыми выращивать здесь настоящие земные овощи, это я сумела завести нужные знакомства и сбывала помидорчики экипажам по цене золотых слитков. Это я выбила у городских властей патент на знаменитые «пирожки тетушки Дин», которые потом «оберегала от подделок», уничтожая всяческую конкуренцию. Это я узнала заранее о втором симпозиуме и забронировала в отеле пятьдесят номеров, которые потом строители перекупали у меня втридорога. Над этой аферой тогда много смеялись, но денежки-то я положила в карман.

Это я постоянно крутилась у всех на виду, заводила знакомства и связи, договаривалась и уговаривала, выясняла и морочила голову — короче, что называется, вела дела. И все считали, что мой муж только отсиживается у тетушки за юбкой и варит обеды. А он действительно сам готовил еду. Это, кстати, многие мужчины любят. Но обычно стесняются в правило возводить, лишь по праздникам позволяют себе щегольнуть.

А Петер терпеть не мог. Его от одного вида сковородки тошнило. Но для мужа гораздо важнее было другое. Чтобы ему никто никогда не мог сказать: «Вот я для тебя готовила, старалась, а ты не ешь!» Или: «Я уже пятый раз разогреваю, а ты опаздываешь!» И потому он предпочитал все делать сам, только бы его не трогали. Вроде бы чепуха, но в этом был весь он, до самой последней мелочи. Главное, чтобы никто голову не морочил, и потому никому даже пустяком не быть обязанным.

А, кстати, что касается овощей, то биораму, на которой они выросли, это он сам придумал. И он же сделал. Пирожки я готовила по его рецепту. Пекли их, правда, серийные кухонные автоматы, но об этом никто не знал, ведь основное было создать видимость ручной работы. И с номерами в отеле была его идея. Он ее в виде шутки, так, в общем виде выразил. Я же довела до шуршания купюр.

Не знаю даже, зачем я тебе все так подробно рассказываю. Очень любила я Петера, одного его в жизни и любила, остальные... Чепуха, сравнить нельзя. Тебе сейчас все равно не понять, что это был за человек. Особенно по моему путаному ле-

петанию. Особенно тебе. Ведь ты — моя копия. Вернее, копия меня в прошлом. Ты все время хочешь что-то для кого-то делать. И потому тебе приходится еще и что-то с кем-то делать. С кем-то драться, с кем-то целоваться, в кого-то стрелять, а кого-то перевязывать. И я хотела того же. А оттого считала, что нужно быть сильнее всех и быстрее всех. И ребята мои научились раньше разбирать затвор пулемета, чем перестали расплескивать кашу из ложки. А муж меня просил ни с чем не спешить. Он говорил, что мы слишком привыкли к жизни в образе дороги и этот с детства вдолбленный образ нас губит. Но по дороге можно добежать до нужного места, потом вернуться, искупаться в пруду, который ты проскочил в спешке, полежать на траве, мимо которой промчался впопыхах. А в жизни не вернешься. И нужное место вдруг оказывается только в самом конце пути. И сразу становится ненужным. Потому что это — конец.

Но так он меня и не смог убедить. Да и не занимался он этим. Ему вообще было не понятно стремление убеждать кого-то, пытаться переделать другого человека по собственному подобию. Он мог только сказать о своем понима-

нии. Да и то, когда его просили. И только самым близким. Я просила. И я была самым близким. Но понять не сумела. И продолжала соваться всюду, решая вопросы добра и зла по собственному усмотрению.

...В то утро нам пришлось несладко. Сначала, конечно, мотоциклисты скатились в кювет и залегли, оставив на дороге два десятка покойников. Но опомнились быстро, уж очень бывалые ребята там подобрались. Так что обещанные двадцать минут удалось продержаться только чудом. Я велела мальчикам отходить к лесу. Шоссе было перекрыто, на проселке тоже наверняка рыскали патрули, пришлось пробираться через болота по тем тропам, что показывала тебе на случай отступления с прииска. У Фреда было прострелено бедро, Сани перебило руку, и до фермы мы добрались часов через восемь.

Капитан, конечно, понял, кто вам дал те двадцать минут. Почерк достаточно характерный. Но я не сомневалась, что он ничего не сможет доказать. На месте мы все следы замели, догнать нас не догнали, а предполагать — это личное дело каждого. Так что о последствиях не очень беспокоилась. Но не сообразила самого элементарно-

го. Капитан не предполагал. Он был уверен. И потому не стал искать улики и устраивать церемонии. А просто послал на ферму полицейскую роту. И она преспокойно все это время, пока мы корячились по болотам, сидела и ждала, чтобы взять нас тепленькими, с расстрелянными пулеметными лентами и с двумя ранеными на руках.

Петера они серьезно не могли считать за помеху. Видимо, стукнули пару раз да связали кое-как. А потом, со скуки, наверное, крепко приложились к моему бару, ты знаешь, я на эти запасы никогда не скупилась. Но что там произошло в действительности, никто уже никогда не узнает. Каким-то образом он от них ускользнул. И добрался до подвала. Самое непонятное, как Петер сообразил правильно заложить детонатор. Тут нужны хорошая тренировка и опыт, а он, по моему, никогда и в глаза не видел, как это делается. Но сообразил. А уж когда рвануло все, что было у меня в подвале напихано, то на месте фермы сразу оказалась большая воронка.

Мы как раз вышли из леса, и до дома оставалось рукой подать. Волной нас швырнуло на землю, и с нее я уже сама не встала. Отнялись ноги, а руки мне связали ребята, чтобы не перерезала себе

горло. Провалилась полгода. Капитан оставил нас в покое, потому как доказательств никаких. Дом мальчики отстроили без меня, да и все уже пошло без меня. Вот ведь что получилось, я всю жизнь крутилась у всех на виду, а умри сейчас, станет ли это хоть для кого-то той страшной пропастью, которой стала для меня смерть Петера? Он же знать никого не хотел, но оставил любовь во мне и себя во мне. Вот и вся его правота.

Со мной были дети, которым я отдала все и которых научила всему. И они отлично научились. Только душу я каждому целиком передать не смогла. Шестую часть на парня, не более. И не такая у меня большая душа оказалась, чтобы части на целого человека хватило. Не сочти все это за жалобу. Я ребят своих люблю по-настоящему и не сомневаюсь, что они меня тоже. Но вот дать им что-нибудь еще — не могу и не хочу. Нечего и незачем.

Старшего не стало в тот же год. Фред, пожалуй, единственный из мальчиков по-настоящему любил и понимал отца. И всей этой пакости не смог простить Капитану. Во время праздничного митинга по случаю приезда группы акционеров Компании мальчик бросился на оцеп-

ление и прорвался к трибуне. Во Фреда стрелял одновременно, наверное, батальон, но что он умел, так это не дать убить себя прежде, чем выпустит полную обойму. Капитана буквально перерезало пополам. Я похоронила сына в тот же день, когда на приисках устроили торжественную панихиду по Капитану. И потом все стало происходить очень быстро. Дани женился на местной, и, самое смешное, они его приняли к себе. Он ушел за перевал, и иногда, стороной, я получаю известия, что у него все в порядке. Бонн решил сразу заработать миллион и сразу же влип. Ему светила десятка, но я раздала бешеные деньги и смогла скостить, правда, всего до шести. Осталось два года, по его статье никаких досрочных зачетов. Ник улетел аж на самую Землю и занялся там живописью. Шлет мне иногда неплохие пейзажики в пастельных тонах, но, если я хоть что-то понимаю в жизни, существует он совсем не на те денежки, которые можно заработать его картинками. А от моей помощи отказывается совершенно.

Да, кстати, как только я перестала хоть что-то делать, то сразу и очень сильно разбогатела. Все то, во что вложила когда-то хоть одну моне-

ту, начало давать вдруг сумасшедшую прибыль. За месяц я сколотила миллион. А ручейки не пересыхали. Но со всеми этими деньгами я не только не могла купить жизни Петеру и Фреду, не только свободу Бонн, но даже возможность Нику свободно малевать свои пейзажи. А двое младших ребят остались со мной. Вернее, даже не со мной, а здесь. Видимо, они связались с летунами, но мы эту тему не обсуждаем. Мы вообще мало что обсуждаем. У них своя половина дома, у меня своя. Общение идет давно на уровне «Как здоровье, мамочка?». Вот и все, Валечка, извини, что долго и невнятно.

Хотя, казалось, тетушка не сдвинулась в кресле ни на миллиметр, но чем-то неуловимым поза ее изменилась, стала непринужденнее и мягче, потому я понял, что исповедь закончена, и постарался подавить вздох облегчения. Выслушивать трогательные истории — это мое самое любимое занятие, особенно сейчас. И в них больше всего меня умиляют выражения типа «настоящий мужчина», «страшная пропасть смерти» и «передать душу». Впрочем, тетушке всегда шли любые стили и даже их смешение, но тут меня что-то явно не устраивало, можно было бы, на-

пример, кое-что уточнить по поводу этого самого «настоящего мужчины», но на такую пакость даже при всем своем раздражении я не способен. И вот ведь паскуднейшая у меня все-таки натура. Скажи мне в этот момент тетушка выброситься из окна, рвану с двенадцатого этажа, даже штанов не надену. А до конца монолога еле дотянул. И мог бы, по крайней мере, сволочь, как следует это скрыть, да и того толком не сумел. Хотя, не говоря уже о разных высоких чувствах, попросту всем обязан этой женщине и, более того, искренне жажду обязать еще.

Кстати, насчет обязать. На что-то там такое был сделан легкий намек тетушкой в самом начале беседы. Некая практическая польза упоминалась, насколько я понял... Во всем вышеизложенном узреть ее явно было трудно, так что, может, я рано посчитал беседу законченной? Опять моя дурацкая физиономия выдала меня с потрохами, видать, на ней этот вопрос был столь отчетливо изображен, что тетушка отреагировала мгновенно, перейдя на свой обычный суховатый тон, который, честно говоря, для меня приятен наиболее.

— Ладно, теперь к делу. Я сразу поняла, что если будет на то разрешение Блума, то с тобой

идти на перевал, кроме Чепмена, некому. Связалась с ним, и Чеп поведал мне о ваших затруднениях. Положение у тебя безвыходное. Не знаю, что сработало, возможно, старый рефлекс. Раз ты уже полез напролом, не получилось бросить одного. Хотя так хотелось... Короче. С вами пойдут мои мальчишки. Даже если выбирать, этот вариант — лучший. А выбора нет. И еще. Хотя Чеп и согласился, он запросит столько, что у тебя может не хватить. Он остался единственным из тех, кто ходил через перевал, пока его не закрыл Старец. Так что тут полная монополия. И отсюда цены. Помню твои гордые слова об избытке денег, но не уверена в их правдивости. Поэтому, не хватит — обращайся. Завтра я весь день в городе. А потом — извини. И сейчас извини.

Она встала и ушла. А я остался, чувствуя себя полным подонком. Но еще одно чувство, к моему глубочайшему стыду, в данный момент оказалось сильнее всех прочих — усталость вместе с желанием спать.

Утро было редкостное, не биовременное, не условное, а самое настоящее, когда ты просыпаться, и все просыпается, и солнце встает, и птички поют, и вообще здорово. Этим самым замеча-

тельным утром проснулся я, однако, не от солнца, а от сигнала браслета связи. Меня вызывал Чеп.

— Ты что, шуточки шутишь, на курорт приехал, — сразу начал он орать. — Полгорода на ноги поднял, а сам валяется, да небось с девкой, мне портье все сказал, вот я сделаю сейчас тебе, Валечка... — Тут Чеп, видимо, сообразил наконец, что ничего он мне пока сделать не может, по крайней мере, на расстоянии, потому с угрозами быстро закрутился. — Ты почему еще не у меня?

— А что, мы на какое-то время договаривались? Вы сказали, что будете дома до восьми, а сейчас, — я взглянул на часы, — сейчас еще шести нет.

— Опять «сказал»! У тебя всегда кто-то что-то сказал! Я это вчера сказал, когда ничего не было ясно. А со мной еще ночью связалась тетюшка насчет ее ребят. Они с минуты на минуту появятся у меня, давай быстрее сюда.

На самом деле я с первой его фразы начал натягивать штаны, так что к моменту отбоя был почти готов. И, чисто символически плеснув в лицо водой, со всей возможной быстротой вылетел из номера. Вчерашний ночной портье по всем местным законам давно должен был смениться,

но то ли законы с моим появлением действовать перестают, то ли тут у них вся обслуга с одного штампа сделана, только нынешний с прошлым оказался один в один и так же любовно на меня глядел, когда я перемахивал через порог, чуть не прошибив лбом стекло двери, еле успевшей передо мной открыться.

Связываться с транспортом уже некогда, да тут ходу-то минут пятнадцать, если поспешить, и так я спешил, что в двух шагах от цели чуть не нарвался. Два каких-то мужика стояли по краям тротуара и оживленно беседовали. А может, мне это только с недосыпу показалось, что по краям, может, я не очень верно оценил промежуток между ними, во всяком случае, будучи уверен, что совершенно спокойно проскочу в этот промежуток, даже не притормозил и довольно сильно толкнул одного из говорунов. И, честное слово, хотел извиниться. Но не успел. А успел только почувствовать чудовищный запах перегара от надвинувшейся на меня рожи и чуть не задохнулся до потери сознания. Но меня мгновенно привел в чувство удивительно удачный апперкот, и еще один удар сзади, по почкам — видать, и второй собеседник решил высказаться. Короче,

очутился я на земле. Прикрыл голову руками, лежу и думаю, что все это слишком напоминает блумовское предостережение насчет обрезка чугунной трубы. Или она стальная была? Не помню. В общем, лежу и думаю: если сразу пинать начнут, то не страшно, помучаюсь. А более, так и так, ничего сделать не могу, потому когда серьезно, то прочувствовать все равно не успею. Значит, остается смирение. Но, смотрю, время идет, а болевых ощущений никаких. Что-то тут не то. Хотели бы убить — давно убили бы. А если просто выражение возмущения, оно таких перерывов не терпит. Поднимаю голову.

Поднимаю голову и вижу. Стоят эдакие изящные ребятки и внимательно осматривают моих обидчиков. А обидчики горизонтальны и недвижимы. Я на всякий случай не двигаюсь, но спрашиваю строго:

— Кто такие?

Тот из ребят, что отличался яркой велосипедной шапочкой с прозрачным козырьком, еще раз пристально рассмотрел место происшествия и доложил:

— Представления не имеем. Первый раз видим.

— Да не они, вы кто такие? — тут к строгости моего голоса приметалось еще и некоторое раздражение на непонятливость собеседников. Тогда второй парнишка, выглядевший постарше, бросается ко мне с явным желанием помочь подняться и вообще оказать максимально возможное количество услуг.

— Неужели вы нас не узнали, дядя Валя... то есть, простите, господин... — юноша слегка притормозил на вопросительной интонации, видимо, ожидая, что от меня немедленно последуют разъяснения на тему, как ныне следует величать дядю Валу, но, поскольку таковых не последовало, закончил совсем по-детски:

— Мы же Дины, нас мама прислала...

Окончательно приняв вертикальное положение и отряхнувшись, я наконец огляделся повнимательнее. И обнаруживаю, что вся эта сценка разыгралась буквально в двух шагах от входа в дом Чела, а сам хозяин стоит на пороге и довольно заинтересованно наблюдает происходящее. Подозреваю даже, что занимался он данным делом с самого начала конфликта, во всяком случае, выражение чеповского лица не оставляло никаких сомнений — мое поведение проанализировано и оценено надлежа-

щим образом. Впрочем, в тот момент я не позволил себе обращать внимание на мелочи и, гордо подняв береженную от неприятностей голову, невозмутимо прошествовал мимо ухмыляющегося Чепы во внутренние покои в сопровождении почетного караула бравых мальчиков. Но в этих покоях, вернее, в запыленном и почти лишенном мебели сарае, который представлял собой первый этаж лачуги, я, к своему раздраженному удивлению, не обнаружил никаких признаков подготовки к предстоящему путешествию. Чеп не дал мне времени на изъявление чувств и, указав мальчикам кивком головы место в углу, где размещалось некое колченогое сооружение типа лавки, твердой рукой, то ли поддерживая, то ли волоча меня за локоть, повлек по крутой лестнице на второй этаж. Там было попримечнее, имелось даже подобие кресла, которое я тут же и поспешил занять, посчитав, что временный статус пострадавшего дает право на некоторую вольность. Чеп никак не отреагировал и, вынужденно оставшись стоять (второго приспособления для сидения я поблизости не заметил), уже раскрыл рот с явным намерением, судя по важному, почти торжественному, виду, не закрывать его довольно долго, однако мне и тут пришлось проявить полное отсут-

ствие воспитания, перебив неначавшуюся речь совсем невинным вопросом:

— Так через сколько минут мы выходим на перевал?

Рот Чеп на некоторое время закрыл, но взгляд его был достаточно красноречив. И этот красноречивый взгляд я испытывал на себе ровно столько, сколько хватило для полного осознания собственной глупости. Но, видимо, так до конца и не осознал, потому что снова нарушил молчание первым и снова вопросом, который (я, честно говоря, это подозревал) не показался хозяину уместным:

— А кстати, Чеп, вы же так категорически возражали против летунов и вдруг сразу согласились взять Динов?

Чеп еще около минуты продолжал смотреть на меня все с тем же выражением лица, затем, решив, наверное, что на юродивых надо реагировать соответственно, и собрав всю свою выдержку, принялся объяснять мне ситуацию на удивление спокойным тоном:

— Я не против летунов возражал. А против людей Лаевского. И даже не его конкретно, а против любых не моих и не твоих. Понял?

— До этого момента полностью.

— Ну и замечательно. А дальше будет совсем просто. Это чьи мальчики? Тетушки. Значит, твои и мои вместе, и даже еще лучше, чем твои и мои, раз тетушка нам их дает. И теперь тоже понял?

— Да, я давно все понял, Чеп, хватит валять дурака, когда мы выходим? И назовите, наконец, цену, пора заняться делом, я и так после приезда только тем и развлекаюсь, что общаюсь с народом на абстрактные темы. Ни сил больше нет, ни времени.

— Ни времени, говоришь... Это точно. Ты даже еще не представляешь, насколько прав... Да, могу для общего развития добавить тебе к картинке еще одну детальку. Блум не называл имена тех, кто ждал на семнадцатом километре?

— А зачем мне их имена? Знаете, сейчас как-то не до лишних знакомств.

— Может, ты и прав. Просто смешно. И любопытно. Это Пол и Моня Дины.

— Действительно, любопытно. И смешно. А зачем им это потребовалось?

— Вопрос и вправду насущный. Только я его задавать не буду. По умным вопросам у нас главный специалист известно кто. Так что можешь спуститься вниз и поинтересоваться.

— Ладно, будем считать, что интересоваться перестал. Все, более, кроме суммы и срока, меня вообще ничего не интересует. Ну?

Тут Чеп сделал шаг вперед, встал аккуратно и ровненько против меня и снова изобразил на физиономии то самое торжественное, с которого собирался начать нашу сегодняшнюю беседу.

— Послушай, Валентин, я обязан совершенно серьезно заявить тебе следующее. Вся твоя затея бессмысленная полностью и изначально на сто процентов обречена на провал. Дело в том, что...

Сейчас я уже с абсолютной уверенностью не могу сказать, действительно ли сорвался или только с хорошей достоверностью разыграл срыв, но что злой был по-настоящему, это точно. Губы побелели, гримаса появилась мерзкая, знаю я за собой такую, голос аж засипел, как у припадочного. Да, забыл сказать, что я уже не сидел, а прилип к Чепу, схватившись за лацканы его пиджака, и было не ясно, то ли пытаюсь хозяина за эти лацканы встряхнуть, то ли это у меня так руки трясутся.

— Вы трус и ничтожество, Чеп! Морочите мне голову второй день. Я ухожу один, будьте вы прокляты, слизняк! Сказали бы сразу, что от вас осталось...

Чеп неуверенно повел плечами, словно поживаясь, и меня кинуло в кресло так, как бывает от перегрузок только на старте по тревоге боевого корабля.

— Ничтожество, значит? Трус? Понял. Выходит, не хочешь слушать? Что бы я тебе ни сказал?

— Нет.

— Даже если это имеет самое прямое отношение к тебе и твоим делам?

— Сумму и срок.

— Хорошо. Пеняй на себя. Моя совесть чиста, я в конце концов санитаром в дурилку не нанимался. Двадцать тысяч. А срок будет отмечен той минутой, как они окажутся на моем счете.

Да... Я готов был к какой-нибудь фантастической цифре, ну три, ну четыре тысячи... Ну пусть пять... Двадцать. Что там тетушка про монополию говорила? Не зря я всю жизнь к этим акулам капитализма относился с подозрением. Да бог с ним. Хорошо хоть не больше. А то действительно пришлось бы просить займы. Правда, теперь не понятно, на что покупать обратный билет. Но сама возможность подобной покупки столь проблематична... На эту тему, выходит, тоже пока

волноваться нет смысла. Я набрал на браслете номер банковского счета, дал распоряжение, Чеп проследил за исполнением, и, подняв глаза от дисплея, мы оба заговорили уже другим тоном. Один — тоном человека, заплатившего деньги, другой — деньги эти получившего.

— Так когда же мы выходим, почему до сих пор ничего не готово?

— Все готово. Мы не выходим, а выезжаем. Джип со снаряжением стоит во дворе. Пошли звать мальчиков.

Старый пройдоха! Я чуть не прослезился. И это при том, что меня ободрали по первому разряду. Сентиментален я все-таки непозволительно. Не знаю, что он мне там собирался сказать и как отговаривать, но понимал ведь, значит, уверен был в глубине души с самого начала, что поведет к перевалу, и не спал всю ночь, готовил машину и снаряжение, ах, чепчик ты мой, чепуля, а я тебя ничтожеством... Все эти трогательные размышления не помешали мне кубарем скатиться по лестнице и, подхватив под ручки ребят, в максимальном темпе повлечь их во внутренний дворик к джипу, который, мне казалось, аж пофыркивал движком от нетерпения, только что копытом не

бил. Едва мы с ребятами успели втиснуться в кабину, как вскочивший за руль Чеп рванул па полной скорости, и через отпрыгнувшие створки ворот машина вылетела на улицу. В глаза било яркое солнце. Становилось жарко. Но Чеп гнал так, что пришлось все равно закрыть окна, чтобы не сдувало, и включить кондиционер.

Покончив с этими делами, я откинулся на спинку кресла, удостоверился, что водитель ближайšie несколько часов будет представлять собой исключительно придаток автомобиля, реагирующий только на дорогу, и обратил, наконец, более пристальное внимание на своих юных спутников. Они сидели пай-мальчиками, сложив руки на коленях и вежливо глядя в окно, хотя рассматривать там совершенно нечего.

— Глянь, какие большие стали, не узнать! — начал я бодрым тоном светскую беседу и получил в ответ две чрезвычайно воспитанные улыбки. А над этими улыбками с холодным и точным расчетом слегка прищурились отливающие сталью глаза пулеметчиков. Мне стало стыдно за свой тон. Что делать, менее всего я умею его находить именно с этим возрастом. Хорошо общаюсь с детьми и стариками. Сверстники,

чаще всего, не понимают меня, а вот этих двадцатипятилетних, видимо, совершенно не понимаю я. И потому фальшивлю. Но что делать, нам ехать несколько часов, не сидеть же истуканами. Да и любопытно, в чьих руках ближайšie время будет находиться моя жизнь. Хотя она у них в руках уже побывала. Даже, как сегодня выяснилось, два раза. Но в первый с ними оказалась мать, вернее, они с ней, а во второй вряд ли знали, по крайней мере, на то очень хотелось бы надеяться, что я есть я.

— А кто из вас тот краснощекий толстяк, что орал на меня во время боя на развилке? — продолжал я, сбавив, однако, игривости в голосе и почти перестав сладко улыбаться.

Велосипедная шапочка быстро и плавно кивнула.

— Моня Дин, к вашим услугам.

— Так же, как и Пол Дин, — повторил кивок старший брат.

— А вы хоть представляете, к каким услугам?

— Да. Мама сказала, что вас надо доставить к перевалу.

— И вы сможете?

— Нет. Мы не сможем. Сможет мистер Чепмен. А мы будем выполнять его указания. Но это мы постараемся делать хорошо.

— А чего ради? Сентиментальные воспоминания детства? Как я вам пряники таскал? Так они дешевые были.

— Нам цену тех пряников все равно не понять. А часто таскали?

— Да нет, к сожалению, не очень.

— Вот и я как-то припоминаю, что не очень. (С этого момента старший Дин взял беседу полностью в свои руки, младший только внимательно смотрел на меня, но даже улыбкой не реагировал.) Да вы не волнуйтесь, бог с ними, с пряниками, сделаем все, что можем, мать просила, и мы сделаем. С мистером Чепменом никуда от нас перевал не денется...

— И вам безразлично, зачем мне это надо, даже не спросили?

— А мы спрашивали, когда легли у развилки?

— Вам тогда мать приказала.

— Она и сейчас приказала.

— Вы были детьми.

— Для мамы мы всегда дети.

В таком вот примерно стиле и на таком уровне глубины и оригинальности высказываний мирно текла наша беседа, с паузами, с угощением друг друга сигаретами, с внимательным разглядыванием придорожной пыли... Теплоты и непринужденности беседе это не прибавляло. Но время скрадывало.

О том, что цивилизованная дорога кончилась, мы узнали моментально — нас пару раз шлепнуло макушками о крышу машины, а потом попросту свалило в одну чертыхающуюся кучу, и лишь Чеп умудрился не только не шевельнуться, но даже не бросить взгляд в нашу сторону. Впрочем, за это мы могли быть ему только благодарны. Вращай он при этой скорости головой, мы бы точно перевернулись. Просить же сбросить скорость не могли — боялись открыть рот и потерять после этого или зубы, или язык. Однако неудобства наши для меня лично компенсировались тем, что отпала необходимость в общении и одновременно исчезло однообразие ландшафта. В те редкие мгновения, когда моя голова оказывалась случайно на уровне окна, перед взором представало удивительное нагромождение скальных обломков самых причудливых форм и

оттенков. Промежутки между ними были невелики и усеяны колючками, явно растительного происхождения, величиной с журнальный столик. Проходов, не говоря уже о проездах, они не оставляли вовсе, а мы, однако, как-то ехали, если происходящее можно назвать столь приличным словом. К счастью, продолжалось все это немногим больше часа, и остановились мы до того, как я окончательно потерял сознание. Мальчики взяли меня под ручки и чуть не вынесли из машины на показавшуюся удивительно уютной (она не прыгала) полянку. Там я принялся то ли отлеживаться, то ли отсиживаться, прислонившись к какому-то валуну.

Команда же, не мешкая ни мига, приступила к работе. Я даже не представлял, что в нашу столь небольшую на вид машину можно запихать, оказывается, такое количество барахла. Выгружались мотки тросов, кучи мешков, даже внешне тяжеленные ящики, связки невероятного вида приспособлений. Куча увеличивалась, и меня, дурня, это жутко радовало. Как, думаю, здорово все подготовлено. Радовало, пока не сообразил, что лежать вынутые чудеса здесь не останутся. Их тащить придется. На себе. В том чис-

ле и мне. С этого момента прозрения каждая очередная ходка ребят к машине вызывала у меня все возрастающий ужас. Наконец, когда картину завершила увесистая металлическая тренога высотой метра в два, я окончательно понял, что надо мной попросту не очень тонко издеваются. Перенести все это через перевал мог только грузовой вертолет военного образца.

Однако орлы вытерли сначала ладонями пот со лба, потом ладони о штаны и присели вокруг меня в кружок, приняв крайне довольные позы. Чеп вытащил откуда-то из-под левой ключицы фляжку и протянул нам по наперстку бурой жидкости.

— Последний раз. Имею в виду, до окончания работы. А там, как получится.

Сам он, правда, не выпил, а лишь коснулся губами края горлышка и, выплеснув остальное содержимое на землю, сразу встал.

— Все. Тронулись.

И меня начали навьючивать. Не знал, что с человеком можно так поступать. Ну, думаю, теперь уже все, просто некуда больше, а, глядь, они еще сбоку какое-то местечко высмотрели и что-то там крайне деловито прицепляют. Потом

меня аккуратно прислонили к бамперу и сами стали укомплектовываться. Смотреть страшно. Но своего добились. Хоть это и невероятно, но взяли все. Только треногу оставили. Чеп подошел к ней, повозился уверенно, и сооружение вдруг тоненько и удивительно мерзко загудело. Под эту музыку мы и тронулись. Пошли к перевалу. Хотя определить происходящее как «мы тронулись» и «мы пошли», с моей стороны, довольно нагло. Я очень быстро понял, почему Чеп отказался вести меня одного. Минут сорок по стене трассу прокладывал он сам. Затем, минут по двадцать каждый, этим занимались ребята под его бдительным и непрерывным руководством. А потом по освоенному участку они втроем подтягивали поклажу, внутри которой находился главный герой. Чувствовал я себя при этом очень пакостно. И отнюдь не морально, а чисто физически. То слишком жарко было, то холодно, то попросту больно, когда стучали и роняли. Как-то ухнули пять раз подряд.

Так продолжалось часов десять. И когда, кажется, всякая способность реагировать на происходящее была мною потеряна, я внезапно сделал для себя весьма приятное открытие. Во-пер-

вых, количество груза на мне явно уменьшилось, то ли использовали его ребята по дороге для какой-нибудь надобности, то ли свалился с меня при транспортировке, но хоть относительно я начал походить на двуногое существо. А во-вторых, на пути нам изредка стали попадаться места, по которым я мог сделать несколько самостоятельных шагов. Температура тоже прекратила скачки, и наступила ровная, приятная прохлада. Появились первые признаки надвигающихся сумерек. Еще через некоторое время мы уже передвигались (на сей раз действительно «мы») по чему-то отдаленно напоминающему настоящую тропу. И не успела эта мысль прийти в голову, как впереди показалась трещина. Небольшая, шириной всего метров пятнадцать, но зато взгляд на дно (дна не было) заставил меня сразу пожелать возвращения и поиска какого-нибудь другого пути, несмотря на все перенесенные уже неприятности. У края стояли мы с Чепом, сзади ребята размонтировали какое-то страховочное оборудование. Монополист задумчиво пошевелил губами, на миг скосил глаза к переносице и быстро пошел по самой кромке, что-то бормоча. Я послушно поплелся следом. Через полсотни шагов мы ос-

тановились. Чеп опять совершил манипуляцию с глазами и удовлетворенно повернулся ко мне.

— Прыгай!

— Что вы сказали? — как можно вежливее и почтительнее осведомился я, машинально отступая назад и мучительно пытаюсь побыстрее вспомнить, какая из известных психических болезней начинается с подобных симптомов.

Но взгляд Чепы, как ни странно, был предельно ясен, даже до скучности ясен. Более того, сделав еще несколько шагов от края пропасти, я прочел в этом взгляде очень четкое к себе отношение, и оно не казалось восторженным. Тут подошли ребята, перебрасываясь на ходу фразами на непонятную тему, и Чеп, не меняя тона и даже не взглянув на них, так же ровно сказал:

— Прыгай!

Старший Дин, не притормозив и не закончив фразы, исчез в трещине, за ним, продолжая беседу на лету, последовал брат. Чеп развернулся и, не удостоив меня внимания, прыгнул. Ну, под таким психологическим давлением и мне волей-неволей пришлось повторить подвиг. Вся жизнь не успела промелькнуть перед моим взором. И не то что слишком богата событиями,

просто уже через миг я очутился рядом со своими спутниками на крохотной площадке метров пять в квадрате, непонятно как прилепившейся к отвесной стене. Но, самое удивительное, стене не того края пропасти, на котором мы только что стояли, а противоположного. Насчет «удивительное», это я, понятно, для красоты слога. Отвык, конечно, от планеты, но не настолько. Мы стали карабкаться вверх (меня, естественно, опять тащили) и вскоре снова вступили на тропу. Дальнейшие неприятности были довольно обычными, хотя один раз Пол чуть не напоролся на неожиданно и крайне нагло выскочивший из-за угла скалы кактус размером с чемодан, но Чеп весьма строго крикнул, даже пальцем пригрозил хаму, и явление с недовольным бульканьем ретировалось. Так за мелкими развлечениями промелькнуло время, и я даже не заметил, как совсем стемнело. Чеп остановился.

Мы находились на почти горизонтальной поверхности. Похожей на полянку. С двух ее сторон нагромождение камней образовало уютный уголок, а несколько гладких валунов поменьше, при достаточном воображении, вполне могли быть приняты за гарнитур мягкой мебели с

журнальным столиком. Чеп чуть постоял, понюхал зачем-то воздух и начал разукомплектовываться. Мы с наслаждением последовали его примеру. Значит, на сегодня все. Ребята получили от начальника указания и шустро удалились в означенном направлении. Я сел на банкетку (специально решил изначально, что это банкетка, а не кресло, чтобы не расслабляться), закурил и прикрыл глаза. Под веками крутилось колесо разноцветных огней, и так быстро, что даже затошнило. Но приподнять веки пока не было сил. Когда же они появились, то я обнаружил Чепу сидящим напротив меня в позе, явно обозначающей, что у него как раз кресло, и внимательно меня рассматривающим. Я довольно невежливо сплюнул накатившую от сигареты слюну через горькие пересохшие губы.

— Ну и что? Вы тоже почему-то первым прыгать не стали.

Чеп не ответил, встал и начал распаковывать один из мешков. Подошли мальчики. Они занялись поклажей, одновременно что-то невнятно докладывая Чепу. Чеп на доклад отзывался столь же невнятным мычанием, впрочем, в нем чувствовалось неприкрытое удовлетворение. Хотя, мо-

жет, говорили они и вполне отчетливо, просто я вдруг окончательно отключился и лишь краем глаза воспринимал только зрительную часть информации. Редкими, глубокими вздохами набирал пряный сыреющий воздух и в этот момент окончательно понял — какой бы ни был конец у моего пути, я до него дойду. И, самое смешное, вывод сформулировал именно в такой патетической форме. Видимо, действительно очень сильно устал. Впрочем, имелись и более существенные признаки. Пришлось с трудом добраться до приготовленного ребятами спальника. Заснуть оказалось делом легким и быстрым.

Когда я вновь открыл глаза, уже совсем рассвело. Чеп сидел неподалеку и потягивал что-то из жестянки, судя по его довольной физиономии — кофе.

— Хочешь? — Чеп кивнул на кучу приятно пахнущих съестным свертков.

Я рванул застежку мешка и вскочил. Вернее, хотел вскочить, но тут же понял свою полную неспособность к подобным героическим действиям. Болело все. И голова работала плохо. Становлюсь староват для суперменских походов. Впрочем, никогда не был по ним большим специалистом,

уж удовольствия-то точно никогда от них не получал. Ладно, главные удовольствия у нас впереди, пока постараемся заменить их завтраком. Я вцепился зубами в бутерброд и поискал глазами Динов. Они уютно похрапывали в самом углу, свернувшись калачиками, без всяких спальников, на каких-то тонких подстилках. Чеп, благородный человек, дал мне спокойно дожевать, более того, лично вскрыл и протянул банку кофе и, лишь проследив, что я сделал несколько мелких глотков, решил немного подпортить настроение:

— Слушай, Валя, мы уже почти пришли и большая часть денег мной отработана. Нет желания выслушать, что я хотел изложить прошлым утром?

— Нет.

— Что так?

— А смысл? Ведь хотел отговорить меня. И сам сказал — уже почти сделано. Теперь-то зачем?

— Смысл? Ну смысла и тогда было не много. А сейчас совсем нет. И не из-за того, что сделано. Ничего еще не сделано. Выйти к перевалу — чепуха. Смысла нет потому, что слово это к тебе не подходит совсем. Ну, а по-старчески

поболтать мне можно? Для очистки совести. Не убудет тебя?

— Не убудет.

— Вот и отлично. Тогда я поболтаю. Вся затея твоя обречена изначально. Не знаю и знать не хочу, в чем она заключается, вполне вероятно, что идеи у тебя прекрасные. И намерения тоже. Прекрасные, но глупые. Умными намерениями при самых широких взглядах могут считаться только те, что имеют пусть самый крохотный, но шанс на осуществление. Не станешь спорить?

Утренний кофе не придал мне особой бодрости, и не то что спорить, даже толком огрызнуться сил у меня не появилось. Пришлось ограничиться нижайшей просьбой:

— Чеп, ну что вы, право слово, нудите, ну не лень вам? Я для ваших тонких рассуждений все равно туп, если какая-то интересная информация, — давайте, а так, что себя зря утомлять?

— Информация, говоришь? Да информация-то есть. Только она для тебя тоже не интересна. Тобой высокие чувства движут. Не дергайся, не дергайся, я вижу, что высокие, это не скроешь, это как проказа. Хотя, ладно. Получай информацию. О тебе было известно все задолго до посад-

ки корабля. Уже в порту тебя ждали. Служба внутренней безопасности Компании. Контрразведка Королевства. Административная полиция. По самому минимуму. Ну и летуны на семнадцатом километре. О чем ты уже знаешь. Что ты жив до сих пор — само по себе чудо, но тут твоей заслуги нет, может быть, и чуда нет, а просто дают пока букашке побегать по ниточке. То ли кого интересует, куда букашка прибежит, то ли ладонью хлопнуть неохота, так как ниточка и так крепкая. Но она не только крепкая, еще и короткая. Да и привязывал ее народ не самый терпеливый. А букашка хорохорится и планы строит. Смешно.

— Вот и смейтесь на здоровье.

— Я бы и смеялся. Только стыдно за такой смех деньги получать.

— Это заметно. То-то мало запросили.

— А сколько у тебя на счете, столько и запросил.

— На счете? Как же тайна вклада?

Чеп посмотрел укоризненно, но свою глупость я успел понять еще до его взгляда и смущенно потупился.

— Тайна? Да тут со всеми твоими тайнами полный порядок. Ну, а деньги... Деньги пусть

лучше на моем счете полежат. У тебя ведь наследников нет? Вот я и говорю... Что банк-то благодетельствовать, он и так не бедный.

— Так и у вас, Чеп, насколько я знаю, с наследниками не густо. Тоже все банку может достаться.

— Не... На мне он не разжиреет. Черт с ним, с банком, ты хоть понял, что я тебе сказал?

— Ну, понял. Ну, следят за мной. И пусть следят, мне-то что?

— Ты, Валя, зачем дураком прикидываешься?

— Не прикидываюсь я. Мне это правда не интересно. Досюда я дошел? Дошел. И дальше дойду. А они пусть смотрят, мне скрывать нечего.

— Ага. Совсем нечего. Оттого ты под чужим именем явился, да и его уже сменить успел.

— Имя... Имя что... Игрушки, чтобы глаза особо не мозолить.

— Вот глаза и еще ряд предметов ты как раз успел всем намозолить дальше некуда, — Чеп резко откинулся на камне, теперь это явно был диван, прищурился на начавшее слепить небо и тускло промямлил, — тебя, Валя, убьют скоро. Может, и до плато добраться разрешат, чтобы узнать, како-

го тебе там надо. Но убьют все равно скоро. Тут шансов нет. А ты ведь жизнь любишь...

— Люблю. Жизнь я люблю. Но больше жизни люблю Правду и Справедливость и за них готов всем пожертвовать!

Чеп, однако, даже не улыбнулся, в корне пресекая мою попытку сделать разговор хоть немного менее серьезным.

— А знаешь, когда я решил, что поведу тебя к перевалу?

— Думаю, сразу, как только услышал мою просьбу.

— Вот в этом вся твоя проницательность. Тогда я как раз твердо решил дома посидеть.

— Ну, значит, разозлился, когда в нас стрелять начали.

— Правда, разозлился. Только еще раз убедился, что никуда мне с тобой ходить не надо.

— Вот видите, Чеп, вы оказались непредсказуемой, сложной натурой с парадоксальной логикой поступков. А еще меня в этом обвиняете.

— Ничего сложного. Жалко мне стало, чего уж проще. Когда ты Лаевскому угрожать стал. Ты — Лаевскому! Щенок, мальчишка, нищий, без связей, на том только держится, что из той

же жалости кое-кто по старой памяти за него словечко замолвить готов, стоит и угрожает Стиву, несет полную околесицу, а тому только глазом моргнуть... Супермен! В перестрелке — ноль, обычная уличная драка — лежит, прыгай, ему говорю...

— Ладно, прыгай... А сами мне не ответили, почему не первым.

— Мне там первым не стоит.

— Вероятка?

— Нет верояток.

— Как же нет, если первым не стоит?

— А так нет. Фарт это самый обычный, понимаешь?

— Понимаю, что слово другое, а смысл...

— Хорошо, вот тебе и смысл. Мы с тобой когда последний раз виделись, в шестидесятом на третьей Перевалочной? Ну да, как раз тогда это и произошло. Не помнишь скандала в Красном игорном?

— Да я, знаете ли, в подобные заведения...

— Знаю. Так вот, держал там главный стол некий Витя Зе. Калач тертый, разные про него слухи ходили, но не жульничал. Не то чтобы такой честный, но там это не прошло бы, лохи в

Красный не заглядывали. И вот появляется однажды у стола такой Бобочка. Простачок в конопушках и с рыжими волосами, во все стороны торчащими. Видать, только что наследство получил, рядом еще постоянно какая-то старушенция надзор ведет, типа бабки или тетушки. Говорлива страшно, всех своими историями умучила. Я даже фамилию запомнил, уж очень смешная — Пупсик. Так вот, является однажды вечером этот конопатый в зал, и у стола Зе начинает кидать кости. Часа два туда-сюда бегает мелочь, и вдруг Бобочка выкидывает с первой попытки весь покер. В народе оживление. Впрочем, не очень большое, иногда такое счастье дуракам приваливает. Второй раз выкидывает. Третий. У стола толпа. Зе при всей своей выдержке начинает бледнеть. Ставки растут. Пупсик только глазки свои бессмысленные вытаращила, ничего не понимает, даже рот раскрыла. И затем Бобочка еще семь раз без остановки выкидывает полный покер. Естественно, начинается крутой скандал, проверяют кости — кости Витины, ни о какой подмене речи быть не может. Привезли даже какую-то специальную штуку, то ли она на поля посторонние реагирует, то

ли еще какую возможную в их делах пакость мерит, но все чисто, подкопаться не к чему. А Зе стоит уже синий, то за пистолет, то за сердечные капли хватается и орет, что он все равно этого гада на чистую воду выведет. Бобочка чуть не до слез обижается, швыряет стаканчик и заявляет, что если ему не верят, он может совсем уйти. И даже с Перевалочной улететь. А все деньги оставит старушке, пусть она своей дрожащей рукой за него еще раз десять кинет на все. Народ от идеи развеселился, Бобочка гордо покинул зал и действительно направился прямо в порт. Минут тридцать бабулю учили держать в руках стаканчик, она так ничего и не поняла, но как только сообщили, что корабль с Бобочкой на борту стартовал, ее заставили бросать. И она опять подряд десять раз выкладывает на стол готовый покер. Зе остался нищим. Пупсик стала после всего робко спрашивать, нельзя ли хоть маленькую чашечку кофе, пока Бобочка не вернулся, а то он на ночь не разрешает. Шумная была история, долго она потом по залам всех Перевалочных бродила, под конец уже и сама на себя похожей не стала. Но на этом не кончилась. А вот о ее-то конце как раз мало кто знает. У меня све-

дения от Стива. Дело в том, что, в один вечер оставшись на мели, Зе оказался в безвыходном положении и вынужден был заняться кое-какими не совсем законными товарами. Одно время связался с нашими летунами. И через пару лет после того знаменитого вечера в Красном игорном стоит Зе в Центральном порту Земли на таможенном досмотре, вдруг его начинают шмонать по-серьезному. Может, стукнул кто, а может, просто рожа не понравилась. Хотя все упаковано очень грамотно, был даже шанс проскочить, но Зе сорвался, там, как потом оказалось, товару — приличную планету купить можно. Короче, Витя поднял стрельбу, ему ответили, шум стоял на всю округу, но когда дым рассеялся, то труп обнаружилось всего два. Сам Зе и в десяти метрах от него Бобочка, который совершенно случайно собирался лететь тем же рейсом и мирно доставал из бумажника свой билет в тот момент, когда его достала шальная пуля Зе, предназначенная какому-нибудь не в меру ретивому таможеннику. Ну что, любопытная сказочка? И заметь, произошло это в местах, где ни о каких вероятках никто не слышал. Но, с другой стороны, прикинь по своей теории, ты ведь человек

ученый, есть хоть самый маленький процент вероятности таких совпадений?

— Теоретически этот процент всегда существует.

— Пуля, она штука не совсем теоретическая.

— Предположим. Предположим, вы меня убедили, хотя чем может убедить охотничья история, пусть даже украшенная яркими подробностями и ссылками на известные авторитеты, типа Лаевского, я так до конца и не понимаю. Предполагаю даже, что в вашей долгой и увлекательной жизни наберется еще не одна подобная. И никаких верояток нет, есть только всемогущий фарт, с которым настоящие мужчины, такие, как вы, ведут жесткие, бескомпромиссные и азартные игры, вместо того чтобы, подобно слизнякам, таким, как я, пытаться найти законы справедливости в крапленном мире. Отлично. Но я все-таки, без всякой, естественно, связи с нашим предыдущим разговором, рискну задать вам три вопроса. Сколько вам лет? Откуда вы узнали, что в ту трещину вам нельзя прыгать первым? И почему вы считаете, что на вашем счете мои деньги лежат надежнее, если судьба — индейка и так далее?..

Первый раз я увидел, как Чеп разозлился по-настоящему. Глаза его стали еще невыразительней и бесцветней, хотя миг назад казалось, что такого произойти не может, крылья носа чуть дрогнули, губы обмякли, а голос зазвучал предельно вежливо и доброжелательно:

— Прости, я вынужден тебя ненадолго покинуть, надо кое-что еще раз проверить. Можете пока отдохнуть и закончить завтрак.

Чеп исчез за ближайшим выступом, я продолжал прихлебывать кофе, стал рассеянно оглядываться и обнаружил, что ребята уже проснулись, Мونها возится с банками и свертками, а Пол сидит, обхватив руками колени, и внимательно меня рассматривает, без особого, однако, восторга.

— Зачем вы так с Чепом, ведь вы же не случайно свои вопросы... ведь слышали, наверное, что-то... ведь он так к вам относится?..

«Ведь, ведь...» Больше всего обожаю, когда мне по утрам нравоучения читают. Особенно молодые люди большой нравственности и примерного поведения.

— Выходит, Пол, вы сочли мои вопросы несколько неуместными? Скажите, а по каким критериям вы определяете уместность вопроса?

Пол ответил сразу и не меняя своей чуть наставительной интонации:

— Уместен тот вопрос, в ответе на который вы хотите получить какую-либо ценную для себя информацию. А неуместен, если ответ на самом деле вам прекрасно известен, а вы своим вопросом только хотите обидеть собеседника, огорчить его или просто поставить в неудобное положение.

Ну, учитель ты мой, воспитали тебя на мою голову в благородном пансионе. С меня аж последние остатки сонной дури слетели от его наглости.

— Отлично, тогда, может быть, в соответствии с вашей классификацией, вы разрешите мне и вам задать несколько вопросов, они будут наверняка уместными, так как, ручаюсь, информация, которую надеюсь получить в ответ, не только мне неизвестна, но и, честное слово, очень для меня ценна. Например, занимаются ли когда-нибудь летуны за деньги убийством неизвестных им людей?

— Настоящие летуны, если вы имеете в виду группу Лаевского, никогда этим не занимались, не занимаются и заниматься не будут.

— Предельно подробно. Но тогда возникает второй вопрос. Что делали два дня назад вечером четыре человека на семнадцатом километре Восточного шоссе? Или, по крайней мере, что там делали двое из них?

Более всего мне нравилась реакция на нашу беседу Мони. Он, продолжая готовить завтрак себе и брату, за все время даже ухом не повел в нашу сторону, причем без всякой нарочито-вежливой нейтральности, а совершенно органично отключившись от впрямую к нему не относящегося. Хотя и Пол особой эмоциональности не проявлял и ленивой наставительности в голосе не убавил:

— Думаю, вам и в самом деле известно слишком мало, хотя слова о ценности этой информации лично для вас вызывают мое удивление. И еще сразу же должен сказать, что ни я с братом, ни кто-либо из наших знакомых в упомянутое вами время на семнадцатом километре не присутствовали, что в отношении нас и наверняка в отношении наших знакомых могут засвидетельствовать многочисленные, вызывающие полное доверие лица. Следовательно, в отношении того, что, совершенно гипотетически, могло происходить два дня назад вечером на Восточ-

ном шоссе, я опять-таки могу строить всего лишь предположения.

Вот насобачился, стерва! Я бы такое и по бумажке в трезвом виде без запинки не прочел, а он выпалил единым духом, и глотка не пересохла. Ладно, говорю, давай свои предположения.

— Ну, если в виде чистой гипотезы, то вполне могло произойти следующее. С неделю назад на седьмой Перевалочной флотский дозор устроил засаду группе людей, подозреваемой в перевозке каких-то нелегальных грузов. Справедливы ли были подозрения, сейчас уже установить невозможно, так как во время неизвестно кем спровоцированной перестрелки шлюпка с предполагаемыми нарушителями неожиданно взорвалась, и не осталось никаких вещественных доказательств. Среди погибших оказалось немало жителей нашей планеты. И тут вывод напрашивается сам собой. Возможно, кому-то стало известно, что кто-то сказал кому-то нечто, что привело к неожиданной засаде, а потом и гибели четырех десятков человек. Вот этому сказавшему друзья убитых, вероятно, могли захотеть устроить какие-нибудь неприятности. Я не очень сложно?

— Почему же, весьма даже просто. Только сказочки тут у вас у всех довольно однотипны. Кто-то таскает что-то там неположенное из порта в порт, кто-то кого-то закладывает, и в результате гора жмуриков, у слушателя же, по идее, должна появляться скупая мужская слеза. Весьма, конечно, благородно, и святое чувство мести достойно полнейшего уважения. Только что-то во всех этих милых историях имеет запах плохо вам известного земного дерева липы. Ну вот, например, для справки. Грузовой буксир четыре — двенадцать, доставивший два дня назад в Центральный порт представителя фирмы консервированных соков Гофмана, действительно вылетел с седьмой Перевалочной. Но вся прелесть в том, что вылетел он оттуда без пассажиров. И принял их на борт только пять дней спустя по дороге с пересадочного катера рейсового пассажирского лайнера. Рейс ДН-два. Поскольку пассажиров и было-то всего двое, то сказанное проще простого проверить по багажным накладным в порту. Так что получается, в момент перестрелки на седьмой этот самый Гофман находился оттуда на расстоянии порядка десяти световых дней. А теперь позвольте спросить, раз

уж вы такой любитель гипотез, есть ли у вас хоть какие-то предположения, что мог из столь романтического далека узнать Гофман о планах некой группы, или, отходя от вашего птичьего языка, о месте и времени переправы контрабанды компанией летунов? Ведь для вас, естественно, не секрет, что подобные планы и составляются и реализуются в гораздо более краткие сроки, именно во избежание утечки информации. Я не очень сложно?

Ни мои стилистические потуги, ни жалкая попытка хоть немного под конец съязвить не произвели на Пола большого впечатления. До него еще, видимо, не все дошло, и он продолжал учительствовать:

— Для того, чтобы настучать, совершенно не требуется находиться на месте происшествия, есть достаточно других способов...

— Нет, Пол, нет в них никакого недостатка. На таком расстоянии способ абсолютно единственный — канал правительственной сверхдальней связи. А вы, хоть примерно, представляете, кому и в каких случаях дается до этого канала допуск, не говоря уже, сколько стоит каждый бит переданной по нему информации?

Как ни странно, первым проявил беспокойство Моня. Он очутился стоящим справа от меня в позе если не напряженной, то, по крайней мере, не выражающей той полнейшей безмятежности, что, казалось, сопутствует братьям в любой ситуации. Хотя вежлив донельзя:

— Прошу прощения, но вы, видимо, все же что-то знаете не совсем точно. Сведения о случившемся получены от человека, верить которому можно безусловно, и вера эта не подлежит сомнению.

Я даже не улыбнулся. Если вопросы начинают касаться чужой веры, меня охватывает паническая серьезность.

— Тогда прошу прощения. Поскольку имени безгрешного человека вы мне, естественно, не откроете, наша беседа автоматически заходит в тупик, и остается еще раз выразить сожаление о напрасно всеми нами потраченном времени.

Моня сразу же хотел что-то ответить, боюсь, даже и нечто резкое, но Пол, вдруг быстро и плавно встав рядом с братом, слегка предупреждая дотронулся до его локтя ладонью.

— Нет, почему же, открыть можно. Тем более что вы сами прекрасно знаете его имя. Мать вам рассказывала, как погиб Фред?

— Только в самых общих чертах, без подробностей.

— А жаль, что без подробностей. Основная подробность та, что на него, уже мертвого, накинудись легаша и куда-то поволокли. И мы ничего не могли сделать, их было слишком много, а ведь еще оставалась надежда, вдруг не насмерть, и мы понимали, что не пробиться, и хоть уже передернули затворы, но все равно не пробились бы сквозь кордон, если бы нам не помогли четыре врезавшихся в него грузовика. Так вот за рулем одного из них — того, что первым подставил лобовое стекло под пули кордона, и того, в чьем кузове мы увезли тело Фреда, — сидел этот самый человек. Стив Лаевский. А потому, хоть и может показаться вам совершенно нелогичным, все ваши сведения относительно господина Гофмана, световых дней, номеров рейсов и всего прочего — гроша ломаного не стоят.

Вот оно. Вот оно — то самое. Все более приходится проникаться уважением к старику Чепу. Как он говорил про ферму и планету? Да, простота и патриархальность отношений штука в самом деле обоюдоострая. Хотя здесь больше подошло бы слово типа «обоюдострельное», жалко, его еще

не придумали. Друзья все. Почти родственники. Незапятнанная честь и вместе пролитая кровь! Слово и вера выше любого факта! Правильно. Так и должно быть. Только что-то в этом вашем гадюшнике, ребята, при всей трогательности родственных отношений, слишком часто норовят выстрелить в спину. Ну ладно, ладно, это я действительно несколько... раззадорился. Мои-то мальчики тут не очень при чем, я им на самом деле побольше, чем жизнью, обязан. Слеповаты, правда, малость. Но будь они более зрячими, неизвестно, легли бы тогда у развилки. Так что не станем привередничать, Впрочем, еще один вопрос задать, возможно, и стоит.

— Послушайте, Пол, и поверьте, что ко всему сказанному вами я со всяческим уважением, но если мне не изменяет память, то Лаевского до сих пор нет на планете, а передавать такого рода сведения, и тем более указания, по связи, пусть даже самым сложным шифром... Стоило ли так рисковать, да и какой смысл, ведь спешки нет, куда бы Гофман тут делся, что решают сутки-другие?

Пол ни мгновения не задумался с ответом, и это, пожалуй, более всего утвердило меня в мысли, что вопрос задать было надо.

— Вы слишком много уделяете внимания способам передачи информации. С нас же достаточно и того, что указания Лаевского получил Тед. А он без Стива самостоятельно даже не высморкается. Никогда. Так что ошибки ищите в своих собственных данных.

Вот так. Не высморкается. Всегда. Никогда. Главное — вот это «никогда». Ах, мальчики, мальчики... Стало мне как-то сразу скучно, и более всего я забеспокоился по данному поводу — уж слишком часто в последнее время появляется это так не соответствующее обстоятельствам чувство. Больше внимания на себя надо обращать, а не стараться наговорить людям как можно круче пакостей. Тут как раз из-за стены появился Чеп и своей мрачноватой физиономией напомнил мне, что единственное полезное дело, которое я совершил за последний час, — основательно подпортил отношения со всеми, от кого пока еще завишу целиком и полностью. Славное занятие себе выбрал. Впрочем, Чеп не дал моим угрызениям сильно развиться и скомандовал полный сбор. Ребята же если и были чем-то недовольны после нашей беседы, то никак это не сказалось ни на скорости, ни на

четкости их работы. Мы тронулись уже через несколько минут.

И еще сутки. Очень тяжелые. Правда, то ли и в самом деле несколько по привычке, то ли приближение к цели так ободряюще действовало, но иногда мне удавалось не только собраться с мыслями, но даже перекинуться фразой-другой со спутниками. Впрочем, сами они в этом не видели ничего странного и между собой порой вели нечто вроде беседы, хотя и прерывающейся постоянно какой-нибудь пакостью типа маятниковой скалы. Помню даже какие-то отрывки. Чеп, например, вспоминал, висая на отрицательном склоне и поминутно сплевывая летящую сверху известковую крошку в километровую пропасть под ногами:

— ...памятники ставят... сволочь какая-нибудь положит мильён народу во имя и для блага, так ему к дате свежую травку на постамент... Катнер их до сих пор кормит и поит тут, подонков, а они хотя бы камушек где с именем. Так и сами подохнут все без памяти.

Пол, лежа на карнизе сантиметров в двадцать и еще умудряясь одной рукой подтягивать меня, а другой страховать Меню:

— ...только где ставить... Мать рассказывала, он пропал странно как-то, слухи ходили — в районе плато... Не поймешь, откуда пришел, куда делся, даже что открыл — никто толком до сих пор понять не может... Да и был ли он, в самом деле...

— Дураки вы еще сопливые... И матушка ваша тоже девчонка, помнить ничего не может, слухи одни... Вот она, благодарность. А скоро, если так пойдет, и вправду докажут, что не было никакого Катнера, одни теории останутся... Мы с ним сразу после его высадки пошли по реке, дорог-то еще не было, одни тропки, по которым местные телеги катали, а у нас с собой хоть и самое портативное, но буровое оборудование... Плохонькое... и на него-то Артур еле денег наскреб, о вездеходах мечтать не могли. Плоты вязали, на них и шли... Нас одиннадцать выходило, пока до места добрались — пятеро осталось, остальные трое уже потом погибли, когда скважины били... А само место... до сих пор не могу понять, что Катнер в нем нашел... Просто головой кивнул, здесь, мол, выгружаемся. То первый наш базовый лагерь был, берег безлесный, плоты разбирали, что-то типа избушек ставили, ночами уже хо-

лодало, дожди, крыша нужна, главное, конечно, для оборудования... Там с месяц кочумали, Артур все колдовал в одиночку, запирался даже от нас, чтоб не лезли, злой ходил как черт... А умники потом: удача!.. Ему удача эта все нутро съела... Потом повеселел враз, все, мальчики, говорит, пора делом заниматься. И поперли мы железяки на своем горбу километров за десять вглубь от реки. Первую скважину налаживали как раз, где почти сейчас город начинается... Да он от нее и пошел. Потом уже, когда результаты налицо, нам кредит открыли. Народ повалил, машины поволокли, материалы... Еще несколько лет там же, в старом лагере, все это и разгружали, пока порт стационарный строили, пока город ставили, пока между ними дорогу клали... Но что интересно, Катнер в тех местах больше ни одной дырки не проковырял. Сразу стал с Королевством переговоры вести о долине за хребтом, где сейчас центральные прииски. Значит, знал, что там породу покажут остальные шесть скважин? А они: вероятность, вероятност... Идиоты. Нам, конечно, не до того было, мы в азарте через хребет ломались, а вот кто следом шел — свиньи порядочные. Мы и сами поначалу при разгрузке на берегу

бардак устроили образцовый, но то впопыхах, груз пер лавиной, а уж те, когда поспокойней стало, вполне все прибрать могли бы. А они там городскую свалку устроили, вместе с захоронением промышленных отходов... Это на месте нашего-то первого лагеря... Правда, потом говорили, Катнер сам такой приказ дал и место выбрал, но, думаю, врут... Хотя человек он был без сантиментов... А я вот, лет через пять, когда машина уже закрутилась, Компания все прибрала к рукам, Артур исчез, и на прииске делать мне стало нечего, решил побродить по старым местам. Посидеть на том бережку, куда мы первые плоты выволакивали... Не пришлось. Уже в то время к свалке на километр без спецкостюма не подойти... Загадили сами себя, ох, как загадили, недоумки!..

Слушал я поучительную беседу седого ветерана с представителями идущего на смену поколения, честно говоря, вполуха. И не только потому, что плохо воспринимаю исторический материал при столь полном отсутствии комфорта, но главное — в наиболее интересующей меня части материал был мною давно освоен. И удивление мое, при первой встрече в кафе с Чепом по поводу его работы с Катнером, носило скорее

провокационный, чем искренний, характер. Как, к сожалению, и почти все общение с этим человеком. Но тогда я еще не знал, насколько здесь уместно «к сожалению». Впрочем, не уверен, что любое дополнительное знание могло изменить мои поступки. Сейчас у меня возникает подозрение, что их совсем ничего не могло изменить. Даже если бы это подозрение уже тогда перешло в уверенность.

В тот солнечный до слепоты день, раскачиваясь вниз головой меж двух крутобоких валунов, я, однако, был занят почему-то отнюдь не решением, пусть и абстрактных, но имеющих хоть какое-то отношение к делу, проблем, а некой странной идеей, возникшей случайно и после никогда не занимавшей меня. Попытаюсь изложить по памяти.

Мать укачивает ребенка. Нежное деяние, чуть не символ материнства. На самом деле — элементарное насильственное нарушение работы вестибулярного аппарата младенца. Аппарат этот столь слаб, что достаточно порой всего несколько плавных движений, и организм не выдерживает, вынужден перейти на совершенно иной режим работы — сон. При самых мини-

мальных усилиях — воздействие уже почти на все жизненные процессы. Иначе работает мозг, сердце, легкие. Сам человек на время становится иным. Правда, в данном случае на уровне для себя органичном. Так как он все равно заснул бы, только, может быть, в другое время. Взрослый уже не так подвержен внешним воздействиям. Нескольких качков недостаточно, чтобы уснуть. Но и легкого шлепка по заду недостаточно, чтобы проснуться. Усилия требуются большие, но и воздействия они вызывают более длительные. Появляются привычки, входят составными частями в свойства характера. Человек, который едет на машине, это совсем не то, что человек, идущий пешком. Тем более едущий постоянно или постоянно ходящий. Когда о ком-то говорят, что он ведет сидячий образ жизни или что он непоседа, тут на самом деле определяется очень многое. Не только ты делаешь определенные движения, но движения во многом делают тебя. Вопрос не только и даже не столько в физическом статусе, тренированности тела или силе мышц, сколько во всей личности целиком. Здесь и психика, и взгляды, и жизненные принципы, и отношение к миру, и

обоснование поступков. Короче, движение и его характер влияют. Но раз так, то этим влиянием можно и управлять, прогнозировать его и получать строго определенные результаты. По сути, производить то же самое, что мать с ребенком делает, только в более сложных комбинациях и всю жизнь. Такой, скажем, специальный кабинет, куда приходишь и на специальном аппарате получаешь процедуру — мизинец левой руки вибрирует с определенной частотой, правая нога раскачивается по рассчитанной амплитуде, а по затылку в заданном ритме постукивает молоточек. А в результате через пятнадцать лет на судебном процессе ты, вместо того чтобы дать ложные показания и заработать миллион, режешь правду-матку в глаза, лишаешься работы, но зато проявляешь высокие гражданские чувства. Но тот же молоточек может ненароком достукать тебя до того, что ты в конце концов эдакую пакость совершишь, до которой бы иначе и в страшном сне не додумался. Впрочем, неизвестно еще, нет ли давным-давно такого молоточка, человек всю свою историю слишком много о свободе воли кричит, чтобы иметь ее на самом деле.

Изложил я, видимо, достаточно сумбурно, и тогда особой четкости формулировок не наблюдалось, волокни-то частенько вниз головой и трясли прилично, что, впрочем, мысль только подтверждает, а уж сейчас и в памяти не много осталось, упоминал уже, что с тех пор идеей этой более не интересовался. Но что было — то было. Тащили меня. Мысли мелькали. Слушал иногда. Думал немножко. Опять меня тащили. Притащили в конце концов. Выбрались мы на перевал. Там нас уже поджидали.

Парочка приятных таких ребят метра по два, с головы до ног увешанных осколочными гранатами со вставленными запалами. Как они потом объяснили — в горах самая действенная штука, много лучше пулемета, тут ведь прицельная стрельба не требуется, дырка, чтоб ровно, между глаз — не обязательно, хватит небольшой царапины, только покачнись, остальное скалы сами доделают. Жестковатая, одним словом, технология.

Встречающие, впрочем, оказались вполне предупредительны, хоть и настроены максимально делово. По-нашему говорили не очень, но достаточно, чтобы вкратце пояснить ситуацию. Дальше иду только я один. Все снаряжение, ору-

жие, а также любую аппаратуру, кроме браслета связи, обязан оставить — они проверят, чтобы я не сомневался. Моим спутникам сразу же после нашего ухода начать обратный спуск, с этого момента безопасность им не гарантируется (тут я про себя слегка усмехнулся: а то все наше восхождение можно было назвать путешествием с гарантированной безопасностью). Для переэкипировки, прощания и прочего, необходимого на стоянке, нам дается столько-то времени. Я точно не разобрал сколько, но понял, что очень мало. Выговорившись, горцы вежливо отошли в сторону и выжидательно застыли, я начал разоблачаться, а Чеп с ребятами мне помогали.

Закончив, я взял под руку Пола и отвел к ближайшему, пригодному для сидения, камушку. Он слегка удивленно поднял брови, в глазах его даже мелькнуло любопытство, которое, впрочем, я вряд ли полностью удовлетворил. Но тогда мне хотелось быть чистеньким.

— Если вы помните, Пол, то последняя наша беседа закончилась вашим советом мне поискать ошибки в собственных данных? Так вот, признаюсь честно, я пытался это сделать. Но не смог. Что естественно. Так как все относительно пе-

редвижения господина Гофмана знаю не от кого-то. Я и есть тот самый Гофман. На семнадцатом километре вы ждали меня. Подтвердят Блум и ваша матушка. Правда, вы можете заподозрить, что я вру в основном и действительно сдал ребят на Перевалочной. Но тогда вам остается дожидаться, пока я вернусь обратно, если вернусь, и выполнить приказ, отданный, по вашему мнению, Лаевским. После того как вы узнали, кто я, это сделать будет не трудно. Я тут, конечно, лицо заинтересованное, и потому вера мне небольшая, но все же хотел бы дать совет. Попробуйте какой-нибудь другой вариант. Ну, например, воспользуйтесь вашим же способом и поищите ошибки в собственных данных.

Пол если и не был глубоким мыслителем, то выдержкой и реакцией обладал исключительными. Ни глазом не моргнул, ни паузы, даже секундной, не взял после последнего моего слова:

— У вас есть какие-то соображения? Мне кажется, вы знаете больше, чем говорите, только не пойму, зачем и что вам надо скрывать?

— Скрывать мне в данный момент от вас и по этому поводу совершенно нечего и незачем. Но абсолютно точных фактов у меня нет, а име-

ются только, как вы удивительно удачно выразились, соображения. Навязывать свои выводы не буду, вы человек ума критического, будет гораздо убедительнее, если сами к ним придете.

— Уверены, что я к ним приду, и если приду, то именно к тем, что вам нужны? Пока еще я не заметил между нами особого единомыслия.

— Пока вы еще в самом деле ничего не поняли. Мне не нужны никакие ваши выводы. Мне в этой истории больше ничего не нужно. Теперь она касается вас и только вас. И мне почему-то кажется, что события самого ближайшего времени не оставят вам серьезных препятствий для решения всех вопросов.

— Вы не тот человек, которому что-то почему-то кажется...

— Я тот человек. Я тот самый человек, только кажется мне все время что-то не то. Сами. Дальше только сами. До того предела, до которого вы мне могли поверить, — уже поверили, а в остальном поверите только себе. Собственно, моя просьба всего лишь — не затыкать уши и поработать головой.

Подошел Чеп, неуклюже опустился рядом с нами.

— Пора, Валя. Чурки уже волнуются, как бы от нервов не рванули ненароком, перевал засыплют. Да, кстати, я тебе тут одну штуку в нагрудный карман сунул втихаря. Зубная щетка. Там немного, всего три патрона, и бьет не больше, чем метров на пятнадцать, но может пригодиться.

Я вынул из кармана оказавшуюся там зубную щетку, самую обычную, даже по тяжести не отличишь, и с сожалением вернул Чепу.

— Спасибо, но не буду рисковать, мне сейчас мельчайшие неприятности лишние. И не только за это вам спасибо. Давайте прощаться.

Я встал и протянул руку Полу. Он быстро несильно пожал ее и, коротко кивнув, то ли из вежливости, то ли утвердительно, хоть я и не задавал ему никаких вопросов, пошел к брату, уже приготовившему снаряжение. Чеп замешкался, дотронувшись мне до локтя рукой, явно непривычной к столь мягкому движению. Но мягкость только в жесте, и то мне, видимо, показалось.

— Вот что, Валя, я тебе еще хотел сказать. Только ты не ерепенься, времени у меня слушать твои огрызания не осталось, да и денежки я отработал полностью, могу позволить теперь. Молодости нет. Ты это запомни пока, потом раз-

жуешь на досуге. Нет и не бывает вовсе. Есть дураки и умные. Есть кто за себя отвечает, а кто нет. Но даже тому, кто отвечает за себя, не дано делать это за других. Только не каждый отплывающий замечает, что он сразу же и приплыл. Это я опять же о молодости. И не верь местным. Живут слишком долго. Привет.

Чеп сделал попытку улыбнуться, она ему не очень удалась, и направился к ребятам. Я же предстал перед горцами, всячески показывая полную покорность и готовность одновременно. Они исполнили обещание и тщательнейшим образом обыскали меня с ног до головы. Тут чуть было не возник скандал из-за того, что у меня два браслета связи. Я стал нудно, но с выражением рассказывать историю от самого начала, как у меня был всю жизнь этот самый, очень дорогой и совершенно замечательный браслет и никому никогда не мешал, и я его оставить никак не могу, меня по нему вся вселенная знает, а вот тут навязали эту дешевку, ее-то я как раз с удовольствием выбросил бы, но боюсь, как бы у меня неприятностей не вышло и у тех, кто меня на это подвигнул, заодно... Горцам я явно надоел после первых же двух слов, но они с величайшим терпением дослушали

до конца, обменялись взглядами, не оставляющими никаких сомнений относительно их мнения обо мне, и, ни слова больше не говоря, двинулись по гребню, лишь движением руки показав, что могу следовать за ними. Обернувшись напоследок, я увидел Чепу и ребят, уже начавших спуск. Сделал попытку махнуть рукой, но никто из них даже не взглянул в мою сторону.

Шли мы больше часа по почти тропинке, шли не торопясь, и я не только не устал, но даже, как мне показалось, немного отдохнул. Мои спутники ни разу не сменили темпа, не оглянулись на меня, короче, так убаюкали монотонностью, что, когда внезапно остановились, я, несколько замечтавшись, чуть не врезался им в спины. Даже, может, и врезался бы, если бы они так же внезапно не раздвинулись. Сделал еще шаг и оказался перед входом в довольно большое сооружение, что-то типа палатки, только размером примерно с гараж машин на десять. Полог слегка приоткрыт, но я остановился, ожидая дальнейших указаний, и повернулся к своим спутникам посоветоваться. Их не было. Манеры, конечно, так себе, но мы люди не гордые. Не гордые, но на пороге тоже себя долго держать не

позволим. Изобразил на физиономии приветливость и вошел.

С таким же успехом я мог изображать все, что заблагорассудится. Хоть в палатке сидело человек двадцать, на меня никто не обратил ни малейшего внимания. Располагались они кто на чем, от перевернутого ржавого ведра до великолепного резного кресла старых мастеров в отличном состоянии. Правда, у кресла этого, как я сразу же заметил, было только одно колесико из четырех, потому стояло оно несколько криво, что, впрочем, совсем не смущало крайне вольготно устроившегося там парнишку с огромной кружкой в руках. При более внимательном рассмотрении такие же кружки оказались у всех остальных, только одни что-то из них прихлебывали, а у других они болтались на поясе. Занятие этих других, кто не прихлебывал, мне было трудно определить: кто перебрасывался словами с соседом, весьма, впрочем, скупое, кто перебирал гранатные запалы, один как будто настраивал передатчик дальней связи, впрочем, он мог оказаться и стиральной машиной, остальные же, по-моему, просто внимательнейше смотрели в пол. Я еще немного потоптался у входа, покаш-

лял, пробормотал даже что-то вроде приветствия, но никакой реакции так и не добился. Оставалось совершить единственный возможный в этой ситуации поступок, то есть отыскать нечто пригодное для сидения и присоединиться к разглядывающим пол. Неподалеку нашелся вполне подходящий ящик от шахтерских взрывпакетов. Занял я его прочно.

Но тут взгляд одного из самых меланхолических горцев случайно натолкнулся на мои ноги, медленно пополз вверх, дошел до груди и вдруг выразил полнейшее недоумение. Затем меланхолик встал, пошел куда-то в угол и приволок оттуда стандартную двадцатилитровую канистру и такую же кружку, как у всех. Поставив все это возле меня, он удовлетворенно хмыкнул и поплелся восвояси, потеряв ко мне, видимо, всяческий интерес.

Пойло из канистры мало напоминало спиртное в нашем понимании, но черт его знает, как оно может подействовать, потому особо я не налегал. Прошло минут двадцать. Издалека донесся низкий, мягкий прерывистый звук. Горцы начали неспешно вставать, потянулись к выходу. Тот, что в кресле, замешкался более других, но под конец

проявил невиданную прыть, рванул как с низкого старта на стометровке и, в последний момент сделав двойное сальто, исчез за пологом. Я остался один. Стоявшая посреди помещения штука, принятая мною за передатчик, которую все это время без видимых успехов щупал один из горцев за разные места, стала внезапно сама собой подергиваться, похрюкивать и наливать изнутри удивительно неприятным малиновым светом. Я, даже не успев подивиться такому свинству со стороны местных, сразу же начал прикидывать, в какой угол нырнуть, если рванет. Хотя схорониться тут было не за чем и шансов уцелеть крайне мало. Но хрюканье прервалось, и из штуки раздался голос диктора, обычно ведущего городскую программу новостей: «...несколько часов назад на пороге своего кабинета. Полиция бросила на расследование этого прискорбного инцидента все свои лучшие силы. Господин Лаевский являлся одним из старожиллов города, его заслуги на культурном поприще столь велики, а репутация среди самых различных слоев населения столь безупречна, что нам кажутся абсолютно вздорными измышления некоторых безответственных писак из желтых листов, будто его гибель каким-то образом связана

с событиями, происходящими в среде так называемых «летунов». Однако сами по себе слухи об этих событиях, вполне вероятно, имеют под собой некоторые основания. По сообщениям из неофициальных источников, имеется мнение, что некто Сани Гримм, лицо, до того малоизвестное на планете, совместно с неким Тедом, как называют одного из лидеров старых «летунов», организовали новую объединенную группу. Однако объединение это, видимо, пришлось по вкусу не всем «старикам», что и могло вызвать некоторые произошедшие беспорядки. Но никаких поводов для серьезного... хрю-хрю... наша доблестная поли... хрю-хрю...» И аппарат так же внезапно вырубился, затих, начал успокоенно остывать. Я еще какое-то время продолжал разглядывать штуковину, ожидая от нее продолжения пакостей, но, видать, заглохла она намертво. Потом набрал на браслете код Чепы.

— Где вы сейчас находитесь?

— Проходим северную вертикаль. Давай быстрее, что у тебя, мне тут не до разговоров. Ах, ты... (Это, видимо, не ко мне относилось.)

— Когда будете на стоянке и в одиночестве, свяжитесь со мной.

— Ладно. Привет. Ну, ты же и... (Опять, думаю, не ко мне.)

Я отключился, сделал последний глоток из кружки, повесил ее на горлышко канистры и встал. Все мыслимые нормы приличия по скромному ожиданию мною перевыполнены. Но не успел себя еще как следует накачать подобными рассуждениями, как полог отодвинулся и вошла женщина. Я плохой специалист в оценке женского возраста по внешнему виду, особенно среди горянок, но, кажется, лет ей не более двадцати пяти. Длинный светло-серый тяжелый плащ с большим капюшоном, рост чуть меньше моего, пепельные волосы, слегка вытянутое, красивое лицо. Глаза несколько блекловаты. Крохотная черная маска со слишком большими прорезями. Женщина приветливо кивнула мне, села напротив на первое попавшееся ведро и сделала жест, который вполне можно было принять за предложение последовать ее примеру.

Некоторое время она молча разглядывала меня. А я ее. При этом нравилась она мне все больше и больше, каковое впечатление, как человек галантный, я и пытался всячески изобразить на собственной физиономии. Не могу по-

хвастаться, будто умудрился прочесть в ее глазах нечто соответствующее. Хотя холодной, вежливой благожелательности там имелось вполне достаточно.

Однако если с мужиком еще вот так в гляделки играть можно до бесконечности, то есть до того момента, как он в драку полезет, то пляться на даму, даже если ее манеры несколько странноваты, следует все же в разумных пределах. Потому я в конце концов опустил очи долу, скользнул, правда, взглядом, врать не буду, по ее фигуре, полюбопытствовал формой ножек, но плащ оказался застегнут наглухо и донизу. Несколько расстроился, однако мягкий, почти нежный голос не дал сильно развиться этому чувству. Говорила она по-нашему без всякого акцента:

— Я вас внимательно слушаю.

— Простите, вы, возможно, не совсем в курсе, или я не до конца разбираюсь в ситуации... Насколько мне известно, Старец обещал пропустить меня через перевал, и я здесь жду каких-то указаний, что делать дальше. Хотелось бы, конечно, если это возможно, поговорить и с самим Старцем, но пока я просто не знаю, к кому

обратиться, со мной как будто никто принципиально не желает общаться. Или у вас какой-то сложный ритуал представления?

Тут раздалось нечто вроде смеха, вернее, даже несколько отрывочных смешков, не могу сказать, чтоб очень неприятных, но как-то не очень уместных в столь нежных устах... Резковатые такие смешки.

— Вы, видимо, не до конца разбираетесь в ситуации. Хотя странно, Блум мог вас предупредить, мы из этого никакого секрета не делаем... Дело в том, Валентин, — ничего, что я называю Вас по имени, у нас не большая разница в возрасте (впрочем, моего согласия она не дождалась), — дело в том, что «Старец» это вовсе не какой-то конкретный человек и даже не состояние, а нечто типа... ну, если ближе к вашим реалиям, нечто типа должности, хотя и не совсем, конечно, но оттенки вам ни к чему. Само слово — довольно близкий буквальный перевод нашего обозначения, но тут сработала обоюдная полисемия... впрочем, вам это тоже не надо. Короче, в данный момент Старец — это я. Так что сложный ритуал представления мы можем считать законченным.

Ну, Старец так Старец. Хотя, честно говоря, для того разговора, который мне нужен, гораздо больше сгодился бы настоящий старец, но я уже давно пришел к выводу, что тут лучше не привередничать. Приходится брать, что дают.

— Итак, уважаемый Старец, — начал я довольно бойко, но тут же сбился, — уважаемая Ста... простите, уважаа...

Опять эти смешки, но по второму разу они показались даже милы.

— Не утруждайтесь, Валентин. Я Старец всего несколько месяцев, недавно прилетела с вашей родной планеты, пять лет училась в одном из старейших университетов Средней Европы. Знакомые студенты называли меня Марией, вы вполне можете пользоваться тем же именем, для простоты. Кстати, и в открытом планетном каталоге мой код связи зарегистрирован на Марию Стар, если вам это когда-нибудь пригодится. Так какие у вас ко мне вопросы?

— Пока вопросов совсем немного, прежде всего меня интересуют чисто практические; каким конкретно образом будет выполнено ваше обещание пропустить меня через перевал и когда я смогу оказаться в долине? Ваши люди веле-

ли моим провожатым забрать все снаряжение, так что мне теперь без посторонней помощи отсюда не спуститься. И чем я вам за эту помощь обязан? Деньги, думаю, вас вряд ли интересуют, впрочем, у меня и с ними не очень...

Мария извлекла из-за какой-то складки плаща кружку, стандартную, почти как у прочих, только размером меньше. Пододвинула канистру.

— Вас уже угощали этой местной достопримечательностью?

— Да, спасибо, только я так и не понял, сколько там градусов.

— Надеюсь, особо не налегали?

— Не налегал, я, знаете ли, больше шампанское... А что?

— Шампанское... — Мария вздохнула глубоко и мечтательно, на губах ее вдруг промелькнуло что-то совершенно детское, почти трогательное. — Нет, ничего особенного, градусов тут не имеется, мой народ спиртного не потребляет.

— Из каких-нибудь принципиальных религиозных соображений?

— Религию мы тоже не потребляем. Удивительно даже, как о нас мало знают... Естественно на самом деле, но для вас удивительно.

Для людей. Нет, религия ни при чем. Просто не пьют. Темный народ — не открыли пока. Ничего, откроют. Тогда быстренько сопьются, глазом не моргнешь.

— Веселые у вас предположения!

— У меня предположений не бывает, я Старец. А напиток — обычный настой на травах с очень легким слабительным действием. От здешней воды у всех постоянные запоры. Выяснилось сразу, как перевал заняли, с тех пор в привычку вошло, пьем постоянно, даже, как видите, гостей потчуем. Но иногда, по рассеянности, забывают гостя предупредить, а вкус не без приятности, да и в горах часто рот сушит. Бывает — злоупотребляют. Случались казусы... Да, простите, так вы, кажется, о чем-то меня спрашивали?..

Девушка нравилась мне все меньше и меньше. То есть, честно говоря, совсем она мне теперь уже не нравилась. Может быть, хотя я сильно сомневаюсь, во всем том бреде об алкоголизме и запорах, который она несла, и имелся какой-то смысл, но тот, уж слишком далекий от непосредственности, не давал никакой возможности предположить трогательной заинтересованности в успехе моих предприятий. Но, к счастью, я с дет-

ства воспитай в строгих правилах уважения к колоде в чужих руках, особенно когда нет другого выхода. И гримасу изобразил ласковую, будто меня уже расслабило от ихней дряни.

— Видите ли... Да я так просто, ничего, собственно... Обмолвился, можно сказать, мимоходом... Ну, насчет этого, в долину бы мне. И побыстрее. А?

У меня иногда буква «а» убедительно звучит, но в тот момент моему собеседнику были очень мало интересны любые мои интонации. Хотя я тогда еще даже не подозревал, насколько глубока незаинтересованность. Мария быстро скучным голосом прочла небольшую лекцию, и не то чтобы слишком торопливо, но уж с очень откровенным безразличием к вопросу, сможет или успеет ученик усвоить преподанный ему урок.

— У вас, Валентин, неточные сведения. Видимо, вы с Блумом не до конца поняли друг друга. Впрочем, и без него наверняка знаете, что горцы находятся на службе у Королевства. Заключен договор, по которому как раз вся наша работа и сводится к тому, чтобы перекрывать перевал и никого без разрешения Королевства

не пропускать. Вы, естественно, такого разрешения не имеете, иначе воспользовались бы воздушным путем Компании. И ни я, ни кто другой из моего народа никогда не пойдет на нарушение договора, ни за деньги, о которых вы тоже обмолвились и которые, кстати, нас очень даже интересуют, ни по каким-либо иным, пусть самым уважительным причинам. В нашем языке не существует слова, обозначающего понятие нарушения договора. Хотя слово, впрочем, со временем появится.

По правде говоря, меня не слишком расстроили лингвистические изыскания Старца. Что она там пять лет на Земле делала, я не знаю, об этом еще будет возможность спросить, но вот в аукционах явно не участвовала, иначе бы знала правила настоящего торга. Раз меня сразу же со скалы не сбросили, сюда привели, да еще разговоры разговаривают, значит, что-то там на продажу имеется. Я даже слегка про себя ухмыльнулся собственной сообразительности. Впрочем, если бы я в тот момент знал, что на самом деле является предметом продажи, то не ухмылялся, а громко хохотал бы. Но иногда малая осведомленность бывает полезна. И я по мере сил выра-

зил всей открытой частью лица полную растерянность, граничащую со смертельным ужасом.

— Помилуйте, Мария, как же так?.. Ведь Блум мне совершенно точно сказал, я проделал такой путь, потратил все деньги, заработанные за много лет... Что же мне теперь остается? Это какое-то ужасное недоразумение...

Мария встала, пошла в дальний угол, чуть склонилась над грудой каких-то ржавых железяк и светским тоном спросила, не оборачиваясь:

— Вы предпочитаете «Моэ» или «Шандон»?

Мне было безразлично, лишь бы похолоднее, о чем я тут же самым естественным тоном и поведал, всячески стараясь небрежной ленивостью интонаций подчеркнуть привычку к подобным предложениям. Но старался я зря, устроенный мной цирк никого не интересовал, Мария принесла бутылку, миску ледяных кубиков, сунула мне все это на колени и, терпеливо держа кружку на весу, в ожидании, продолжала урок, явно более всего увлеченная моими манипуляциями с плохо открывающимся в тепле сосудом.

— Именно нашему народу поневоле приходится иметь какие-то и официальные, и деловые

контакты с людьми. Тут вы нашего согласия, к сожалению, не спрашивали. И уже много лет юридическим представителем горцев в такого рода контактах является Блум. Делает свое дело крайне профессионально, порядочен и, главное, обладает исключительным умением свести до минимума необходимость личного участия кого-либо из нас во всей этой суете. Так что Блуму мы очень благодарны. Выразить благодарность в деньгах не можем, уже говорила, что не богаты, а рядовые адвокатские гонорары давно Блуму безразличны, он слишком обеспечен. Для нас же явилось бы большой неприятностью и сложностью искать кого-то другого, да и равноценного на планете не найдешь. Потому просьба Блума, а он за вас просил, и настойчиво, для нас не пустой звук, и я от нее отмахнуться возможности не имею, при всем желании. Но и исполнить буквально — не в силах. Остается нам с вами согласиться на некоторый компромисс, возможность которого при анализе ситуации мне удалось найти.

Тут мне наконец удалось справиться с пробкой и наполнить кружки почти доверху, да так, что ни единая капля напитка не пропала даром. Тогда-то я, единственный раз за все время наше-

го общения со Старцем, и был удостоен почти удивленного и почти признательного взгляда.

— Простите, Мария, а как же прогнозы насчет спиртного? Выходит, вы прячете от народа правду, а себе делаете послабление? Странноватая мораль.

— Я не правду прячу, а бутылки. И даже не прячу, а всего лишь не рекламирую. Достаточно, чтобы принадлежащее мне никого не заинтересовало.

— Вас настолько охраняет высокое положение?

— Положение ни при чем. Меня охраняет то, что я — это я. У нас каждого охраняет только то, что он — это он. А мое знание для меня не закон, и потому, что оно знание, и потому, что мое.

— Вы хотели сказать — ваши убеждения?

— Я сказала то, что хотела. У меня нет убеждений. Я знаю. Мы долго еще будем обо мне говорить, ваши дела вас уже совсем не интересуют?

— Да я просто оттягиваю тот неприятный момент, когда вы мне подробно объясните, почему ничего для меня сделать не можете. В этом заключается компромисс, найденный вами при глубочайшем анализе ситуации?

— Пока вы ничего не оттягиваете, а валяете дурака, чтоб снять усталость. Отдыхаете таким своеобразным способом. Но у меня не много времени, и вам придется послушать. Пропустить через перевал мы никого не можем. Но если задержанный на перевале человек или повод, по которому он здесь появился, могут представлять для Королевства особый интерес, такого человека следует доставить в распоряжение контрразведки Королевства. Право определять степень интереса дано только Старцу. Он же должен в таком случае лично, отвечая за все возможные по дороге неожиданности, доставить задержанного. Мне сейчас делать там нечего, но ради вас, вернее, Блума, я поеду с вами в Королевство. Все остальное не в моей власти, далее будете разбираться сами.

— Замечательное предложение. Вы меня собираетесь доставить не только в Королевство, то есть туда, куда мне совершенно не требуется, но даже напрямик в контрразведку. Странноватое у вас понятие о компромиссах, я почему-то всегда считал, что этим словом обозначается нечто хоть как-то пригодное для обеих сторон. Турнуть меня с перевала в Город, право, было бы честнее.

— Если вы захотите вернуться, мои люди вам помогут. Но, повторяю еще раз, что предложенное мною, — единственное для вас и для меня возможное. Единственное, что я в этой ситуации могу сделать для Блума.

— А если не для Блума? И не для меня? Если причины, по которым мне требуется попасть за перевал, гораздо важнее любой просьбы любого, самого лучшего адвоката, и важны не только и не столько для меня или для него, а более всего как раз для вас и вашего народа? Вы не найдете другого выхода?

— Такого выхода нет. Как нет и таких причин, на которые вы намекаете.

— Ваша уверенность заставляет меня надеяться, что Старцу известны причины моего прихода сюда и дальнейшие цели?

— Опять вы о причинах. Старцу известно достаточно, чтобы вы лично со всеми своими причинами и целями были ему, именно как Старцу, в крайней степени чужды и неприятны. При этом Мария Стар достаточно времени провела на Земле, чтобы понимать, по крайней мере, бескорыстие, а значит, по нормам вашей морали, уже чуть ли и не благородство ваших устремлений.

— И все же мне сейчас хотелось бы разговаривать не с Марией Стар, даже в столь лестном для меня тоне, а со Старцем, отвечающим за судьбу своего народа и способным реагировать на происходящее чуть более серьезно.

— Ах, помилуйте, какие мы серьезные! Судьба, народ! Послушайте, уважаемый, а не прийти ли вам немножко в себя, какое вам, собственно, дело до судьбы моего народа? Вы ведь говорите о вещах, о которых даже малейшего представления не имеете. Вы не знаете ни нашей истории, ни наших критериев нравственности. Меня именно это фантастическое хамство землян всегда поражало, брать на себя какую-то абстрактную ответственность, а потом оправдывать ею самые наглые и бесцеремонные поступки. Героем себя чувствуете?

— Если вас действительно интересует, как я себя чувствую, то так примерно, как человек, которого ругают не очень понятно за что.

Мария вдруг быстро улыбнулась, наклонилась вперед и дотронулась кончиками пальцев до моей руки чуть ниже локтя.

— Не надо. Вы милы и мне симпатичны. Это было не о вас. Вы — совсем другое, чего сами пока не знаете. Вы еще очень мало знаете.

— А я ни на что и не претендую. Конечно, не могу сравниться в знании со Старцем. Но, может быть, стоит выслушать и меня, ведь я даже мечтаю выслушать вас? Или ваше знание абсолютно, тогда зачем вы живете?

— Этот вопрос тоже мог задать только землянин. Знание и жизнь совсем не так близко связаны, как вам кажется. Но я готова вас выслушать по причине, не ведомой ни одному землянину: только потому, что вы хотите говорить.

— Как выясняется, мои чувства и желания — не самая сильная сторона вашего знания. Хочу я как раз не говорить, а спокойно спуститься с перевала и не попасть при этом в руки контрразведки.

— У меня с вашими желаниями все в порядке. Хотите вы не спуститься с перевала, а дойти до плато и каким-то образом повлиять на сущность верояток. Сами еще не знаете каким, потому что толком не знаете про вероятки ничего. И еще вы желаете для этого дела в моем лице получить союзника. Даже предполагаю, каким способом.

— Ну, если так хорошо все знаете, то, может быть, мне и рта раскрывать не стоит, сами все за меня скажете и сами себя убедите?

— Я не только себя, но даже вас ни в чем не могу попытаться убедить. Только самоуверенность землян предполагает возможность, чуть ли не обязательность, убеждения или переубеждения другого человека.

— Да что вы заладили про землян. Не надо стараться доказать, будто между нами существует какая-то непроходимая пропасть. Вы же не мыслящая трава, а мы не разумное облако. И здесь, на планете, кстати, все вместе попали в одну общую и довольно поганую ловушку.

— Это вы таким образом хотите изложить, что между нами и вами не очень много различий, потому что и вы, и мы — гуманоиды? А между нами и нет различий. Между нами просто совсем нет ничего общего. И не потому, что мы — это мы, а вы — это вы. А потому, что и мы, и вы не только гуманоиды, а самые обыкновенные люди. И не существует ничего более разного и чуждого друг другу, чем эти самые обыкновенные люди. Упомянутые вами облако и трава много ближе между собой. А о землянах я говорила как о некоем единстве только из-за вашей общей испорченности ложно понятыми, вернее, ложно придуманными нормами морали и нравственности. Одна

литература сколько тут напакостила, уж о прочих высоких искусствах не упоминаю.

— Вот уж, Мария, от вас не ожидал такой банальности. Довольно-таки, знаете, самодеятельное философствование. Рассуждения об извечной роковой отчужденности, невозможности понять друг друга, все мы одинокие волки... Вы тут вляпались в самую обыкновенную, хоть и весьма мерзкую, лужу, вам грозит конкретная опасность, а вы пытаетесь засунуть в невнятные формулировки давно списанное за ненадобностью старье из пошлых книжек на плохой бумаге. Совсем не отдаете себе отчета в том, что произошла катастрофа?

— Да, катастрофа произошла. С вами, с людьми. Когда вы начали создавать учения. Тогда в вас и родилась ненависть. Настоящая. До того перебивались здоровой и чистой злобой. И самую большую ненависть породило учение о всеобщей любви. Потому как ранее нормальный человек ненависти своей в глубине души не мог не стыдиться, хоть чуть-чуть, а тут у нее появились самые благородные основания. Поумерили бы пыла со своей вселенской любовью, может, тогда хоть кто в живых останется. Хотите, одну историю расскажу?

— Да поймите же, Старец, не об абстрактных понятиях я с вами сейчас спорить хочу и не отвлеченные учения обсуждать. Катастрофа-то все-таки произошла у вас, на вашей планете, вашему народу более всего грозящая, и прятаться от этого за самыми высокими умствованиями — элементарная трусость и подлость. Ну, пусть не катастрофа, если слово не нравится, пусть катаклизм, пусть стихийное бедствие, как угодно назовите, от этого происходящее менее страшным не станет. Нарушились законы природы. И не так давно, всего лет сто назад, а, смотрите, какие великолепные последствия мы тут уже имеем в самом наглядном виде. Тысячелетние цивилизации вырождаются с фантастической скоростью. Планета превратилась в гадюшник, одновременно и в приманку, и в рассадник всяческой пакости, которая желает только поставить на кон, даже и не помышляя, кто и чем расплатится за проигрыши. Но ваша-то ставка в игре очевидна — вы проиграли всю свою судьбу еще в тот момент, когда согласились кидать кости, я вам, возможно, последний шанс предлагаю, а вы все в словах топите. Они пусть какие угодно умные будут, но вас не спасут, это уж точно.

— А историю я вам все-таки расскажу. То есть даже и не историю... У нас ведь письменности нет, принципы накопления исторической и культурной памяти другие. Но имеется нечто... затрудняюсь даже обозначить. Не поэма, и не миф, и не сага. Ни с чем вашим аналогов не получается. Такой цикл реальных ситуаций, его каждый ребенок знает с детства, и я вам сейчас один эпизод своими словами перескажу, там, правда, все определенным образом ритмически организовано, что тоже имеет большое значение, но сейчас не до тонкостей, главное, думаю, вы поймете. Во времена одного очень властного правителя жил человек, который имел обыкновение иногда высказывать свои мысли, совершенно не обращая внимания, сколь они уместны в данное время и в данном месте. Правителю это в конце концов сильно не понравилось, и он повелел человека изолировать. Несколько десятков лет провел человек в закрытом помещении, даже пища подавалась через прорезь в двери, когда он спал. Тем временем народ из отрывочных и в самых разных ситуациях оброненных слов человека создал нечто вроде единой системы мыслей, которая к воззрениям самого человека никакого отношения не имела, но

таила в себе большую притягательную силу для пытливых и незрелых умов. Старший сын правителя обладал именно таким умом, за что много страданий принял от отца своего. Но вот правитель умирает, и сын получает власть. Первое, что он делает, сразу же, хотя только начало рассветать, бросается к тому, кого считал своим духовным наставником, отворяет много лет запертые двери, опускается на колени перед кроватью уже старого человека, кричит, что тот свободен, умоляет, чтобы хоть как-то загладить вину своего отца, пусть учитель выскажет любые желания, все они тотчас же будут исполнены. И тогда человек сказал. Только одно желание. Пусть больше никто и никогда не врывается в его комнату без стука и не начинает орать. А если оно такое уж неисполнимое, то пусть хотя бы это не происходит ранним утром. И молодой правитель обещал. Потом, правда, велел убить старика, но это другой фрагмент. Я вам его тоже как-нибудь при случае расскажу.

— Подумаешь, народная мудрость! У нас свой такой имелся, заявлявший насчет «Не заслоняй солнца». И тоже, по-моему, плохо кончил в результате.

— Э нет, вы ничего не поняли. Тот ваш мудрецом себя считал, носителем, если не создателем аж целой философии. Он про солнце сказал в том смысле, что ему, мол, больше не надо ничего, что все потребное имеет и никто из владеющих благами земными его духовного богатства пополнить не в состоянии. Тут гордыня великая, а не самая обыкновенная просьба самого обыкновенного человека не морочить ему голову. В этой фразе про солнце как раз вся ваша бестактность избранных и страсть к высокомерному учительствованию.

— Положим, у кого из старичков, вашего или нашего, поболее гордыни, тут я бы еще вполне мог поспорить. Однако ваш намек на то, чтобы голову не морочить, понял достаточно хорошо. Но со мной просто. А факты-то, фактики, с ними что делать? Каким бы я вам назойливым ни казался, они все равно много назойливее. Или вы им тоже скажете, чтобы поутру не орали? Но может, мы вообще о чем-то несуществующем говорим, может, и не произошло ничего, может, ваши люди на перевале просто цветочки собирают, а непривычную воду пьют исключительно для острых ощущений? Кстати, после того как вы

сюда перебрались, много у вашего народа родилось детей? Или само ваше существование для вас тоже недостаточно важный повод, чтобы по нему, не спрося разрешения, орать на рассвете?

— Вы зря, Валентин, нервничаете, из вас все равно кликушествующий пророк не получится, психика слишком уравновешенная, а Кассандра я и сама приличная, тут со мной соревноваться не стоит. Если же серьезно, то никаких фактов-фактиков нет у вас и на самом деле ничего не произошло. Нарушение законов природы? Чуть само по себе. Что существует, то и есть ее закон, вы с уголовным кодексом перепутали. Катастрофа, катаклизм? Даже если так, они всего лишь проявления этих самых законов природы, а никак не отступление от них. Но не подумайте, что я сейчас говорю о каком-то фатализме. Если начинается в горах камнепад, естественно, глупо покорно ждать, пока тебя расплющит, следует поискать надежное укрытие. Но есть вещи, с которыми бороться нелепо и унижительно, с тем, что человек смертен, цивилизации смертны, смертны планеты и звезды...

— Вы играете словами и понятиями. Борьба со смертностью человека и остановить руку само-

убийцы — далеко не одно и то же. Что звезды остывают и умирают, заложено в природе звезд и потому естественно. Это нормально. Здесь же происходит ненормальное. Вы не можете мне доказать, что вероятки естественны только потому, что они существуют. Пошлая софистика.

— Теперь уже вы ругаетесь. И притом сами себя немножко взвинчиваете. Чувствуете некое собственное нравственное превосходство, эдакий радатель за общее благо, может и резковат слегка, но ведь исключительно из самых высоких соображений! Не надо, Валентин, наивное оболение для торопливых душ. Я могла бы почти подробно ответить почти на все ваши вопросы. И зачем мой народ, покинув восточные предгорья, перебрался поближе к этому перевалу. И о детях. И о том, что вы называете существованием. Но не буду. Не только потому, что вопросы ваши большей частью риторические, вы считаете, будто сами прекрасно все знаете и вправду знаете что-то, только понимаете не слишком, однако мне тут просвещением заниматься совсем охоты нет. Главное же в другом. Вам ни мои, ни чьи другие ответы попросту не нужны. Ваш мир — ваше право, и ваша ответ-

ственность, и ваша забота. Для меня тут основной аргумент, и более важного не существует. Но есть еще и мой мир.

— Очень убедительно. Только так широко, что почти непонятно. А, кстати, раз мы уж с вами пошли по линии «почти», почему это вы не на все мои вопросы ответить можете, и не совсем подробно, выходит, не так совершенно ваше знание, значит, и мнение Старца не так непогрешимо, как изображалось?

— Знание мое достаточно совершенно. Насколько может быть совершенно знание. Только обращено оно больше не к прошлому, а к будущему. Но это тоже для вас слишком широко, а потому тоже, видимо, почти непонятно. Хотя причина тут примитивна, вы не даете себе труда всерьез подумать. То есть опять же общее, земное, может быть, серьезные размышления и имели место, только изначально, потом же идет чистое действие, сомнение отменяется, оно оставлено в прошлом. Хотя методологически для вас и верно, землянина расслабляют раздумья на бегу, сбивают ему шаг и дыхание, целеустремленность не предполагает одновременного анализа и корректировки. Но то самое упорство в

достижении цели, которым вы издревле гордитесь, не часто, даже при самых благих намерениях, доставляло удовольствие окружающим. Да и редко этим окружающим удавалось остаться в роли пусть и заинтересованных, но только наблюдателей, чтобы ненароком в воронку не затынуло, надо слишком далеко находиться, слишком, такая даль еще не придумана, мы вон как неблизко, и то все время приходится за что-то двумя руками держаться, чтобы не унесло.

— Мы топчемся на месте, и вы все врете, потому что пытаетесь изобразить эдакое ленивое превосходство барственной умудренности над нашей, как вы там изложили, торопливостью душ. Ага, имеется некоторая торопливость. Пусть у нас, если так уж необходимо это постоянное «вы» и «мы», несмотря на утверждение, что разницы нет, которое вы все время поворачиваете тем боком, который вам удобнее. Но причина торопливости не в спешке, хотя и спешка есть, да не она определяет, а в том, что по тропкам, которые вы с натугой преодолеваете, мы уже не по одному разу проковыляли, спотыкаясь и коленки ободрав, потому по ним ходить медленно больше не интересно. Вы что в европейском университете изучали, думаю,

не физику или математику, слишком для вас примитивно?

— Во-во, думаете... И все уже давно продумали и придумали. Математику я, кстати, тоже там изучала. Но в основном историю и философию. Ваши.

— Ну, понятно, что наши. Ваши-то в изучении не нуждаются, это я уже затвердил. Историю с философией. Так почему-то и казалось. Намешали обрывков. А, между прочим, опять соврали, к чему тогда ваш изысканный пассаж о криках по утрам и уважении к чужой комнате? Сами-то полезли, стучались не долго...

— Ой, какие мы просвещенные да гордые, обрывки, чужая комната! Да у вас давно одни общественные заведения остались, проходной двор, там если не сильно грязными ногами наследишь, уже проявление высшей вежливости. И насчет обрывков и затоптанных тропок — тоже не надо, по самым строгим правилам владельцу положено возвращать потерянное, но не выброшенное. Свалка — общая.

— Так свалка же.

— Уймитесь, до коих пор будете судить, суда любого изначально декларируя невозможность

и несправедливость? Допивайте, я устала от вас. Спать.

— Трусливо. И глупо. Топите в словах элементарную пакость, да еще с высокомерием чистюли. Своих топите — ладно, хотя тоже не очень ладно. Но на двусторонности вероятно уже самые обычные деньги делают, кто-то тут вполне профессионально за веревочку дергает, и она на том конце самым конкретным образом на чьей-то глотке петель затягивается. Противно. Не нужна мне ваша помощь. Отвернитесь, сделайте вид, что проморгали, кто вас проверит, таких чистеньких?

— Отвернуться? Глаз с вас не спустим, уважаемый. И попробуйте только рыпнуться, увидите, кто тут вырождается. Постель вам приготовлена рядом. Пройдете отсюда пятьдесят шагов по прямой, первая палатка справа. Подъем через шесть часов. Я буду готова сопровождать вас в Королевство. Условия прежние. Если же захотите вернуться в Город, скажите вестовому, чтобы меня более не тревожил и дал группу сопровождения. О подробностях распоряжусь сама. Счастливо.

Не помню, чем освещалось место нашей беседы, но, видимо, светильники работали доста-

точно мягко, знаю только, что глаза при выходе на свежий ночной воздух почти мгновенно адаптировались к темноте, и уже через несколько шагов по тропе я заметил впереди и чуть левее мелькнувший по обрезу гряды силуэт на фоне все же немного более светлого, чем камень, неба. Внимания особого не обратил, но вполне возможно, что и этот дополнительный раздражитель, наслоившись на достаточное количество уже имеющих, заставил меня слегка ускорить шаг. Не стоит делать этого на незнакомой горной тропе после захода солнца. Обе ноги подвернулись на каком-то выступе почти одновременно, и в нелепнейшей смиренной позе я больно ткнулся носом в покатое брюхо отшлифованного ветрами валуна. Но еще когда падал, услышал автоматную очередь. Стрелок не промахнулся, траектория была верна и, проходя через точку, где миг назад находился мой лоб, обрывалась тоже совсем рядом — осколки весело брызнувшего из-под пуля камня поцарапали мне лицо. Хорошая очередь. И я не стал долго раздумывать, последует ли вторая. Стукнувший по носу валун казался низковат, но, может, и достаточен, чтобы, перевалившись на другую сторону и распластавшись,

надеяться на его защиту. И защитил-таки, умница. Вторая очередь пришлась предельно плотно ему по краю, но все же мертвая зона получилась не меньше метра, а мне этого хватило с избытком, пули высекли искры из породы по правую руку и ушли рикошетом куда-то за грань перевала. В ту же секунду ручной пулемет заработал прямо над моей головой. Я судорожно перевалился на другой бок, еще не очень соображая, в чем дело, и увидел Марию. Она отстегнула сошки, но не раздвинула, а пользовалась ими как рукояткой, и била с бедра, перенеся центр тяжести на выставленную вперед и чуть согнутую в колене левую ногу. Волосы, видимо, от резкого движения крутанувшиеся пепельным вихрем, застыли укладкой вечернего театрального парика, губы слегка разомкнуты, голова немного откинута назад, и оттого линия шеи получилась, может быть, на чей-то уж очень строгий вкус слишком изысканной, но мне в целом картинка явно нравилась. Еще и освещение хорошее, в магазин на несколько обычных патронов заложили по одному с трассирующей пулей, и потому игра теней на изящной фигурке (именно фигурке, что-то там было от детских игрушек, от

кукольного представления) приобретала особую прихотливость. Первый рожок Мария опустошила по предельным нормативам технической скорости стрельбы в полном молчании и, только отбросив неожиданно буднично звякнувшую железку, передергивая затвор для новой порции, удостоила происходящее некоторого комментария. Впрочем, он не показался мне слишком подробным:

— Сука. Сука рваная.

Но уже конец последнего слова заглушил заработавший вновь в ее руках пулемет. Противоположная сторона пока на огонь не отвечала, потому под столь мощным прикрытием я позволил себе приподнять голову и немного высунуться из-за валуна. Трасса очередей Марии упиралась в небольшое пространство метров за двести от нас между двумя скальными обломками перед довольно крутым обрывом, который я, конечно, сейчас не видел, но почему-то запомнил еще по дороге сюда. Со стороны большой палатки выныривали ломаные в дискретном свете тени горцев, Мария прокричала несколько раз неожиданно высоким, почти лающим голосом, и все они стаей метнулись к обрыву, постепенно расходясь

веером со столь совершенным чувством дистанции, которого, если нет в крови, нельзя добиться никакими тренировками. Я бросился следом. Казалось, что достаточно быстро, но на место успел только тогда, когда горцы уже кинули гранаты и по стенам обрыва под бело-красные всполохи застучал осколочный град. Тут произошло странное. Я не только различил человека на довольно далеком противоположном склоне, но и увидел, как он улыбнулся. Вернее, конечно же, не увидел, а догадался по тому, как мгновенно сверкнули его зубы, отразив освещение взрыва. Мне даже показалось, что я рассмотрел, сколь они мелкие да наглые, эти зубки. Впрочем, конечно же, только показалось. Снова гремели пулеметы, что-то кричала Мария, правда, не используя более лексические запасы, накопленные в университетском общежитии. Странно было представить, что от этого профессионального расстрела может спастись хоть что-то живое, но горцы и видели в темноте, и разбирались в ситуации гораздо лучше меня, и хотя я более не различал фигуры моего улыбочивого недоброжелателя, но по тому, что боевые действия не прекращались и даже перенеслись уже довольно далеко

от меня вперед, догадывался — успешно завершить охоту пока почему-то не получается. И тут снова, в который раз за последнее время, я с досадой почувствовал приближение дурной и безосновательной скуки. Вроде бы происходящее касалось меня напрямую, и место мое там, в первых рядах стреляющих и подставляющих грудь свою под пули и осколки. Но что-то во мне самом не давало ощутить настоящей причастности к разыгрываемому действию. Может быть, слишком часто я тут спорил, доказывал это свое право на участие или слишком много наслушался умных и, что гораздо опаснее, искренних возражений? Нет, вроде бы болтать языком действительно приходится больше, чем хочется, а вот реальных споров... Да и искренности в них, что с одной, что с другой стороны, — вполне умеренное количество. Впрочем, как она там говорила, землянина расслабляют раздумья на бегу, сбивают ему шаг и дыхание? Значит, не будем сбивать дыхание. Ведь никакие мудрствования и самокопания ничему не помогут, и выхода у меня никакого нет и появиться не может при всем желании. Только что я вывернулся из-под двух великолепных очередей. Только что кто-то не

ушел от двух самых паршивеньких... Хотя, возможно, и не только что, давно уже не ушел или не уйдет когда-нибудь. Я же не знаю временных законов двусторонности. А они, видать, теперь отлично знают. Интересно, существует ли в мире хоть какая-то мерзость, которую человек не сумеет использовать с хорошим наваром? Пока, пожалуй, таких не встречалось. Между прочим, не такое уж абсолютно отрицательное качество, если судить беспристрастно. Получается, все дело в дефиците беспристрастности.

И пошел я разыскивать отведенную мне палатку. Сначала вернулся к большой, отмерил, как указывали, пятьдесят шагов, увидел справа ряд и забрался в самую первую. Очень мило. Раскладушка с чистым бельем, фонарик у изголовья, рядом на табуретке кувшин с водой и тазик, розовое запечатанное бумажное полотенце. Но у меня совсем, наверное, характер испортился, если, на все эти роскошества наплевав, только скинул ботинки и завалился прямо в робе, не зажигая света, поверх белоснежного великолепия, обычно припоминаемого с глухой тоскливой завистью. Выстрелы и взрывы утихли, я даже не обратил внимания когда. Пришла было мысль, что могли бы по-

ставить в известность о результатах, ведь не совсем к этому делу посторонний, но сразу же понял и наивность, и даже несправедливость мысли сей. Ладно, они мне врут, я им, мягко говоря, недосказываю, но с самим собой эти штучки надо бы прекращать, так и совсем заиграться недолго. Как только сам себя научишься уговаривать, другим сразу труда не составит, стая больного пса в один момент учует. В один момент...

Глаза не закрывались. Выспаться надо. Уж точно, за меня этого никто не сделает. Никого не заставишь, умник. Себя тоже. Себя труднее, чем других. Других легче. Но это тоже патология. Есть же аутотренинг. Многие говорят, что владеют. Нога тяжелеет, рука тяжелеет, голова пустая... Вот именно, голова пустая. Думаю, все же больше придуриваются. А может, и нет, все-таки многое во мне... Вот и гипнозу плохо поддаюсь, как тогда рыжий шаманствовал: агрессивный тип психики... вроде так, или я путаю что, он много заумного нес, тоже прилично дурить умеет... агрессивный тип, неалкогольный тип... Да уж, тот еще тип...

Зуммер браслета вернул меня к реальности мгновенно. Мерзкий звук у этой ихней фальшивой штамповки. Надо сразу отвечать, на рас-

качку времени не дает, иначе всю душу вынет. Ответил. Услышал немного вяловатый голос Чёпа:

— Привет, Валя, мы на стоянке. Что у тебя стряслось такого срочного?

— Да ничего особенного. Где ребята?

— Отправил погулять тут недалеко. Можешь говорить спокойно.

— Никаких, собственно, больших тайн у меня и нет, один только вопрос, на всякий случай, мне так, для любопытства, а ребята молодые еще, бог знает что им в голову прийти может. Но вы не спешите с ответом, вы припомните сперва...

— Валь, а Валь, ты мне долго голову будешь морочить, давай, что у тебя?

— Вы перед нашим отъездом о визите к Лаевскому никому не рассказывали?

— Нет.

— Ну, может быть, хотя бы...

— Нет.

Мы помолчали. Тихо у меня тут, спокойно, звука постороннего не слышно. Как в бутылке. Чёп вздохнул устало. Я тоже. Притомились мы. Оба притомились.

— Добрай вам ночи, Чепмен. Счастливо добратся. Ребятам привет передайте.

— Спасибо, Валя, и тебе счастливо...

Мы еще помолчали. Чёп опять вздохнул, но уже совсем тихо, и первым дал отбой. Я больше вздыхать не стал, тоже отключился и быстро заснул.

На самом деле больше всего просыпаться не люблю, а тут мне что-то с побудками везти стало, подозрительно даже. Представьте — яркий свет солнца в лицо, не резкий и раздражающий, а чуть рассеянный и тонированный в голубоватое тканью палатки, с игривыми бликами сквозь кольшущуюся от легкого ветра сетку на окошке. Но не от света просыпаетесь вы. Представьте — воздух чист и свеж, как не бывает в самой проветренной комнате, чуть терпкий от запаха увядающих трав, сладко кружащий голову несбыточными надеждами и все же не пьянящий, а только обостряющий чувства. Но не от воздуха просыпаетесь вы. Представьте — юная женщина, с улыбкой чистой, как «да», и глазами ясными, как «нет», женщина с обнаженными руками, не знающими скорби, и тонкими пальцами, знающими власть... И просыпаетесь вы от прикосновения этих пальцев к вашему виску, но и ког-

да глаза ваши уже открылись, пальцы не отдернуты испуганно или, хуже того, безразлично, а с мягким нажимом скользят вниз по щеке и заканчивают свой путь у края ваших губ, задержавшись там на неуловимое мгновение, или только, может быть, создав иллюзию, что задержались, но и за нее многое можно отдать в этой жизни... Вот как я проснулся. И далее:

— Вы, милейший, долго дрыхнуть собираетесь, или мы будем ехать?

Вскочил, сунул на бегу ноги в ботинки, схватил кувшин с полотенцем и вылетел из палатки. Мария выплыла следом и вдруг, вот уж чего совсем не ожидал, взяла кувшин у меня из рук и даже полотенце отняла.

— Давайте полью. Люди уже готовы. Нам надо спешить, я машину в Королевстве заказала на десять, будет ждать внизу, как раз впрытик, чтобы до темноты успеть, они ночью ездить не любят, да и ложатся рано, а вам, как понимаю, хорошо бы еще сегодня кого-нибудь из начальства застать. Или вы не очень торопитесь после вчерашнего?

— Тороплюсь я, тороплюсь, спасибо, давайте полотенце и кувшин давайте, сам отнесу, очень

тороплюсь, только зачем было машину аж из Королевства гонять, и когда это вы успели ее вызвать, у меня же еще перед сном вроде бы выбор оставался, обратно вернуться или добровольно отдаться в грязные лапы контрразведки, что же вы меня так за глотку берете, а на вид как будто интеллигентный человек, с высшим образованием, даже, кажется, образованием европейским?

— У нас своего нет, а на их транспорт с бесплатным горючим я по договору имею право без ограничения, так что пусть катаются, не обеднеют. И уйти обратно можете в любой момент, никто не держит, моим ребятам безразлично, в какую сторону спускаться. Так отпустить машину, я свободна?

— Что вы, Мария, что вы, я бы теперь к черту в пасть полез, не только в контрразведку, только бы с вами не расставаться, какие могут быть вопросы, сейчас же выходим, а у вас, кроме слабительного и шампанского, потребляют еще какие-нибудь напитки, более соответствующие нынешнему чудному утру?

— В караулке нам уже должны были кофе приготовить, приходите, я там скоро появлюсь, только вещи захвачу, прямо оттуда и выходим.

Отнес кувшин на место и, поскольку мне-то собирать было нечего, направился к большой палатке, не без оснований решив, что она и есть караулка, раз не получено отдельных разъяснений. Кофе там действительно имелся, правда, в обычных ихних кружках, но пить можно. Мария пришла в самом деле скоро с небольшой яркой сумочкой через плечо, не садясь, выпила свою порцию и приглашающе мотнула мне головой в сторону выхода. Я спешки за утренней трапезой не терплю, но тут подчинился без слова, даже про себя, сам не люблю ночью ехать. Горцы, человек десять, ждали нас на краю каменистой площадки, с которой открывался замечательный вид. Такой замечательный, что быстро захотелось глаза закрыть. И через все это они собираются пройти за два часа? Я даже себе не мог сказать «мы собираемся», настолько все это к реальности отношения не имело. Но, слава богу, моего мнения никто спрашивать не стал. Нас с Марией упаковали в огромный мягкий мешок, на головы надели что-то вроде подушек — ничего не видно, рта не раскроешь, дышать носом как будто получается. Потом перевязали и, думаю, судя по ощущениям, начали кидать. Кто кидал, кто ловил, как они весь

этот аттракцион организовали, тут фирма, видать, секреты строго блюдет. Как раз часа два и кидали. И ничего, кстати, страшного, вполне комфортный способ передвижения. Особо если не думать каждую минуту, что будет, когда не поймают. Но под конец даже привыкать стал. Выпустили, огляделся, сам живой, Мария рядом, горцы мешки сворачивают. Только, по-моему, ребят больше стало и рожки другие, но это мне, может, и померещилось с перетряски.

Горы и крупные камни остались сзади. Мелкие лежали под ногами и еще в нескольких десятках метров вокруг. А далее начиналась ровная степь под тонким зеленым ковром. Я видел такой на площадках для гольфа в старой Англии. Можно танком проехать, через минуту травка выпрямится и следов не найдешь. Как объяснил один замороченный старичок смотритель, с которым мы однажды длинным осенним вечером выпили кружечек тридцать подогретого темного пива в отсыревшем подвальчике почти разорившегося клуба под хлюпанье чьих-то ног по лужам за окошками на уровне наших носов, — рецепт приготовления такого газона чрезвычайно прост, надо всего лишь аккуратно и регуляр-

но его подстригать. Лет триста. Или пятьсот. Тогда мне не хотелось идти домой, хотя ждала уютная квартирка в не самом дешевом доме, удобно обставленная и залитая ярким ровным светом. В квартирке сидела красивая женщина, знавшая про меня все и потому спокойная тем золотым спокойствием, что дается нам или в высшую награду, или в последнее наказание. Женщина верила мне, а я ей, и это нас несколько раздражало друг в друге, но давало единственную возможность не потерять остатки самоуважения в той ситуации. Далеко за полночь я все же добрался до дивана, огромного, почти необъятного дивана, в углу которого задремала она, совсем, казалось, не занимая места, как неестественно рыжий игрушечный медвежонок по левую ее руку, а я долго возился у дверей, снимая сапоги, отряхивая плащ, стараясь нашуметь как можно больше и разбудить ее, как будто ненароком, но она крепко спала, неловко откинув голову назад и вправо, дышала чисто и ровно, хотя обычно просыпалась от малейшего постороннего звука. Когда месяц спустя она медленно стала сползать по толстому сиреневому стеклу витрины ювелирного магазина, оставляя на нем очень ровный

темный след своим виском, у нее была так же неловко откинута голова и слегка приоткрыты губы.

Мария взглянула на меня чуть удивленно и нетерпеливо, она уже отослала своих мальчиков обратно или не знаю куда, но они исчезли, мы остались вдвоем, а рядом на дороге красовался заказной лимузин представительского образца, к которому я и устремился преувеличенно торопливой трусдой, одновременно виновато улыбаясь своей спутнице, всем видом стараясь показать, что замешкался если уж по причине не уважительной, то во всяком случае и не от зловредности характера. Меня удостоили снисходительного взгляда, и я так от него пощеньячьи разомлел, что чуть не въехал головой в живот огромному мужику, с ног до головы в сверкающих галунах, выскочившему из машины и с оскаленной от любезности физиономией открывающему нам дверь, более походящую на ворота. Мария усмехнулась, но на сей раз вообще без всякого выражения, как усмехаешься анекдоту, который давно знаешь, однако не хочешь обижать рассказчика, но и не желаешь поощрять особо искренними эмоциями, а то он может вообразить, что слушателю действительно ве-

село, и продолжить в том же духе. Усмехнулась и важно прошептала мимо меня, с полупоклоном отступившего на шаг, в отделанное голубым ковром великолепии. Откинулась на подушках, я быстренько угнездился рядом, галуны захлопнули дверь, и еще через мгновение машина мягко тронулась. Изысканная галантность сценки несколько развлекла меня, но все же я успел заметить некоторую странность дороги. Четырехрядка со свеженькими, будто вчера нанесенными разделительными полосами начиналась, но это она сейчас для нас начиналась, а на самом деле, видимо, заканчивалась, у того места, где мы только что стояли, то есть у ничем не примечательной точки у подножия гряды, и впечатление было такое, что дальше ныряет куда-то под камни, или, скорее, что все эти горы навалены тут же после строительства дороги на нее сверху из каких-то хулиганских соображений. Хитрая такая дорожка.

— Уважают, — горделиво произнесла Мария, — вот какую дорогу специально для меня сделали, хотя четыре ряда мне по договору и не положены, три только...

— Мысли потихоньку подслушиваем? — обиженно буркнул я. — Это, между прочим, в

приличном обществе не очень принято, за это, знаете ли, можно и...

— Валя! Валентин-Валюша! — она вдруг прыснула в ладошку, совсем для себя необычно, как-то очень открыто, весело и искренне. — Какие мысли! Вы же умный человек, неужели поверили дурацким басням? Да кто же и когда, даже если будет обладать такой способностью, рискнет открыть голову для чужих мыслей, если все мы не знаем, как от большинства своих избавиться? Вы что, до сих пор еще ничего не сообразили, ведь сами же работали на приисках по эту сторону хребта? Валя, милый, вы понимаете, наконец, где мы находимся, оглянитесь, Валя!

И я оглянулся. Да что мне там было особо оглядываться, так, для порядку больше, сам уже давно сообразил, как только она ладошку к губам поднесла. Слишком занят дорогой сюда был последнее время, вот и не переключился сразу. Перевал позади, и райская благодать приняла нас в свои могучие объятия. Добро пожаловать в заповедник удачи! Правда, несколько темен вопрос, кто в этом заповеднике дичь, кто егеря, а кто браконьеры, но его каждый вправе решать в свою пользу. Как

спокойней. Так что вперед, забыв о тормозах, здесь они нам не потребуются!

Обзор через лобовое стекло был слегка затруднен, от него, как и от места водителя, нас отделяла глухая, синеватого отлива, перегородка, хоть и прозрачная, но размывающая очертания предметов. Однако того, что виделось в достаточно большие боковые стекла, мне хватило для быстрой ориентировки. Не так уж сильно Королевство разорилось на лишней четвертый ряд, сумели и наэкономить, и престижности развести. Минут через десять мы ехали по отлично знакомому мне Северному шоссе. Точного места, где машина на него выскочила, я не заметил, занятый глубокими внутренними переживаниями и осмотром шикарного лимузинного салона, да и вряд ли это место мне когда сгодится, но довольно скоро мелькнула отметка «1026» на правой обочине, и все окончательно определилось — сзади, в получасе езды, приисковая взлетная полоса, впереди — около часа до развилки, а там, если мне память не изменяет, до ихней столицы километров сто, правда, может, у них контрразведка где в другом месте, но не думаю, чтобы тоже слишком далеко. Так что, видать, притомлюсь не сильно. Да

и удобства здесь далеко не горские. Одни только уже упомянутые голубые подушечки нашего сиденья, я чуть было не сказал «ложе», чего стоят. Мария на тех подушечках развалилась, глазки прикрыв, изящно так, непринужденно вроде совсем, а не совсем просто, не каждому дастся эдакая непринужденность, хоть всю жизнь репетируй. Чувствуется в девочке порода.

— Тут, Валентин, по всем законам жанра и начаться бы нашему роману. Вы очень хорошо чувствуете антураж, никогда в юности не ставили любительских спектаклей? Я, знаете ли, сама на первом курсе участвовала, характерные роли исполняла в мюзиклах, в основном благородных мамаш преклонного возраста, ни у кого так убедительно мудрый взгляд пополам с укоризной не получался, режиссеры даже вынуждены были мириться с полным отсутствием у меня слуха, чужую фонограмму накладывали, мне оставалось правильно, когда надо, рот разевать.

— Так по законам какого жанра должен начаться наш роман, мюзикла что ли?

— Ну, мюзикла-то вряд ли, не знаю, как у вас со слухом, а вот голосок явно не мюзикловый, и чужая фонограмма нас с вами не выру-

чит, не тот случай. А жанр... что ж жанр, не мне его определять для вас, такого крупного специалиста. Сами все так аккуратно выстраиваете, будто малейшее отступление от классических канонов грозит вам немедленной отставкой без возобновления ангажемента.

— Это вы очень точно. Насчет ангажемента. Только что там все-таки с законами жанра? Чувствую, что слышу о себе нечто весьма лестное, но не до конца соответствую уровню беседы, потому хотелось бы поподробнее.

— Куда уж подробнее, вы, кажется, ни одной мелочи не упустили. Юный благородный герой сталкивается с темными силами зла, не раздумывая бросает им гордый вызов и терпит поражение, хоть и остается в живых. Все это соответственно обставлено верными друзьями, безоговорочно преданными вождю и защищающими его в роковые минуты своей грудью, порядочными, не сомневающимися статистами, чтобы оттенить незапятнанный героизм первых, жуткими злодеями, уже без малейшего проблеска человечности, наконец, чудесным спасением под занавес. Имею в виду занавес первого акта. Подразумевается, что в антракте проходит не-

сколько лет. Герой становится умудреннее, он собирает силы — и моральные, и, видать, какие-то материальные, — скрывается под чужой маской и вновь появляется на сцене. Декорации прежние, но силы расставлены несколько иначе. Герой, хоть и более грозен для темных сил, или ему, по крайней мере, так кажется, но и более одинок. Идея такая — никакие приобретения не даются нам без потерь. Далее следует ряд мелких перипетий с соответствующим звуковым и световым оформлением типа грохота пулеметных очередей, натужного рева моторов, щекочущего нервы попискивания зуммеров браслетов связи, вспышек трассирующих пуль и тому подобного. Но преграды не останавливают героя, за ним святая правда его убеждений. Потому множество, казалось, непреодолимых препятствий у него позади, сложности, конечно, еще остаются, но крепнет и вера в успех. Однако вот тут как раз и начинается основная психология. Полное моральное одиночество героя, с которым, как ему мнилось, обрел он именно ту независимость, что дает истинную свободу решений и власть над обстоятельствами, становится тягостным и грозит превратиться в неучтенную помеху. Герою нужен

союзник, но еще более — друг, на грудь которому можно, хоть на миг, склонить такую гордую и такую непокорную голову. Но первый же человек, которого герой особенно хочет и особенно надеется обратить в свою веру, как назло оказывается глух ко всем доводам рассудка и не способен воспринять железную аргументацию героя. Более того, собственные принципы этого человека заставляют его и практически мешать герою в осуществлении великой миссии. Вот он, финал. Лучшие помыслы разбиваются об извечное непонимание двух душ и слепое предначертание судьбы. Но это финал трагедии, а она из моды давно вышла. И тут вроде бы просчет автора, так долго оставлявшего столь выгодные для сего декорации без намека на любовную интригу, предстает тонким сценарным ходом. Несговорчивый и несостоявшийся было союзник и друг оказывается еще и весьма привлекательной женщиной, что до поры затушевывалось остротой философских споров. Но приходит новый день, обливает целительным светом фигуры молодых людей на фоне стремительно несущегося за стеклами машины блистающего зеленого ковра, взгляды внезапно встретились, еще ни слова не

произнесено, еще не смыло с уст печать отчужденности, но в сюжете уже произошел коренной перелом. То, чего не смогли сделать самые весомые доводы рассудка, разом совершило великое вспыхнувшее чувство!

— Не знаю, Мария, как вы там на первом курсе играли, только монологи научились произносить вполне профессионально. Но я все же не до конца понял насчет жанра. Что не трагедия, мы выяснили, а вот как с более точным определением? Жду нетерпеливо. Если для вас это всего лишь литературоведческие игры, то для меня прямое предсказание событий от Старца, знание которого как раз в области будущего, так?

— Не так. Вам, может, женщина признание в любви делает, старательно скрывая за язвительностью нежность тоже одинокой души...

— Женщина с нежной и одинокой душой, вы бы хоть пистолет на предохранитель поставили, да отложили куда в сторонку, а то он вам совсем карман оттянул, некрасиво даже, да и тряхнуть может ненароком на скорости, стрельнет.

— Вот еще, в сторонку... И он у меня, между прочим, на предохранителе. Только не волнуйтесь, еще случая не было, чтобы этот предохранитель

ранитель вовремя спустить не успела. Да, трудно с вами разговаривать, намекаешь, чтобы в глубину глаз заглянул, а он...

— Старец! Открой же мне волю богов. Поделись своим великим знанием, хотя бы в вопросах деления литературы на роды и виды, герой любопытствует.

— Чепуха. Боги безвольны. Будь у них немного воли, я бы на вас посмотрела. И герой даже не любопытствует, он слишком обворожён высотой идеи. А насчёт родов и видов... Второй акт видится мне в мелодраматических тонах, не без примеси, впрочем, некоторого бурлеска. Но окончательно жанр вы определите сами после ещё одного антракта. В действии третьем.

— Давно чувствую, что сам, только вот как, не знаете или мне говорить не хотите? Табу или очередное из непонятных глупому герою убеждений?

— Не о том вы, святой Валентин, беспокоитесь. Знаю я что, или нет... Что бы я про то мое знание ни сказала, пользы для вас никакой. Законы жанра неумолимы, и не вам дано их менять. Но даже не в этом дело. Если бы и можно было поменять, то ведь не ими определяется ка-

чество что пьесы, что спектакля. В каждом жанре есть удачи и провалы. Абсолютных критериев добиться трудно, но есть один общий и объективный признак, по которому разыгрываемое всеми нами представление можно без колебаний отнести к произведениям крайне дурного тона и плохого вкуса.

— Наконец произнесено правильное местоимение. А то все «вы» да «вы». Мы, именно мы в представлении участвуем. И вы ничуть не меньше, чем я. И насчёт дурного вкуса — кровью подпишусь, хоть одного-единственного признака и не вижу, то есть как раз никаких других признаков и не вижу, со вкусом.

— Э нет, опять со стилистики в сторону перескакиваете. Мне суть вашей попытки ясна, к ней, если хотите, ещё вернемся, но я сейчас о другом, и вам даже не понять, насколько самом главном. О языке. Все действующие лица вашего произведения говорят очень плохо. Чуть неряшливо, чуть дурашливо, чуть манерно, чуть наукообразно, чуть высокопарно, а на самом деле совершенно бесцветно. Но и это ещё ничего, если бы было характеристикой личности, настроения, состояния, какой угодно характе-

ристикой. Но не получается характеристики, когда говорят все совершенно одинаково. Даже когда спорят, непонятно кто с кем, как будто сам человек себе возражает. Не различишь собеседников, если в начале каждой реплики не проставить, как в пьесе, имени героя. А когда язык плох, то ни самые глубокие мысли, ни любые острейшие повороты сюжета не спасут. Хотя, признаться, и с мыслями, и с поворотами сюжета у вас тоже несколько...

— Только похвалил вас за точное употребление местоимений, как вы опять на прокурорскую грамматику сбились. Ладно, об остальных умолчим пока, но вам-то лично что мешает щегольнуть изысканным и сугубо личностным стилем? Рискните, бывало, и самые слабые постановки вытягивал актер-одиночка. А у вас тем более выигрышное положение, что действующее лицо вполне может стать соавтором, тут и по линии мыслей, не говорю уж об остроте сюжетных поворотов, у вас простор великий, сами же совсем недавно чуть было главнейшую сцену не придумали. Только не надо опять ссылаться на то, что не хотите кричать по утрам. Фальшиво прозвучит даже при поднятом предохранителе.

— Вы очень милый человек, Валентин. Помоему, я это уже говорила. И милы в основном простодушием, в котором даже я не могу заподозрить и тени наигрыша или лукавства. Иначе пришлось бы признать вас или великим актером, или природным гением двоедушия, что слишком при всем хорошем к вам отношении. Нет-нет, именно простодушие, не замутненное никакими терпкими примесями печального знания. Вы искренне верите в две взаимоисключающие вещи. С одной стороны, что вольны по своему усмотрению влиять на ход событий и поступки других героев, более того, даже на их мысли, то есть верите в себя как в автора. Да еще автора необыкновенно властного и рационального, ведь многие более увлекающиеся признавались, не уверена, правда, насколько честно, что порой вынуждены даже в условиях чистой фантазии отказываться от изначальных замыслов и следовать самостоятельной логике развития каждого персонажа. Но, с другой стороны, вы, так же веруя, оправдываетесь ролью рядового действующего лица и категорически не желаете принять на себя ответственность за очевиднейшие вкусовые погрешности разыгрываемого действия. Стоит ли с вашим

замечательным простодушием братья за два столь противоречивых дела, ужели справитесь?

— Но язык, с языком-то как быть?

— Ваша забота. Только поздно о ней вспомнили. Если мусорщику во сне привидится Шекспир, то он тоже будет разговаривать языком мусорщика, а не мусорщик языком Шекспира.

— Чтобы мусорщику привиделся такой сон, он должен, по крайней мере, знать Шекспира и вполне может заговорить близким тому языком.

— Нет. Если он знает Шекспира, то он не мусорщик, а человек, знающий Шекспира и работающий мусорщиком. Но такому, вернее всего, подобный сон не приснится, у подкорки хватит деликатности держать дистанцию. А вот истинный мусорщик будет только считать, что он знает Шекспира, потому что видел на рекламном листке фамилию или слышал какие-то обрывки фраз, выгребая помой с пьянки после провалившейся премьеры заштатной труппы.

Я раскрыл свой рот для продолжения нашего ленивого трепа, так непринужденно скрадывающего однообразие пути, как вдруг краем глаза заметил, что у женщины почти неуловимо изменилось выражение лица. Будь маска шире всего на

несколько миллиметров, я совсем ничего не увидел бы. Промелькнула какая-то напряженность в фигуре. Если только что рядом со мной находилась хоть и несколько скептически-насмешливая, но в целом приветливая и радушная хозяйка, предупреждавшая о слабительных свойствах местных напитков и поившая шампанским, то сейчас скорее это был человек, бывший с бедра у меня над головой длинными посверкивающими очередями. И все же монолог она закончила почти не меняя интонации, но тем не менее становилось ясно, что именно закончила. Одной фразой.

— Моего языка вы не знаете и знать не можете, потому я вынуждена говорить на вашем, и это естественно, на моем языке такие дурные сценки не разыграешь...

Я непринужденно огляделся, делая вид, что разминаю затекшую от долгой неподвижности шею. Картинка за стеклами мало изменилась, да и нечему тут меняться, но по каким-то признакам, заметным глазу только очень хорошо знающего эти места человека, я понял, что мы приближаемся к развилке. Мелькнувший тут же километровый столбик подтвердил мое предположение. Сейчас будет поворот направо, в Ко-

ролевство. Машина начала плавно тормозить. Интересно, насколько она сбросит скорость и остановят ли нас для проверки у поста?

— Двери заблокированы и открываются только с места водителя, — Мария так же мягко, как уже делала это однажды, коснулась моей руки кончиками пальцев. — Перегородка между шофером и нами не только звуконепроницаемая, но даже пуленепробиваемая. Мой пистолет снят с предохранителя. И скорость достаточно велика. Ладно?

Непонятно к чему относящееся «ладно» растрогало меня больше всего и заставило не изображать оскорбленной гнусными подозрениями невинности. Тем более что, честно говоря, тень некоей мыслишки срезать угол мелькнула у меня при виде знакомой развилки. Налево трасса уходила к приискам, прямо, еще метров через десять упиралась в сторожевую площадку с низкими длинными караульными бараками по обе стороны и ярко-красным шлагбаумом между ними. Вдоль шлагбаума прохаживались навстречу друг другу пестренький королевский гвардеец и мышиноного цвета приисковый охранник. Далее, за площадкой и красной полосой, шоссе сра-

зу же теряло четкость форм и, казалось, постепенно растворялось в зыбком и жирном, тщательно перепаханном, поле. Но я-то прекрасно знал, что эта заброшенная дорога столь невзрачна только на первый взгляд, а на самом деле, хоть проложена больше ста лет назад и почти столько же не используется, находится вполне в рабочем состоянии, тогда строили не то что нынче. Но так же прекрасно я знал, что никогда, по-моему, не поднимавшийся с момента постановки шлагбаум, так же, как и опереточные фигурки часовых, — всего лишь дань протокольной традиционности и наивный камуфляж для простаков. Старая дорога к плато охраняется и со стороны прииска, и особенно со стороны Королевства гораздо более надежными и современными средствами, чем заспанный караульный с неуклюже болтающимся за спиной автоматом. Потому не очень силен был соблазн устраивать шумные представления с пиротехническими эффектами, и я довольно благодушно поглядывал на напрягшуюся Марию, когда на пониженной, но все равно не меньше ста, скорости мы, не останавливаясь и не заезжая на площадку, свернули направо и двинулись к столице.

Оба часовых сделали нам вслед под козырек. Мария, как и подобает, видать, ей по статусу, гордо не отреагировала, я же был искренне доволен таким, не частым для меня, проявлением почтения и приветливо помахал ребятам в ответ рукой, хотя вряд ли они это могли заметить.

— И все-таки, Валентин, — моя спутница вновь была само благорасположение и разнеженность, — я бы смирилась с вами, несмотря ни на что. Смирилась без малейшего раздражения со всеми, а, возможно, к отдельным особям испытала бы и нечто более теплое. Но есть одна черта, что полностью заводит в тупик любую возможность истинного контакта. Люди совсем лишены чувства юмора по отношению к самим себе. Впрочем, по отношению к другим это тоже, знаете ли, не юмор, а... Ну хорошо, хорошо, добрая я сегодня. Ласковая. Вы меня, кажется, как-то о масках спрашивали, откуда они взялись и прочее, у вас вроде бы даже некие собственные идеи на эту тему мелькали... А хотите, раскрою тайну, расскажу сейчас все как на духу, чего еще ни один землянин не слышал?

— Ни о каких масках я не спрашивал, никаких идей не высказывал, и вы это прекрасно знаете.

— Я нахожусь под навязчивым впечатлением, что после проезда развилки у вас резко испортилось настроение. Вы совсем не хотите быть со мной любезны. Предположим, даже что-то и перепутала, но ведь из лучших побуждений, хочу открыть великую тайну, а вы дуетесь...

— Если чувство юмора у вас проявляется в происходящем сейчас, то, боюсь, вы ошибаетесь, и у меня этого чувства поболее вашего, настолько поболее, что действительно становится смешно, только от другого. Мы скоро приедем в столицу?

— Не грубите. Скоро. Я, кстати, лично вас затронуть и не хотела, вы не совсем нормальный индивид, у вас только недостатки типичные для вида, а достоинства порой проявляются оригинальные. Впрочем, возможно, и наоборот, это как посмотреть. А то, что чувства при общении со мной...

— Согласен, согласен, давайте вашу тайну, хватит мою персону обсуждать, вы у меня скоро столько комплексов разовьете, что разорюсь на психоаналитиках. Только тайну хотелось бы не страшную, и так бессонницы достаточно.

— Не страшную. Очень веселую. Ведь маски не мы, это вы сами придумали. У нас про них и

не слышали никогда, а как узнали, что для землян маска — спутница радости и праздника — маскарады, карнавалы всякие, решили вас разыграть. Вырядились. Вот, думали, смеху-то будет. Представить не могли, что все воспримется всерьез. Никак не верили, ждали-ждали, пока вы смеяться начнете, а когда поняли, что так и не дождемся, уже поздно было, и сами попривыкли, и неудобно вроде ставить других в неприятное положение. Недостаток юмора, как физический, приличней не замечать, да и, конечно, межпланетных осложнений побоялись, вдруг еще обидитесь по серьезности своей. Пришлось изображать собственную национальную традицию...

— Явно наспех придумано. Откуда вы о карнавалах узнать могли, если в масках встречали самую первую экспедицию? Еще в порту висит панно с изображением этого радостного события.

— Так это первая официальная была. А до того здесь несколько разведчиков гуляли чуть не месяц, от них мы много любопытных сведений получили. Обратное же они с такой похмелью улетали, не то что про наличие или отсутствие у нас масок, как мама родная выглядит вспомнить не смогли бы. Их

автоматы на промежуточную орбиту выводили и там еще неделю откачивали перед встречей с начальством, говорят, не всех и откачали толком.

— С чего это у них похмелье могло случиться в вашем обществе трезвости?

— Они свое пили, а нам не говорили, мы думали — специальный какой космический экстракт для неведомых, но высоких целей, потому и решили, что все люди всегда такие веселые. Это я уже потом поняла, что они просто литра по два в день коньяка высасывали из НЗ, встречу с братьями по разуму праздновали.

— Вранье, уважаемый Старец, и вранье совсем не остроумное. Ну, а личные впечатления о событиях того времени в устах ваших звучат правдиво, тут не могу не отдать должного.

— Вы о возрасте, что ли? Неужели до сих пор ничего не поняли? Я ведь живу постоянно, по маятниковому циклу с амплитудой в двести с небольшим биологических лет. Рождаюсь лет за двадцать перед вашей высадкой, срок свой отматываю и обратно, теперь уже навстречу времени. Потом снова вперед. Туда-сюда. Чего странного-то. Сейчас я на пути к началу цикла, если свойственное вам направление времени принимать за нормальное.

Потому основное мое знание и лежит в будущем для вас, ваше прошлое для меня пока будущее, или тоже прошлое, но предыдущего цикла, а всего-то не упомнишь. Но вот коньячок тот мне в память запал, очень даже личные впечатления.

— Мария, имейте уважение к собеседнику, хоть изобразите стремление к правдоподобию. Этот временной маятник в любой детской научно-популярной книжке описан теоретически. Вы должны были бы существовать одновременно в двух лицах, вместе со второй женщиной, живущей из прошлого в будущее. Тут маятника в чистой аналогии не получается. И дискретность необходима, непрерывного, только возвратного движения быть и в теории не может, иначе мы бы с вами общаться не смогли, вы бы не помнили каждое свое предыдущее слово и даже звук.

— Всего у нас имеется полный комплект — и дискретность, и вторая женщина... А кто, думаете, меня замещал, когда я училась? Работа двухсменная, никакой самодеятельности и анархии. И стремления к правдоподобию у меня достаточно. По крайней мере для нынешнего собеседника. Вы ведь и верите наполовину, и не верите наполовину, и во всем так, отсюда в голове

ералаш постоянный и в душе смута. Сами возражения придумываете и сами хотите, чтобы их опровергли. Нет, все же с чувством юмора у вас...

— Мария, умоляю, наскучило. Вам кажется остроумной идея обрядить целую планету для смеха в маски? Отлично. Но тогда давайте мнения об обоюдном чувстве юмора каждый оставит при себе. Меня, признаться, гораздо больше интересует другая тайна, открыть которую, думаю, вам гораздо проще. Как называется, не помню определения, ну, вот откуда вы мне отрывок пересказывали про мудреца и утро?

— Что вы, совсем никакой тайны, но мы еще успеем пообщаться, а сейчас подъезжаем, подготовьте соответствующую случаю физиономию, меня все же будут встречать как официальное лицо, постарайтесь не очень фыркать.

— А как с чувством юмора?

— Настоящее чувство юмора и заключается в том, чтобы самым искренним образом сохранять серьезный вид в любых неестественных ситуациях. И еще советую учесть, если сами не имеете опыта общения с подданными Королевства, они университетов не кончали, держитесь поаккуратней, могут неправильно понять.

Тут машина и остановилась. Разделительная перегородка стала медленно опускаться, и появилась мощная спина расписного нашего шофера. Он медленно повернулся (вот уж кто никогда не потеряет искренней серьезности в самой неестественной ситуации) и протянул ладонью вверх необъятную лапу с неожиданно короткими и пухленькими, как у младенца, пальчиками. Мария, слегка поморщившись, но только тем краем губ, что обращен ко мне, положила на эту ладонь пистолет. Ладонь слегка переместилась в мою сторону. Я вежливо приподнял обе руки вверх, изображая полный нейтралитет. Шофер вопросительно скосил глаза на Марию. Та подтверждая кивнула.

На этом, как я понял, подготовительная часть закончилась и начиналась торжественная. Щелкнули замки, к дверям подскочили молодчики в таких же невообразимо сверкающих мундирах, как у водилы, и мы с Марией выбрались из лимузина, каждый со своей стороны, поддерживаемые под локти очень предупредительно. Неподалеку два десятка мальчиков выводили тонкими голосами нечто весьма меланхоличное. Может, даже в нашу честь. Аккуратно посыпанная желтым пес-

ком дорожка вела к невысокому плетню, перед которым на ядовито-зеленой садовой скамейке сидел благообразный старичок, вполне еще крепкий на вид, и заинтересованно следил за нашим приближением. Когда до него оставалось совсем близко, неожиданно резво вскочил и сделал несколько быстрых шагов нам навстречу. Мария, шедшая в одиночестве чуть впереди, пролаяла что-то, видимо, означавшее приветствие, но я по темноте наверняка воспринял бы как ругательство. Старичок тоже проворковал по-своему, но тут же милостиво кивнул и мне, непринужденно переходя на интерланг с явным местечковым акцентом:

— Землянам тоже привет, давненько не виделись! Просим прощения, однако, его величество не смог встретить вас лично, но позже, если пожелаете испросить аудиенции... Впрочем, Святой Старец столь редкий, сколь и желанный гость...

— Ваша светлость, — мне показалось, что Мария выступила не очень мягко, но кто знает, какие у них тут правила в ходу, — нам бы слегка отдохнуть и перекусить с дороги. Это (кивок в мою сторону) тот человек, о котором я говорила. Думаю, вашей светлости будет о чем с ним побеседовать, и я не зря взяла на себя смелость при-

везти его сюда. Сама долго не задержусь, не волнуйтесь.

— Что вы, что вы... обижаете... — старичок снова расплылся, — как же, господин Белоф, слышал, и поговорим обязательно, отчего не поговорить? И конечно же, сначала отдохнуть, резиденция Святого полностью готова к приему. Что же касается господина, то комнаты дворца в его распоряжении, если, разумеется, Старец не будет настаивать, что господин его гость, в таком случае мы...

— Да, да, ваша светлость, — снова резко прервала Мария, — господин Белоф в достаточной степени мой гость, чтобы тоже остановиться в резиденции.

Герцог (если я правильно вспомнил титул его светлости) издал губами не очень приятный цокающе-щелкающий звук, и из-за плетня показалась колясочка, запряженная во что-то типа пони, а может, это пони и были, я земных уже и по картинкам слабо помню, а с местной фауной сталкиваться не приходилось. Ее, думаю, кроме как в Королевстве, и не сохранилось нигде, если не считать расплывшихся в городе наглых пернатых. Да и те, по-моему, завезенные. Мы сели

в колясочку и покатали, а ребятишки вслед вновь затагнули что-то звонкое и тоскливое. Герцог поднял руку и очень мило, чуть не по-родственному пошевелил в воздухе пальчиками, прощаясь. Я же всей фигурой старался показать хорошее воспитание и врожденную светскость.

— Можете отказаться, если я вам слишком надоела, — по-моему, встреча с герцогом все-таки подпортила Марии настроение, — но для вашей же пользы, дворец у них просто старая развалюха, там простыни сырые, из кранов капает и сортиры гудят не переставая. А в резиденции все удобства и повар гораздо приличней. Был по крайней мере. Если его самого еще не съели.

— Хорошие новости, тут что, и людоедство процветает? Веселые дела.

— Нормальные. Не бойтесь, вас не съедят, вы наглый, а их варить долго. Наглых. Валентин, послушайте, я последний раз говорю, плюньте на все, отдохнем, пообедаем как следует, здесь правда очень прилично готовят, и поедем-ка обратно? Не о чем вам с ними разговаривать, поверьте мне, вы сами прекрасно поймете пустоту всей затеи, только это после будет, если не по-

здно, а я вам шанс даю готовыми рецептами воспользоваться, отличными.

— Я что-то не понял, меня сюда в гости привезли или в контрразведку доставили? Съедят меня или не съедят с вашим тончайшим чувством юмора Святого?

— Первой частью титула величать меня имеет право только особа не ниже светлейшей. Это совсем без юмора. (Могла не говорить, прекрасно сам заметил, что не шутит.) И никто, естественно, гостем вас считать не собирается. Не волнуйтесь, в контрразведку, в контрразведку доставили, как обещано. И с ее бессменным руководителем вы только что имели удовольствие познакомиться. Но вы землянин, и пока не очень известно, откуда взялись и чего толком добиваетесь. Хотя, боюсь, кое-какие подозрения у герцога имеются. Да и я что-то значу. Если придумаю, хоть даже не очень убедительное, сделают вид, будто поверили, и отпустят вас под мою ответственность без особых хлопот. Но опять же пока. Вы здесь с каждым лишним часом все больше неприятностей будете наживать. А к вечеру останетесь один на один со всей этой сворой. Впрочем, я, кажется, единственный раз в жизни занялась чужим делом.

— Простите, Мария, но верю вам крайне слабо. Во всем. (У меня тоже почему-то настроение стало заметно хуже после торжественной и столь теплой встречи.) Чужим делом вы занялись вряд ли, но достаточно безрассудно отказались от полностью своего. Впрочем, пора споров между нами, видимо, окончательно прошла. Если происходившее можно назвать спорами. Приехали?

Да, судя по всему, мы приехали. Коляска остановилась под навесом у входа солидного современного особняка с десятком окон по фасаду. Мария, даже не холодно, а совершенно безразлично, кивнула мне, то ли приглашая следовать за собой, то ли признавая завершение поры споров. А вернее всего, машинально, как кивает погруженный в собственные заботы и мысли человек малознакомому, расставаясь с ним после мимолетной встречи на людном перекрестке. Двери открылись сами, но за ними нас ждали несколько ребят со столь же могучими плечами, как у шофера лимузина. Одинаковые маски с желтоватым отливом и длинными узкими прорезями для глаз придавали им несколько восточный вид. Размеры же кулаков вполне западные. Мария,

не оглядываясь и не обращая ни на кого внимания, по-хозяйски направились куда-то влево, а меня крайне ласково, но твердо подхватили под локотки и доставили на второй этаж (я с улицы даже не заметил, что здание двухэтажное) в роскошные апартаменты и вправду со всеми удобствами. Этими удобствами я тут же и поспешил воспользоваться. Чуть ли не час посвятил самым чувственным и самым безгрешным наслаждениям, после чего в длинном белоснежном пушистом халате разлегся на ложе, размерами своими и некой, на неуловимую долю излишней, изысканностью форм навевающим почти нескромные мысли. Ничего нельзя сказать, вполне приличные условия создало Королевство для приема руководства дружественных племен. Интересно, а обслуга, она же охрана, из кого тут, из местных или горцев вымуштровали? Хотя в действительности совершенно неинтересно, мне здесь хвостом крутануть не позволят. Отдыхать надо, пока дают, всю отдыхать и глупости из головы выкинуть, лихое каскадерство не по возрасту, да и специалисты нынче подросли покруче. И еще в руки себя взять, а то уже лишнее позволять себе стал, вот и Марии почти нагру-

бил, настроение, видите ли, сказалось, а ведь желательно с нее получить еще несколько ответов на несколько вопросов. И для общего развития, и для дела пригодиться может. Хоть она, конечно, соврет по обыкновению своему или, как у нее там называется, изложит с чувством юмора, но и вранье порой не без пользы послушать. Все равно в нем больше информации, чем в молчании. А уж смысла-то иногда точно больше. Ну, не врали мы друг другу почти все эти годы, ну, лелеяли и холили гордыню, потрясая крылами, как этот халат, белоснежными. И царапин за раны считать не желали, различать не умея того, кто ударил больней. Много высокомерия — терпеть, но оно дает жутковатую свободу не замечать чужой боли. Ах, покаяние и раскаяние, как же ты мерзко, тем, что позволяешь вволю и с чистой душой порыдаться у узорчатой могильной ограды, не давая и тени радости заползти в сердце, ничем в мире не могущей быть омраченной радости от того, что находишься все же по эту сторону ограды. А ведь каков был день на последнем излете стремительного лета, и эти пунцовые шары перезревших цветов, название которых мне уже не вспомнить никогда, что разда-

вал то ли пьяный, то ли юродивый, но без малейшего налета скорби мужичонка у вросшей в землю часовенки, почти насильно всовывая их в руки незнакомым людям, настойчиво очень, а ни навязчивости, ни нахальства не было в этой настойчивости. И может, правда где-то били в колокол, а скорее, звенел до одури раскаленный воздух, и верилось только в самое лучшее, потому как в то, что хуже уже не бывает, верилось еще больше. И все-таки, может быть, он еще только падает, только еще начал свой путь к земле из дрогнувших пальцев безусого юнкера, так и не сдавшего выпускных экзаменов и не получившего на фуражку кокарды с замечательным гербом в виде щита и меча, и будет падать долго-долго, нелепо кувыряясь, поблескивая воронеными гранями, и так никогда и не упадет, не ударится рукояткой о выщербленный край бордюрного камня, не упадет, не ударится и не выстрелит новенький, еще не до конца оттертый от смазки, только этим утром полученный со склада пистолет со сложной системой несработавших предохранителей. И даже тогда, сколько хитрой работы нужно произвести механизму, чтобы пуля, совершив все положенные движения, покинула

наконец ствол, ничьей, и это еще раз следует особо подчеркнуть, ничьей рукой никуда не направленный...

Мягко и мелодичен звон колокольчика у моего изголовья, но неожиданностью заставил вздрогнуть, и, поматывая головой, как те пони, что нынче нас волокли, я не сразу сообразил протянуть руку в сторону звонка и нащупать стандартную кнопку внутреннего селектора. Голос Марии был вежлив и почти добр.

— Только без всяких церемоний, Валентин, я тут вроде как в отпуске, потому предпочитаю простоту нравов. Минут через десять будет готов обед. Если хочется побыть одному, вам его принесут в комнату. А желаете, можете спуститься вниз в залу и разделить трапезу со мной. Герцог только что изволил сообщить, что аудиенция не раньше чем через два часа, времени у нас достаточно. Он, правда, предлагал пока какие-нибудь развлечения, типа смотра строевой песни, но я рискнула отказаться и от вашего имени. Ну так на сколько персон приказывать накрывать стол?

Оттаяв душой, принял приглашение с благодарностью. Может, ей, конечно, просто есть в

одинокую так же муторно, как мне пить, но теплое чувство в ответ на призыв женщины к столу, да плюс отличный аппетит заставили меня бодро вскочить и даже несколько раз предвкушающе улыбнуться за то время, пока я облачался в одежду, неожиданно оказавшуюся вычищенной и выглаженной чьей-то тихой рукой.

И тут меня снова вызвали, но уже по браслету. На связь вышел Пол Дин:

— День добрый. Мы сейчас в точке начала восхождения, у машины. Начинаем демонтаж блокиратора поля связи. Имейте в виду, если будете возвращаться через перевал. Извините, не можем оставить, связисты и так уже шумят.

— Рад, ребята, что вы благополучно спустились. Если имеете в виду трехногую железяку, то помню, гудела очень мерзко. Только при чем тут я и что должен учитывать? Думал, вы ее машину сторожить оставляли от дорожных инспекторов.

— Административная полиция имеет санкцию прокурора на постоянное прослушивание переговоров в районе перевала и окрестностей. А эта железяка перекрывала все потоки инфор-

мации в зону горцев и обратно, пока мы карабкались. Но блокада обнаружена и источник ищут. Так что — пойдете обратно, браслетом не пользуйтесь, если не хотите, чтобы вас засекли слухачи.

— Интересно получается, так, значит, мы все время без связи были? А как же я прошлым вечером с Чепом разговаривал, с вашим промежуточным лагерем?

— Естественно, вы оба находились внутри зоны, вот и разговаривали.

— А извне совсем никакая информация просочиться не может, пока эта штука работает? Я точно помню, что слышал отрывок городских известий на перевале.

— Теоретически возможно, если приемник мощный, но шансов, что сигнал прорвется, очень мало, да и то на десяток-другой секунд. Или вероятка?

— Да, да, может быть, а почему Чеп меня об этом не предупредил?

— Не знаю, наверно, решил, что для вас это не имеет значения. И в самом деле, разве имеет? Впрочем, вы его сами сможете спросить при встрече.

— Он далеко от вас, подойдет, или набрать его код?

— Мистер Чепмен остался на промежуточной стоянке. Потому я и сказал, что при встрече или позже, когда он спустится. Сейчас его браслет окажется в зоне прослушивания, и желательно пока с ним никаких проблем не обсуждать, особенно связанных с незаконным блокированием полей перевала.

— Почему он остался, что-нибудь произошло? Он здоров?

— Неужели мы бы его оставили, если бы что-нибудь произошло? Просто мистер Чепмен сказал, что у него какие-то личные дела, и велел нам спускаться самим. Вам просил передать привет и шифр «Агасфер шесть тридцать два».

— Бред, какие личные дела, какой Агасфер?

— Мы думали, вы знаете. Остальное, видимо, он объяснит вам сам. К сожалению, уже надо спешить. Да, вот еще. Я хотел попросить у вас прощения.

— Прощения? Вы что-то путаете?

— Имею в виду тот ваш совет поискать ошибку в собственных данных. Самому. Кажется, я ее нашел. Поверьте, для меня это хороший

урок. Постараюсь, чтоб он стал таковым не только для меня. Еще раз простите. Всего вам доброго. Да, насчет пряников. Их было достаточно.

Пол отключился, а я некоторое время тупо смотрел на потухший розовый индикатор браслета, как будто мучительно что-то пытаюсь сообразить. Пока не понял, что давно все сообразил, еще до того, как закончился разговор, и просто тяну время, не решаясь окончательно признать себя полным подонком. И бил по клавише вызова, как будто боялся опоздать, и знал, что опоздал, и кричать начал до подтверждения приема, кричать с дурной, просящей и безнадежной интонацией:

— Мальчики, подождите, не надо, мальчики! Не суйтесь в это дерьмо, вы даже не представляете, что там происходит, вам не выбраться оттуда, мальчики! Ну, ладно, хорошо, — я спешил, не дожидаясь ответа, я боялся ответа, знал, каков он окажется, и очень не хотел, — хорошо, пусть будет по-вашему, но только подождите немного, я послезавтра возвращаюсь в город, мы вместе все решим, я не собираюсь вас отговаривать, честное слово, только разрешите попытаться вам помочь!..

— Извините, — голос Пола звучал непривычно мягко, — у нас мало времени и много дел. Наших дел. Браслеты отключаем.

И я снова бил по клавише, но индикатор безразлично помигивал зеленым. И оставил я клавишу в покое. И сидел на краешке кровати в расстегнутых штанах и размышлял мучительно о жизни. Да, и впрямь язычок — показатель мышления. По хорошему, так надо бы сейчас дернуть отсюда с Марией, разжиться по дороге калибром покрупнее и догонять мальчиков что есть сил, ни желания, ни разрешения ихнего на это не спрашивая, как не спрашивали они тогда, у развилки, и не советовали подождать. Паскудная ситуация. Вернее, не ситуация, нечего тут на ситуацию валить, ты в эту печку своими руками достаточно полешков подкинул, сволочь. Но снова вызов браслета, и с нелепой надеждой рванул я звено ответа, вымаливая неизвестно у кого прощения и пощады.

— Не волнуйтесь вы, дядя Валя, — голос Мони ударил неожиданной звонкостью, казалось, что кричит он, как тогда, пятнадцатилетним толстяком с розовыми щечками, захлебываясь от бега, — что вы, в самом деле, все будет в порядке, все!

И опять оборвалась связь, на сей раз окончательно. Я еще с минуту посидел, заученно расслабляя мышцы, стараясь восстановить дыхание и отбросить липовую рефлексию, чтобы она, не дай бог, не повлияла на ровность тона. Начал набирать код Чепа, но тут же понял, что мозги прояснились пока не окончательно, ему все равно не успеть, да и тема не очень для чужих ушей, если окрестности перевала прослушиваются. Встряхнул пару раз как следует головой. Переключился на номер тетушки, она ответила сразу.

— Виноват, тетушка, это Валя, разрешите без подробностей, время дорого. Ваши мальчики сейчас направляются в сторону города с того места, где мы начинали нашу дорогу к перевалу. Их браслеты отключены. Не знаю точно, в каком месте, но они будут вынуждены выбраться на юго-западное шоссе. Необходимо перехватить ребят до въезда в город и не дать им наделать глупостей.

— Это как-то связано с твоими делами? — голос тетушки немного сонный.

— Сейчас не имеет значения, что с чем связано, умоляю, не теряйте времени.

— Не суетись, ничего я не теряю, уже иду к машине, так что у вас случилось?

— Вы, наверное, лучше меня в курсе какой-то там свары между старыми и новыми летунами. Предполагаю, что ребята решили немножко навести свой порядок.

— Ах, это... Странно... Черт, опять с первого раза не заводится. Сейчас, подожди секунду, подкачать надо... Все, струнулась наконец. Так что ты говоришь, летуны? Действительно, паршивая история, Стива очень жалко. Сложный он был человек и всякий, но нас в разные времена слишком многое связывало, и относились мы друг к другу тепло. А что это ребята так резко ринулись в вендетту? Кто стоит за смертью Стива, до сих пор никому толком не ясно. Даже тут, на месте, разные версии существуют. Мои мальчики сдуру и не разобравшись в заваруху не сунутся и стрельбу не поднимут, не так воспитаны. Но как они могли в чем-то разобратся, будучи все это время на перевале? Ты не преувеличиваешь случаем? Может, не так понял или они не очень ясно выразились?

— Я панику не поднимаю, тетушка, но уговаривать себя не надо, выразились они предельно четко. Ребята считают, что виноват во всех

делах Тед пополам с Гриммом. Что-то их на эту мысль навело, и они с нее не сойдут быстро.

— Тед и Гримм? Как одна из версий не исключено. Но далеко не самое вероятное. Тед без Стива никогда и шагу не делал, а идея объединения групп давно в воздухе носилась. Лаевский, правда, возражал, но уж догматиком он никогда не был, и раз Тед пошел на объединение... Достаточно других, кому это могло не понравиться. Нет, так сразу, не разобравшись, нельзя, и мальчики вряд ли бы... Подожди, подожди, я, кажется, прослушала, как что-то их навело на какую-то мысль? Ага, тогда начинает проясняться. Только боюсь, это не что-то, а кто-то. Ладно, пожалуй, ты прав, мне стоит поспешить. Счастливо, не пропадай. Отбой.

— Тетушка, подождите, — снова верещал я мерзко-неестественным голосом, — послушайте, тетушка, это вышло случайно, и они не совсем правильно меня поняли...

— Хорошо, хорошо, Валечка, ты не волнуйся так (сегодня все меня успокаивают), я к тебе без претензий, сама прекрасно знала, на что иду каждый раз, как только открывала дверь на милый сердцу голос. Ты ни при чем, каждый из

нас ни при чем, все мы такие, какие есть. Я ведь тоже не смогла сдержать зарока и не ввязываться больше ни во что. Не придумывай себе вину.

И она отключилась под донесшийся даже до меня взвизг рванувшего на пределе движка. Я оставил браслет в покое. Там сейчас скорость за двести, а на ней под руку не говорят. Да и что я еще мог сказать тетушке, продолжать убеждать ее в собственной невинности? Самое страшное — это правда, она ни в чем меня не винит. Господи, только бы ей успеть! Я внезапно понял, что уже довольно давно верещит колокольчик селектора, и, откликнувшись, нарвался на сильно раздраженный, но не без доли кокетства голос Марии.

— Молодой человек, это выходит за рамки всяких приличий, вас дама ждет за накрытым столом, а вы треплетесь по браслету и не отвечаете на вызов!..

Извинился, как мог искренне, как мог вежливо и как мог быстро. Застегнул наконец штаны, проверил перед зеркалом свою физиономию на способность выдержать общение со сколько-нибудь подобающим выражением и, придав ей на всякий случай скромно-винова-

тое, сбежал по лестнице вниз. Все те же молодцы, привычно уже обращаясь с моими локотками, провели в залу, где за (как обещано) накрытым, и накрытым великолепно, только увольте от подробностей, столом, сидела, вернее, восседала женщина ослепительной красоты. Вот что все-таки значат прическа, умелый макияж и туалет без стеснения в средствах. На мои продолжавшиеся извинения последовала благосклонная и все давно простившая улыбка. Начали с легких закусок. Набор вин здесь много разнообразней, чем в большой палатке. Видимо, запасам резиденции не грозила реклама среди аборигенов. Мария совсем забыла и горскую свою назидательность Старца, и утреннее рассеянное раздражение, и дорожную сторожевую стойку, мгновенные и непринужденные изменения в манерах ее и настроениях не показались бы мне психологически хорошо оправданными, но я слишком давно решил, что пропасть между желанием и возможностью понять даже самого близкого человека зависит далеко не всегда от нашей лености, глухоты или неумения. Впрочем, это не значит, что не нужно делать попытки, требуется только

вовремя уметь остановиться, чтобы не превратить благие желания в напористо-бестактные деяния. А на самом деле все эти пошловатые премудрости с игривой настойчивостью ворошил я в голове своей, чтоб не сорваться, отгоняя совершенно безыскусную картинку, не требующую никаких психологических оправданий, — летящую к городу, а может быть, уже и через город машину и женщину в той машине, всегда открывавшую дверь на милый голос. Ел я при этом с большим аппетитом. И для себя самого даже не мог оправдаться тем, что требуется набраться сил перед будущими великими свершениями. Нет. Вкусно было, проголодался немного, вот и ел, А Мария щebetала:

— Я, Валя, не буду лукавить, что испытываю к вам особо много доверия, но то, что испытываю, заслужено не праведностью и пламенностью речей. Ах, как же люди не умеют использовать собственные сильные стороны, пытаюсь найти опору в давно скомпрометировавшей себя чепухе. Вам бы, общаясь с женщинами, поменьше проповедовать да призывать, а побольше откупоривать шампанское. Даже пить не обяза-

тельно, главное откупоривать. Вы не представляете, насколько это сильный аргумент. И не только с женщинами. А умение правильно выбрать вилку и нож для каждого блюда? Такие вещи убеждают собеседника, — я имею в виду, конечно, истинного собеседника, желающего понять партнера, а не просто потрепать языком и самовыразиться, — гораздо лучше самых стройных логических построений. Ну, а если уж говорить о способностях к умному чередованию приправ... Нет, истинный гурман не может быть фанатиком, как аскет — знатоком женской души. Я бы даже пошла на риск более широкого обобщения. Только тот, кто способен испытать настоящий голод, может знать, что такое широта мышления. Вы посчитаете нелепым парадоксом, ведь вроде бы стремление к утолению голода эгоистично и, наоборот, сужает угол зрения, заставляя заикливаться на одной цели, какая тут широта? Но это взгляд начетнический, человека, как раз голода в идеальном своем виде испытать неспособного. А в этом виде он совершенно чужд меркантилизма. Тут главное — чистота и незамутненность желания. Конечно, можно сразу накинуться и набить пузо брюквой. Вот и узость

появится, но, во-первых, она не от самого желания, а от брюквы, а, во-вторых, значит, то был не настоящий голод, а неутоленная развратность воображения или уже патологическая животная страсть дистрофика, что, впрочем, одно и то же. Так, какую зелень вы предпочитаете к мясному бульону?

Автоматическое оживление от предвкушения хорошей еды на отличном фарфоре и даже ее лицезрение действовало на сей раз не очень долго. Если совсем честно, то я подустал от Марии. Она слишком тянула одеяло на себя, старалась зарядный боевик перегрузить эссеистикой, благо бы еще высшего качества, а то весьма так себе, на довольно доморощенном уровне с кашей во рту. Пожалуй, исходя из лежащей на поверхности корысти, можно немного и сгрубить. Перевести наши идиллические отношения в более официальную плоскость, пусть и не без некоторой напряженности. Это дало бы толику очень нужного сейчас спокойствия, а то и покоя, во всяком случае, чуть меньше раздражения, уже прекрасно. Но что-то удержало меня от столь утилитарного подхода, что-то кроме врожденного благодушия, внушенной с детства вежливости и при-

обретенного в юности жадно-снисходительного взгляда на женщин, красивых в особенности. Я не верил ей, знал, что это окончательно и окончательно все ее решения и суждения обо мне и делах моих и мыслях моих, не ждал ни помощи, ни даже понимания и все же, поддерживая беседу, улыбался широко и открыто, совершенно искренне улыбался, хотя мало что в данный момент мог делать с меньшим удовольствием. Если даже признать причиной тому собственную не очень чистую совесть, вернее, далеко не полную уверенность в ее чистоте, как и несколько прочих, столь же далеко не полных уверенностей, то при любом раскладе Мария ко всему упомянутому никакого отношения не имеет. Впрочем, улыбка-то моя, с ней еще будет время разобраться. А перегружать рефлексией боевик не намного лучше, чем эссеистикой. Обедаем.

— Да, кстати, Мария, вы на самом интересном месте прервали наш предыдущий разговор, сказали, что нет никакой тайны и мы успеем пообщаться, но исполнять обещание не спешите. А у нас, как понимаю, встреча из последних.

— Кто знает, кто знает... кроме меня, разумеется. Если вы про название всех тех, услов-

но говоря, историй, то общее название у них очень простое. «Кулинарные рецепты». Приблизительный, конечно, перевод, можно было бы и как «поваренная книга», но слово «книга» не подходит, явление не письменное.

— Странноватое название. Образ, аллегория? Что-то до меня не очень доходит. Или, может, перевод уж слишком приблизительный, мне бы поточнее.

— Нет никакого ни образа, ни аллегии, и приблизительность в переводе не большая, чем во всем другом. Точнее я тоже не могу, да и не требуется. Это именно кулинарные рецепты. Сколько и чего в кастрюлю положить, чтобы вкусно получилось. Основная сокровищница культуры. Тут и вся наша история с философией, и прошлое с будущим, и мораль с нравственностью, и эстетика с этикой. Возьмите живых раков, у них, у живых, отрежьте хвосты, выньте раковые шейки и отварите в специальном растворе. Состав раствора прилагается. Затем отрежьте прозрачный ломтик шпига, посыпьте смесью растертых сушеных трав. Список трав дается. Заверните шейки в шпиг и заколите деревянной шпилькой. Приготовьте фритюр из оливкового

и сливочного масел с добавлением топленого свиного жира. Рядом должна стоять миска с кляром, рецепт коего — отдельно. Взять заготовку за шпильку, обмакнуть в кляр и опустить во фритюр. Готовится, по вкусу, от двух до шести минут. К этому возможны различные варианты гарниров и соусов.

— Не ваш рецепт. Я этими шейками «лю» в прошлом году под Киото чуть не отравился, часа четыре неотложка промывала, извините за натурализм.

— Точно. Не наш рецепт. Потому как и этика с эстетикой не наши. Как и все прочее. Наших-то я вам не открою, вы иногда поразительно смысленым бываете, а в рецептах этих то знание, что как раз и дает силу, мне же ваша сила особо ни к чему. Но иногда, в некоторых местах, причем в строго определенных, непосредственно рецепты перелагаются картинками, частью с намеком для глуповатых, частью для развлекательности, но в основном для отдохновения между предметами серьезными. Вот одну из таких картинок я вам в прошлый раз и обрисовала.

— Может, там есть еще какие, для постороннего уха приемлемые с точки зрения государ-

ственной безопасности? У вас здорово получают вольные переводы.

— Пожалуйста, если вам интересно. Вот, к примеру, такая история. С нее вы точно ни мудрее, ни сильнее не станете. заблудился человек в глухом лесу. Продукты кончились, устал он, бредет еле-еле, сам не зная куда. Видит — ящик. Открывает, а там сокровища. Человек бедный, первый раз ему так пофартило. Вне себя от радости, схватил ящик и поволок. Тащит, а сил все меньше. Может, если бросить сокровища, есть еще шанс на дорогу выйти, мучается человек, и жить хочется, и богатство жалко. Так и не бросил ящика, тянул, пока мог, и упал рядом с ним, умер. Много лет прошло. Опять в том лесу заблудился человек. И так же продукты кончились, и сил мало, и наткнулся на тот же ящик. Видит, сокровища лежат, а рядом останки чьи-то. Схватил богатство, понес. Но чувствует — не в состоянии. Вспомнилась ему судьба того, кто уже связывался с ящиком, кинул он груз и поплелся налегке. В конце концов на дорогу выбрался. Жив остался, но потом, сколько ни искал, найти то место не смог, всю жизнь мучился, что не рискнул, так нищим и помер. Опять прошло много

лет. Третий человек заблудился в том лесу. Нашел ящик. Взял на плечи, прошел немного, еще толком ни вымотаться, ни испугаться не успел, как уже на дорогу вышел, а тут и повозка попутная. Добрался человек до дому и зажил счастливо в богатстве да покое. Один вопрос порой занимал его, да и то ненадолго. Неужели он самый умный, ловкий да удачливый, если до него никто не смог за столько лет — а что сокровища древние, по ним видно — ящиком воспользоваться, который совсем рядом с дорогой лежал? Ну а дальше идет рецепт тушения грибов с луком.

— Не растет у вас лук. И не рос никогда. И грибы — дрянь одна.

— Да человек из истории тоже не в лесу заблудился и не ящик с драгоценностями таскал. Это я вам так, для доходчивости, в привычных реалиях.

— Спасибо, что постарались. Даже, наверное, моральку какую-нибудь можно из всего изложенного извлечь, только боюсь, если ее формулировать, очень худосочной выглядеть будет. Правы вы оказались, историйка знаний особых мне вряд ли прибавит, а уж силу дающих... Но все же мне хочется

отблагодарить вас за потраченные силы и поведать рецепт, настоящий рецепт, без щадящей подмены одних реалий другими и без боязни, что вы проникнете в тайники человеческой психологии настолько, что это станет опасным для всей нашей цивилизации землян.

— Чего вам бояться, я и так почти все ваши кулинарные книги изучила, вы на них по наивности грифа «совершенно секретно» не ставите, хотя и шлепаете обычно на бумажки, в основном никакого интереса не представляющие.

— Я понял, что изучили, а этого все же можете не знать. Он очень старый. Называется «Бифитер «Старый холостяк». Надо взять сто граммов очень кислых яблок, помыть, мелко порезать, очистить от сердцевин, залить одним литром пшеничной водки, подержать два часа на льду и сразу выпить. Как?

— Замечательно. И вправду не знала. Ваш ответный подарок слишком щедр.

— А если слишком, если у меня там осталось немного в запасе, разрешите задать еще один вопрос? Не люблю, знаете ли, ставить собеседника в неудобное положение тем, что он может подумать, будто что-то мне должен.

— Боюсь, что уж кому-кому, а вашим собеседникам такие мысли не грозят. Давайте.

— Что это у вас столь сильно настроение испортилось после встречи с герцогом, такие вроде душевные друзья и единомышленники, где радость-то?

— Ох, хитрым и проницательным небось чувствуете себя, слабину учуяли, варианты прикидываете... Юны вы в душе, Валя, юны до очаровательности... Впрочем, комплиментов я вам, кажется, наговорила предостаточно. И на вопрос, от широты природы, отвечу откровеннейше, меня не расстроит, если вы будете чувствовать себя должником. Настроение мое после встречи с герцогом испортилось оттого, что я его органически не перевариваю, ну просто совсем терпеть не могу. Его и всю его компанию и то, во что они почти уже полностью превратили некогда называвшееся народом Королевства. Довольны, думаете, сундук в лесу нашли?

— А я не скрываю, в самом деле доволен. Только вот юность мою вы, по-моему, несколько переоцениваете. Я про свой сундук давно все понял.

— Ну и отлично, меньше между нами недо-
разумений. Ни с какого боку мое к происходя-
щему в Королевстве отношение вас не согреет.
И помощи вам от меня не ждать более. Коро-
левство проваливается в дерьмо, но оно никого
не уполномочивало его оттуда вытаскивать. А ес-
ли кому-то не нравится запах, это еще не причи-
на соваться в самую гущу, пусть и с благими на-
мерениями. Понятно?

— Вполне. Только если вы так все хорошо
про Королевство понимаете, то что же свой соб-
ственный народ топить собираетесь, хотя какое
собираетесь, топите уже давно, и кулинарными
байками открещиваетесь. Или тут тоже кто-то
кого-то должен уполномочивать, и зачем тогда
Старец?

— А говорите, что вполне. Не вполне и ни-
как. Совсем ничего до сих пор вы не поняли.
Здесь государство, система управления челове-
ка человеком и самим собой. При помощи. С це-
лью. Для и ради. Королевство и вправду ведет
ваши игры, по вашим правилам, вот вы и разби-
райтесь, кто сдавать будет, пользуясь вашей лю-
бимой терминологией. А мы здесь не ловим ни-
чего. Что договор о перевале, так это мелочь, не

стоящая ни внимания, ни упоминания, тактичес-
кий жест мимоходом. Вам не нравится, какая
система, вы и дергаетесь, а мне не нравится ее
существование как таковое, по уверенности, что
в любом случае так или иначе не утонуть в чем-
нибудь все равно мерзком она не сможет. Для
нас вы хуже них всегда, потому что сильнее, на-
глее, труднее для понимания, но главное, верую-
щие. Тут цинизма больше, и открытости оттого.
Освободи, слышишь, освободи мой народ, Валя!
От своего, главным образом, присутствия.

— Ну вот и до псалмов добрались. А что, в
стиле. Эдакие, понимаете ли, дети природы с анар-
хическим уклоном! Не надо, Мария, перестаньте,
было все это, давно было и былшем поросло, и
выходы из системы, и ее неприятие, и ее прокля-
тие, а кончается, как обычно, временными, не сто-
ящими внимания, тактическими жестами, в кото-
рых проходит вечность. Тут не ваша тактика, а
общая стратегия, не обольщайтесь.

— Вы-то как раз и обольщаетесь своими
«было». А ничего у вас не было, какая разли-
ца, раз перебрали гору руды, но все в кучу сва-
лили, так и не знаете даже, находили там хоть
когда-нибудь что-то ценное? Такая работа у са-

мого глупого прораба не засчитывается, а вы ею гордитесь как высшим достижением своей цивилизации. Помните, классический детский примерчик про обезьяну, что если долго будет стучать по клавиатуре печатного устройства, в конце концов отстучит и все художественные произведения, и все научные, философские, социальные и прочие открытия? Как прошлые, так и будущие. Художеств не касаюсь, но что относится к прочим открытиям, окажутся они бесполезными, так как на каждое положительное утверждение последует и отрицательное. Ваша цивилизация — эта самая обезьяна. Вроде бы все возможные мысли, идеи и предположения уже высказаны, или большинство по крайней мере, а значит, все было. В реальности же нет ничего, кроме обычного обезьяньего бреда, который вы разобрать не смогли и не сможете никогда. Сами себя утопили, и в гораздо более серьезном, чем то, что грозит Королевству. Можно выбраться оттуда, куда попал по ошибке, недомыслию или даже злему умыслу, своему ли, чужому ли. Но никогда не выбраться из того, что является и продуктом, и основой, и целью существования.

— Ладно вам все пророчествовать с умным видом, придумали сказочку с челночным сюжетом и изрекаете мировые истины. А у вас даже в вашей сказочке воображения не хватило больше, чем на двести с лишним лет, книжек не пишете, на память надеетесь и с памятью этой, далеко не идеальной, пытаетесь судить о нашем прошлом и будущем. Хотя сами против возможности суда выступали. Да из тех же самых противоречий сотканы, только гонору побольше да самомнения, опять же в которых других укоряете. Подумаешь, двести лет! Да эта цифра откуда, видать, появилась, что дальше вы со своими устными преданиями заглянуть и в прошлое не можете, собственное, а анализировать будущее пытаетесь, к тому же чужое.

— Опять вы ничего не поняли. Двести лет, это только мои. Это только я по ним туда-сюда из конца в конец бегаю. А у каждого времени свой Старец. И на конечных точках мы встречаемся. Ненадолго. Хватает, однако, порассказать и о том, что сами знаем, и о том, что узнали от тех, кто следующим идет или предшествует. И цепочка не прерывается, она и вперед и назад до предела длится, до самого.

Наглость нового поворота версии меня, признаюсь, слегка сбила с толку, и, посмотрев в чистые, полные проникновенной искренности, глаза Марии, я не нашел ничего лучшего, чем выставить себя полным идиотом, спросив совершенно серьезно:

— А где и когда он, этот предел? Который самый?

Не был обидным ее смех, но и поощрительным тоже.

— А вот тут пророчества кончаются, вам сего не надо, ваши обезьянки такого пока не отпечатали. Да и встречаются смежные Старцы, как я сказала, не очень надолго, не до особых подробностей, в главном бы не запутаться. Но вы не волнуйтесь, все произойдет как положено. И произошло изначально как положено.

— А кем положено-то? — Я уже в себя пришел и потому чуть застыдился мгновенно промелькнувшего доверия. — Что ж вы тогда со своей нотариальной доверенностью от вселенского разума или, не знаю там, божественного начала, так суетитесь по поводу пижона, желающего прогуляться через перевал? Не солидно для такой серьезной организации. Шепнули бы там Паркам на ушко, делов-то.

— Убогость мышления страшна, если идет от невежества, но много страшнее она от неполного знания. Вас снова дразнит извечный вопрос: кем положено? А зачем вам, как раз это знание вам совершенно не нужно, даже если оно в вашем обезьяньем перестуке прокльонется, проверить его верность все равно не дано. И во всяком случае, смею вас уверить, что кем или чем положено и начало и конец, положено без учета постоянных ваших истерик. Я не о свободе воли говорю и не о predeterminedности событий. А об корректности и скромности в отношении оценки собственных деяний и собственной персоны. Да и собственной цивилизации.

Тут я на какой-то момент почти разозлился от столь явного компилятивного плагиата и даже раскрыл рот для перевода беседы па другие рельсы, но был прерван, и вовремя, а то рельсы эти привели бы прямиком на южный базар, и потом самому стало бы неловко. Дама все-таки. И кормит хорошо. Опять же, все удобства. Не так уж и тяжела расплата, хуже бывало. А прервал меня знакомый колокольчик селектора, кнопка ответа которого оказалась по правую руку Марии. Голос герцога прогукал по-своему, и мне перевели текст:

— Его светлость говорит, что аудиенция назначена на двадцать семь ровно.

Его светлость перевод прослушал и моментально перешел на интерланг:

— Дико извиняюсь, совсем мозги отшибло у старика, запомнил, что наш гость может не понять. Его величество, естественно, ждет вас обоих. Но можете пока не спешить, минут за пятнадцать я пришлю коляску к подъезду резиденции.

— Спасибо, ваша светлость, не утруждайтесь, мы только что плотно пообедали и с удовольствием прогуляемся до дворца пешком. — Голос Марии был почти сладок, но я-то видел выражение ее лица. — А вот после аудиенции хорошо бы подать машину к парку, я сюда возвращаться не стану, сразу поеду на перевал, меня ждут, много дел накопилось, долго отсутствовала...

— Конечно, конечно, — заторопился почему-то герцог, — вы знаете, Святой, как мы всегда счастливы видеть вас у себя, но при близости наших отношений было бы нелепым настаивать... Правда, что-то там у машины с движком, но механик сказал — чепуха, думаю, он успеет все наладить вовремя. До скорого свидания.

Мария при сообщении о движке и механике глянула озабоченно, а я фыркнул, разряжая обстановку, и, как оказалось, не совсем впопад:

— Что он дурака валяет, как будто на всю страну одна машина? Или вправду уже старческое? Да, явное неуважение к главе дружественного народа...

Мария отвечала без всякой заинтересованности в моей персоне, глядя вбок и явно думая о своем. Видать, любое общение с герцогом так на нее действовало. (Хотя я, кажется, начинаю уподобляться Старцу и делать выводы, чуть ли не обобщения, из того числа фактов, которого не должно хватать и для рождения гипотезы.)

— Даже задумывая как будто серьезное для вас дело, вы по высокомерию не удосуживаетесь поинтересоваться вещами общеизвестными. В Королевстве машина одна, и другой им не требуется. Да и этой они сами не пользуются, так, для представительства и экстренных случаев. По тутошним расстояниям скорость коляски, километров в двадцать, вполне достаточна. А животные ни горючего, ни запчастей, ни ухода не требуют, и главное, валюту на них тратить не нужно. Экология.

— Грузы у них тоже экология таскает? Или заваялся какой грузовичок?

— Не заваялся. Нечего им здесь такого тяжелого таскать, пирамиды не строят.

— Да и у нас с пирамидами без машин справлялись. Народу, правда, положили, экологи... И все же, почему одна, а вдруг, как сейчас, ломается случайно?

— Вдруг? Случайно? — Мария несколько тяжеломерно поднялась из-за стола, как и положено после хорошего обеда, провела зачем-то с силой салфеткой по совершенно чистым губам и, смяв, резко бросила бумажный комочек в тарелку. — Пошли, прогуляемся, вам это тоже полезно. Проветрите голову на свежем заграничном воздухе.

Неширокая, чистенькая, мощенная крохотными плитками полированного камня дорожка, как будто непринужденно извиваясь, тянулась от порога резиденции в глубь зарослей пышного кустарника с красными и белыми цветами, но в этой непринужденности чувствовалась рука дорогого паркового архитектора. Двое слуг (так я их для себя обозначил, чтобы приличней выглядело) следовали за нами на расстоянии, мешав-

шем слышать тихие речи, но достаточном, чтобы воспрепятствовать при надобности излишне быстрым движениям. Впрочем, и насчет речей...

— Мария, а вы так уверены в неукоснительном соблюдении герцогом статуса дипломатических представительств, что позволяете себе полную непринужденность высказываний относительно его личности в закрытом помещении резиденции?

— Вы насчет подслушивания? Конечно, подслушивали, и закрытое помещение тут ни при чем, нас и сейчас подслушивают, эта техника у них самая передовая, на нее они валюту не жалеют. А старому коту я и в глаза все сказать могу, о чем он прекрасно знает, и боится, как бы я и в самом деле этого не сделала. Но вам-то что волноваться, явились сюда вроде как с открытым забралом и искренней заботой о всенародном благе? А лишнее и самому себе выболтать не позволите, даже во сне все варианты просчитаете и аргументы подберете.

— Я не явился сюда, меня доставили, мы этот вопрос уже уточняли. И с большим удовольствием я бы тут никакие свои заботы не высказывал и аргументы не подбирал, а находился бы

совсем в других местах и совсем другом обществе.

— Врете. Вы же верите в силу слов и идей гораздо больше меня, вы верующий человек, что в вас и самое страшное, хоть и называете любую изреченную мысль ложной по старости ее и затертости. Нет, так просто вас никто не доставил бы, и не моего пистолета испугались вы у дороги на плато. Вам союзники нужны. И моральное оправдание. Вернее, важнее всего как раз моральное оправдание, и ищите его в том, что говорили ведь, объясняли, а вас не послушались, ну а уж если так... Без этой страховки вы мосты рвать не станете, я бы на месте герцога даже пока наблюдение за вами сняла, от него вы и уйти можете, от себя — вряд ли.

— Экую сложную личность из меня состроили. Приятно. Впрочем, хорошо бы герцог ваши соображения услышал, вдруг и вправду наблюдение снимет, а то ребята, конечно, чудные, но могут скоро начать раздражать.

— Нет, не снимет. Не надейтесь. Он не будет долго в вашей психологии разбираться, у него свои методы, и на их надежность светлейший гораздо более полагается. Так что на сложность

личности не давите особо, зря только время упустите.

— Мне, судя по нарисованным вами мрачным перспективам, временем по своему усмотрению все равно распоряжаться трудновато станет. А вы-то, существо вольное, куда спешите, что вас так возможность задержки машины опечалила?

— Дела, Валя, дела... Да и нечего мне тут больше крутиться, я этот сюжет досматривать не желаю, у меня к нему интерес пропал. Кстати, о машине, давайте-ка заглянем по дороге в гараж, он тут неподалеку, посмотрим, как продвигается ремонт.

Через несколько минут неспешной оздоровительной прогулки, от ритма которой Мария не дала мне отступить ни на миг, укоризненно дотрагиваясь пальцами до моего плеча, если я, забывшись, автоматически хоть чуть ускорял ход, мы вышли к небольшому строению, покрытому светлой краской с не очень чистыми подтеками. Дверь в треть стены, скорее даже ворота, отворилась при нашем приближении, хоть и с довольно противным скрипом, но плавно и быстро. Помещение внутри было залито не совсем естественным, предельно ярким,

до рези в глазах, светом. Посреди, над ямой разлегся уже знакомый мне лимузин с задраным капотом, а у стены на перевернутом ведре сидел человек, несмотря на совсем глухую маску тоже показавшийся мне знакомым. Слегка откинувшись и облокотившись левой рукой на верстачок с россыпью приборов, он меланхолично рассматривал какой-то полупрозрачный кубик, время от времени переворачивая его разными гранями, и как будто не обратил на нас никакого внимания. И вот в этой его несколько неестественной позе, которая одновременно выглядела и совершенно удобной, чуть не единственно возможной и для человека, и для дела, которым он занимался, промелькнуло что-то чрезвычайно знакомое и памятное мне, пока Мария с видом знатока заглядывала в движок и даже пыталась прищемить себе голову капотом. Человек наконец поднял на нее глаза и заговорил на правильном интерланге, совсем без акцента, но некий непривычный оттенок в речи его все-таки был, в городской толпе на него наверняка обратили бы внимание:

— Святому Старцу не следует волноваться. У меня есть несколько запасных накопителей, и ехать мы можем хоть сейчас. Но я пытаюсь по-

нять, что произошло с этим, он ведь, по идее, из строя выйти не может, шанс на миллион...

— Я в ваших способностях, Дани, не сомневаюсь, только все-таки постарайтесь разобраться в причине поломки, мне не хочется потом стоять на дороге, и дайте нам с собой, на всякий случай, еще запасные. Как чувствует себя ваша жена?

— Спасибо, вчера как раз был врач с приисков, сказал, что теперь можно не волноваться, побольше покоя и через неделю роды должны пройти нормально.

— За несколько дней сообщите мне, я кое в каких делах понимаю побольше этого доктора. А что-нибудь вчера произошло, раз вы его вдруг вызвали сюда?

— Нет, ничего необычного, просто встретил врача недалеко от дворца и попросил посмотреть жену, вы же знаете, как она волновалась после того раза.

— Ну, надеюсь, теперь все будет в порядке. Передавайте ей привет.

Я тоже вслед за Марией кивнул человеку, он сделал нам общий прощальный жест рукой и снова принялся за кубик. После выхода из гара-

жа моя спутница почему-то сменила темп, как будто обнаружила впереди какую-то интересную цель, хотя до аудиенции времени оставалось достаточно. Я же вдруг понял, что, видимо, выронил у машины сигареты. И попросил разрешения за ними быстро сбежать. Мария взглянула на меня весьма рассеянно:

— Да, да... Конечно... Мне что-то стало прохладно, вернись в дом за шалью, вы идите потом по этой дорожке, она упирается в ограду дворца, недалеко от центрального входа. Если меня еще не будет, подождите, я постараюсь побыстреей.

Мне показалось, что слуги при нашем разделении в первый момент несколько растерялись, но тут же решительно оба двинулись за мной, видимо, насчет Старца не имели столь строгих указаний, и вновь притормозили в полусотне метров перед гаражом. Когда я вошел, Дани продолжал крутить кубик, но не делал уже вид, что не замечает меня, а даже весьма пристально и внимательно посмотрел сквозь крохотные прорезы маски. Я принялся разглядывать пол.

— Виноват, мне неловко, но тут должны где-то быть сигареты...

Дани быстро бесшумно встал, и это движение мне знакомо, подошел к машине, сунул руку вовнутрь. Там слегка недоуменно взвыло. Механик выпрямился.

— Догадывался, что вы вернетесь. Здравствуйте, мастер Валентин! Не беспокойтесь, когда работает генератор, здесь исключается любое прослушивание.

— За мной двое топтунов. Я к тебе зашел, и пропал звук, может показаться подозрительным. Наверное, лучше встретиться позже, где-нибудь в другом месте?

— Слушают не они, а специальные люди, потом сам герцог. Он меня ни в чем не заподозрит. И, как всегда, будет прав. Потому я и не стану встречаться с вами позже в другом месте. Впрочем, вам известны все обстоятельства, и вы вправе сами решать, говорить или нет, разговор этот нужен не мне, более того, сразу предупреджу, что и для вас он окажется бесполезен. Выключить генератор? Обменяться воспоминаниями мы можем в открытую.

— Времени для воспоминаний слишком мало. Ладно, пускай работает. Откуда ты узнал обо мне, мать предупредила или братья?

— Мама. Я еще два дня назад знал, что вы можете оказаться в Королевстве.

— Странно, она не могла быть уверена, что именно в Королевстве...

— Она и не была уверена, сказала только, что вы окажетесь по эту сторону перевала, а тут нет шансов попасть куда-нибудь прежде контр-разведки.

— А что еще сказала? Просила тебя помочь мне?

— Нет. Просто предупредила о возможном появлении. Мы с мамой не часто общаемся последнее время, но она прекрасно понимает, что любая ее просьба для меня слишком серьезна. Потому никогда не потребует невыполнимого.

— Невыполнимое следует понимать в смысле помощи? Значит, мне на нее не рассчитывать? А с чего ты взял, собственно, что в помощи нуждаюсь именно я и пришел за тем, чтобы получить ее? Может быть, хочу как раз оказать другим?

— Здесь в ней никто не нуждается. Извините за резкость. Но я слишком хорошо знаю, в чем заключается ваша помощь. Сначала идет поток благороднейших идей, за ними море зажи-

гательнейших речей, а в результате могилы горячо оплакиваемых товарищей. И укрыться не удастся никому. Уж на что отец не желал ввязываться в ваши игры, а все равно вынужден был начать соображать, как детонатор пристроить. Маму осуждать не смею, но у меня, надеюсь, у самого скоро будет ребенок, и уж его-то я точно ни за какие идеи под пули подставлять не собираюсь. Также всячески постараюсь, чтобы и отец его жив остался.

— Ваше желание, чтобы ребенок жил, замечательно. Но вас совершенно не волнует, как он будет жить? И скажет ли вам за такую жизнь огромное спасибо?

— Будет жив, так мне от него благодарности не потребуется. А на «вы» со мной зря перешли, я против вас ничего не имею и все хорошее с детства помню. Но я не для того по эту сторону перевала оказался, чтобы ради ваших идей...

— Да что ты опять про какие-то мои идеи, разве сам прекрасно не понимаешь, что вокруг происходит? И отчего твой накопитель имеет шансов испортиться один на миллион, и почему скотина в этом райском местечке ухода не требует?

— А происходит то, что почему-то всех совершенно устраивает. Кроме вас. Может, просто завидуете? Переезжайте, мой дом — ваш дом.

— И дом твой — уже не дом твой. Ты тут нору вырыл, чтобы спрятаться, а не дом построил, это не одно и то же. И своим никогда не станешь, какой бы величины маску ни напяливал, хотя бы уж потому, что тебе всегда она хоть чуть, да бо́льшая, чем принято, потребуется. Тот перевал, за который ты захотел, еще никогда и никому перейти не удавалось. И спишь по ночам наверняка паршиво, ворочаешься.

— Отлично сплю, мастер, лучше, чем здесь, не спал никогда. Таким, как вы, не понять, что хороший сон гораздо сильнее зависит от чистого белья, чем от чистой совести. Но не потому, что вы такие совестливые, а потому, что в белье ничего не понимаете. А вот в остальном правы. Своим мне здесь не стать. Своим здесь будет мой ребенок, я уж так как-нибудь... Но оттого, что я перевал перешел, я Землю не предал. Отказался от нее, это да. Отказ — наше право святое, гораздо святее, чем приятие. Но вот если я здесь нагажу, то тогда как раз и буду предате-

лем. И не Королевства, я клейменный, тут вы верно подметили, а всего, что за перевалом и дальше, во имя чего вы меня, наверняка из самых лучших побуждений, хотите на какую-то пакость подбить. Да, мне приходится, и до конца жизни придется, большую, чем другим, маску натягивать. И потому во мне герцог не усомнится никогда, хоть из своего народа никому до конца не верит. Смешно этим гордиться? Смешно. Но я не выбирал, где родиться, а за выбор, где умереть, сам расплачусь. И будьте уверены, о помощи никого просить в голову не придет...

— Во монолог-то выдал! Нет, не зря я про плохой сон, с хорошего такие длинные не получаются... монологи. Но ничего не могу сказать, системку ты для себя разработал приличную. Со всех сторон прикрытую. Только вот что любопытно, это ты не мне все говорил, не передо мной выступал. Я-то ни о каком предательстве даже не заикался, у меня и в мыслях не было тебя в чем-нибудь упрекать. Особенно в том, что ты оказался по эту сторону. И твое право на выбор под сомнение не ставлю, оно, конечно же, у каждого есть. Но выбор этот ты не тогда сделал, когда перевал перешел, а сейчас делаешь. Не

между народами, государствами или цивилизациями, а между вещами гораздо более серьезными, которые у всех народов, государств и цивилизаций общие. И не надо лукавить с самим собой, искренне рад, что у тебя будет ребенок, но ставить от этого в зависимость собственные поступки нелепо, величием столь священного акта многое можно прикрыть, но в деторождении на самом деле ничуть не меньше гордыни и эгоизма, чем в добровольном бесплодии. Человек слишком далеко ушел по своей дорожке от меньших братьев и даже помочиться уже без определенного значения возможности не имеет. Масочку-то новорожденному заранее приготовили, верно...

— У вас нет детей. И не будет никогда. И родителей вы своих не знали. И это действительно имеет определенное значение. Для вас особенно, потому что, мне кажется, по упомянутой дорожке вы сами ушли от меньших наших братьев сильно дальше других. Но так ведь и совсем убежать можно, вопрос только: куда?

— Ах, вот ты про что... Да, родителей я не знал. И детей у меня нет. А может, ты и прав, что не будет никогда. Но оттого ни мне цена не

меньшая, ни тебе не большая. Интересный ты парень... Сам становишься на позицию тех, против кого сам же с собой и спорил по поводу предательства и права выбора.

— Мне очень тяжело с вами разговаривать. Вы опять усложняете, возвращаете меня к тому, от чего я ушел не случайно, не по капризу чувства, вернее, не только по нему. Я не могу вас убедить, да и не очень мне это нужно, но все, что вы говорите обо мне, совершенная неправда, ко мне отношения не имеющая, и ни с самим собой я не спорю, и ни с какой-то там абстрактной позицией, и меньше всего хочется спорить мне с вами. Я не кинусь вам наперерез с горящими от праведного гнева глазами. Праведность и гнев оставляю вам без всякого спора. Но свое дело сделаю достаточно профессионально, чтобы не вызвать подозрений не только у герцога, но и у себя самого. В этом вы можете быть уверенным полностью.

— Мне остается поинтересоваться: что же ты называешь своим делом?

— Нет, нет, не в вашем высоком смысле, а совсем примитивно, как и подобает столь же примитивной личности, закостеневшей в мещан-

ской пошлости. В Королевстве есть одна машина. И на нее имеется единственный механик, обязанности которого были до сих пор довольно формальными, так как, насколько вам известно, тут никогда ничего не портится, если имеет хоть какой-нибудь шанс не испортиться. И вот наконец от механика потребовалось нечто конкретное. По странному стечению обстоятельств это совпало с пребыванием в Королевстве некоего лица, желающего повлиять на образ мыслей, а следовательно, и действий механика. Но возвращаемый остался верен своему долгу. Да, уважаемый мастер Валентин, я прекрасно вижу, как вам все происходящее смешно. Но машина уйдет отсюда в полной исправности и вовремя, вовремя вернется сюда и в дальнейшем будет работать точно так, как ей положено. И ничего, связанного с машиной или со мной, вам использовать не удастся.

— Спасибо, Дани, ты был предельно четок, и вряд ли кто-нибудь на твоём месте сумел бы более доходчиво объяснить ситуацию. Если можно, ответь мне ещё только на один вопрос, он чисто теоретический. Даю тебе слово, ответ на него я никаким образом не попытаюсь, как ты

выразился, использовать. А если бы ты случайно узнал о каком-нибудь моем поступке, с твоим делом вовсе не связанном и ни к тебе, ни к машине отношения не имеющем, но направленном на достижение моих целей, отличных от целей Королевства, по крайней мере, как оно их в данный момент понимает, ты сообщил бы об этом герцогу, счел бы и это своим делом?

— Не надо меня чисто теоретически ставить перед выбором, которого я, к счастью, уверен, вполне смогу избежать чисто практически. Это не ответ?

— Это не ответ. И ни в чем ты не уверен... Вот видишь, а говорил о выборе. Право-то на него есть. Только не каждый, кто этим правом решает воспользоваться, до конца понимает, что никакой выбор не бывает единичным и окончательным, кроме выбора между жизнью и смертью, да и то не всегда. А в остальных случаях он неминуемо влечет за собой необходимость совершать его снова и снова.

Вышел я из гаража на белый свет с гордым видом, как адвокат из зала суда после удачной защитной речи. Только суду эти речи глубоко безразличны, там кивалы спят, а основной давно за-

мазан. Так что гордости я на самом деле никакой, конечно, не испытывал и про удачу свою все прекрасно понимал. Слуги ошивались неподалеку с некоторыми признаками беспокойства, но особо давить на психику пока не решались. Мы двинулись в установленном уже порядке по указанному мне направлению, но не успели дойти до места назначенной встречи, как откуда-то слева на дорожку вышла Мария в черной шали на плечах.

— Вам не пришлось меня дожидаться? Нашли свои сигареты?

— Да, спасибо. Кстати, можете не волноваться, машина будет готова в срок.

— Волноваться? Я, собственно, никогда не сомневалась в способностях механика его величества, с чего вы взяли, у него репутация безупречная.

— Ну, значит, я ошибся, просто мне показалось, что на лице вашем при известии даже о малейшей возможности задержки с отъездом промелькнуло некоторое расстройство. А репутацию механика никто под сомнение не ставит.

— Вы действительно ошиблись, расстройства не было, а вот легкое недоумение... И совсем не по поводу возможной задержки, а из-за ее причины.

— Подумаешь, накопитель полетел, в мире еще и не такие вещи случаются.

— Накопитель тут ни при чем, он как таковой никакого отношения к делу не имеет. Сами прекрасно знаете, что по эту сторону перевала ничего случайно полететь не может, вот если бы наоборот, один шанс на миллион, что деталь не сломается, а она все равно работает — это норма. А вы про случайности...

— Я бы на вашем месте так уж на абсолютность этого закона не уповал. Пусть здесь зона только положительных верояток и вы в их благодать верите безоговорочно, но удача, даже при самом широком толковании, — понятие все-таки для каждого далеко не однозначное. Тем более в ситуациях, когда завязаны интересы многих, и интересы эти могут быть совершенно противоположны. Конечно, когда тут бутерброд всегда маслом вверх падает, то все просто и для всех замечательно, а если мегере теще камень на голову упадет — факт для нее явно отрицательный, чего не скажешь о лоботрясе зятюке, ошастливленном неожиданным наследством и свободой. Жизнь сложная штука...

— Не юродствуйте, Валя, жизнь и в самом деле не так проста, как вам кажется, и, боюсь, у

вас еще будет возможность в этом хорошенько убедиться. Но насчет относительности закона никто не спорит, вернее, закон-то абсолютен, относительно понятие положительности. И даже с бутербродами не все так однозначно, может возникнуть ситуация, когда один из них как раз обязательно упадет маслом вниз. Но это будет проявление закона, а не нарушение его.

— С такой вашей логикой можно любой не соответствующий теории факт обратить ей же на пользу. А еще меня упрекали, что я сильно верующий...

— Это логика не моя, а самая обычная, примитивная, и веру вы тут приплели непонятно к чему. Закон заключается в том, что общий итог события или ряда событий по своей положительной величине должен превышать все отрицательные последствия, если таковые необходимы, сопутствующие этим событиям. Понятно?

— Не очень. А можно немного популярней, хотя бы на примере с теми же бутербродами, раз уж мы их выбрали объектом логического эксперимента?

— Эксперименты больше по вашей части. Только, к сожалению, не очень логические и не

только над бутербродами. Я в опытах не участвую. Если результат мне известен, то экспериментировать глупо и бесполезно, а если он сомнителен, то безответственно и безнравственно. Впрочем, виновата, снова занялась не своим делом... Так что вы от меня хотите услышать?

— Всего лишь инструкцию по возможному падению бутерброда маслом вниз.

— Попробую, хотя в этом случае придуманная ситуация вряд ли получится реальной и естественной. Ну, предположим следующее. Кто-то хочет уничтожить данную планету. И договаривается с сообщником, что подаст сигнал о начале уничтожения, уронив со стола бутерброд. Однако, привыкнув, что бутерброды здесь всегда падают маслом вверх, человек совершенно автоматически произнесет фразу типа; когда бутерброд упадет маслом вверх, нажмешь красную кнопку. А напарник не местный. Для него, как именно упадет бутерброд, имеет принципиальное значение. Он нажмет кнопку только в том случае, если масло окажется наверху. И тогда масло вернее всего прилипнет к полу у всех бутербродов, даже если их будет много.

— Вы сказали «вернее всего», значит, нет все-таки абсолюта в законе?

— Есть. Бутерброд обязательно упадет маслом вниз в том случае, если будет сочтено, что спасение планеты от уничтожения — бóльшая удача, чем, скажем, чистота места, на которое может упасть масло. Что произойдет, думаю, «вернее всего».

— Будет сочтено? Это кем сочтено-то?

— Валя, имейте совесть. Второй раз с вами подобное. Так вы меня скоро начнете спрашивать, в чем смысл жизни. Впрочем, нет, вы не из тех, кто такие вопросы задает, вы скорее на них ответы станете давать. Ладно, дискуссию об относительности зла и столь же животрепещущих вечных проблемах можно считать законченной? Мы уже почти пришли.

Я и не заметил за столь непринужденной беседой, как наша дорожка приблизилась вплотную к высокой изгороди из черных, тонких, очень частых металлических прутьев, образующих довольно сложный геометрический узор. Ограду еще и оплетали стебли каких-то вьющихся растений, но местами их густая сетка немного расходилась, и, приблизившись, можно было рас-

смотреть происходящее на небольшой полянке по ту сторону. И тут мне придется признаться в полном собственном бессилии. Данную сцену, то есть увиденное мной, я считаю самым важным и основным по отношению ко всем произошедшим до и после событиям. Но описать ее по-настоящему не могу. Не уверен, что в принципе это подвластно слову, но если и подвластно, то не моему. Отступить же вовсе не могу, так как иначе многое, если не все, потеряет для меня связный смысл. Потому попытаюсь, заранее признавая поражение вместе с безысходностью. Итак — прежде всего, очень яркое солнце.

Все очень. Яркое солнце. Гладкое синее небо. Ровная зеленая трава. Сбоку кусок флигеля, огромные окна, матовые стены бледно-розового камня, несколько золотистых колонн, отражающих свет, но без особого блеска.

В центре, на заднем плане, в шезлонге сидит старик. Стеганный альый халат, отороченный белым мехом. На коленях клетчатый, коричневое с серым, плед. В руках большой, лениво перелистываемый альбом.

Другой край, слева, занят небольшим прудом с тяжелой стальной водой.

По четырехугольнику, обозначенному флигелем, стариком, прудом и оградой, плавно, быстро перемещается ребенок лет восьми в белом камзолчике с алой опушкой. Темно-красные панталоны в обтяжку и низкие черные сапожки. В руках у мальчика полосатый, всех цветов радуги огромный мяч, но, видимо, очень легкий, он высоко взлетает от малейшего движения пальцев, а потом долго-долго опускается, изредка меняя траекторию под слабыми порывами ветерка. Ребенок обычно успевает поймать игрушку, но порой что-то его отвлекает, то пролетевшая мимо птица, то неожиданный всплеск воды, то луч, внезапно ослепляющий слишком высоко поднятые глаза. Тогда мальчик забывает про мяч, смеется мягким радостным смехом и с веселым изумлением оглядывается вокруг, как будто еще раз утверждая и принимая в подарок все сущее: солнце, небо, траву, воду и покотившийся к ней пестрый шар.

Но вот что-то под ногами привлекло внимание ребенка, он резко нагнулся, покопался в земле, смешно перебирая руками, в них оказалось круглое и блестящее, наверняка очень красивое. С веселым криком побежал к старику, издали

протягивая находку, заранее гордясь ею и ожидая восторгов, соответствующих своим. Старик отрывается от альбома, с явным интересом, без малейшей взрослой снисходительности рассматривает принесенное, улыбается, тоже совершенно безмятежно, губы его шевелятся, что он говорит, не слышно, но все равно ласковость и теплота чувствуется в этих словах. Гладит мальчика по голове, отпуская. Тот засовывает свое сокровище в карман и снова бежит к мячу. Звуковой фон сцены нежно смазан и тонирован.

Я сделал шаг назад, опустив перед собой занавес ограды, и обнаружил, что Мария стоит рядом и, не мигая, смотрит в соседний просвет между стеблями вьюна.

— Мы не опоздаем, как у них тут с вежливостью королей и герцогов?

— Ничего, успеем. Не правда ли, очень трогательная картина? И вот ведь чудо искусства, никакой безвкусицы, несмотря на явный перебор сахара. Сколь редко подобное чувство меры и стиля подвластно умению человека.

— Действительно, картина трогательная необыкновенно, сам хотел об этом сказать. Вы помните наш разговор о жанре? Знаете, мне

именно сейчас пришло в голову, что я наконец могу довольно точно его определить. Причем, думаю, независимо от финала и морали. Это будет «Сентиментальное путешествие».

Мария повернулась ко мне, но взгляд ее словно блуждал еще по ту сторону ограды. Странно звонко прозвучал голос, хотя был он негромок, даже чуть устал:

— Вы снова все смешали в одну кучу, великий путаник. Опять сказывается отсутствие серьезной теоретической подготовки при бездне самомнения. Стерн создал не жанр, а направление, если предположить, что он вообще что-то создал. А жанр нельзя не только создать, но даже и обозначить словами с совершенной точностью. Жанр — это явление природы, можно подойти к его пониманию и определению как угодно близко, но достичь — никогда. Каждое событие или явление относится к какому-либо жанру изначально, независимо от наших пожеланий и устремлений, мы способны только иногда верно угадать принадлежность, но никак не повлиять на нее. А направление... Что ж, тут игра ума и социального темперамента. Но даже и в ней требуется большой такт и бережное, вам не свойственное,

обращение с материалом, чтобы четко выдержать границы, хоть условные, но выработанные при помощи серьезного культурного опыта. Тонкое дело. Не беритесь за него, не советую.

— Боюсь, Мария, что вы, при всей серьезности вашей теоретической подготовки, тоже, мягко говоря, не очень строго придерживаетесь классических положений этой самой теории. Я, несмотря на возможные ошибки, гораздо более вас стремлюсь к соблюдению канонов, и хоть в старательности отказывать мне не совсем честно.

— Достаточно всего придерживаюсь. Насколько требуется. А старательность ваша школярская, гроша ломаного не стоит. Персонажи картонные, чувства надуманные, пейзажи искусственные, действие затянуто, сюжетные ходы неоправданны и нелепы, мысли пошлы и шаблонны, с претензией на умничанье, о языке мы уже говорили отдельно... Обычно такое убожество оправдывают хоть благими намерениями, так и насчет благости намерений еще очень и очень большой вопрос.

Разговор мне надоел. Меня утомило общение со Святым Старцем в таком количестве, и упрек и затянутости действия я готов был при-

нять полностью, только вот темп сейчас от меня не зависел. Мне его явно навязывали, что раздражало уже само по себе, как любое постороннее давление. А тут еще и нравоучительные сентенции при всеобщем прослушивании и двух, это только как минимум, парах глаз, ловящих каждое движение. Ладно, советчики и критики, развлекайтесь пока. Мне бы сейчас пулемет с десятком дисков, ящик гранат да механика его величества с лимузином в подмогу, я бы вам показал скорость развития действия. Но мое нетерпеливое движение вдоль ограды к воротам Мария прервала своим обычным жестом, коснулась пальцами локтя и снова повернулась к смотровому окошку во двор.

— А хотите, я вам скажу, чем все это кончится на самом деле?

— Спасибо, вы достаточно мою судьбу напредсказывали.

— Вашу судьбу... Какая чепуха, ничего я вам не предсказывала и никогда не занялась бы столь глупым делом, у вас мания величия, Валечка. Нет, я сейчас имею в виду вот эту замечательную сценку, поведать вам о ее настоящем завершении?

— Она, по-моему, достаточно совершенна и завершена сама по себе, вы ничего не боитесь испортить? Совсем недавно столь много говорили о чувстве стиля и меры...

— Потому все ваши ценности и ложны, что можете воспринимать что-то как совершенное и завершенное само по себе. А бояться испортить мне тут нечего, они без меня побеспокоятся и о стиле, и о мере. Через десять лет, перед совершеннолетием короля, герцог официально продлит регентство на неопределенный срок в связи с плохим состоянием здоровья его величества, и юноша фактически окажется под домашним арестом. Еще через два года, сколотив группу из молодых офицеров контрразведки, руководящих его охраной, король зарежет дядюшку. Сыновья его светлости, пять неглупых головорезов среднего возраста, от поначалу не очень умелых действий нового правителя успеют удрать с кучкой таких же высоконравственных приятелей и засядут на северо-западе равнины в своих цитаделях, которые уже сейчас, при всей своей бесшабашности и самоуверенности, начинают потихоньку укреплять и заполнять оружием. Горцы заявят о нейтралитете. Земляне ультимативно потребуют га-

рантий неприкосновенности капиталовложений и на всякий случай подвешат на орбите парочку линкоров. Королевство объявит о соблюдении всех внешних обязательств прежнего правительства и тут же начнет устраивать пакости с доставкой оборудования на прииски, намекая, что неплохо было бы помочь с артиллерией... Дальше продолжать или неинтересно?

— Мне, честно говоря, не очень. А вам?

Резко крутанула головой, и я снова увидел ее глаза, прищуренные, как от сильной головной боли. Я не хотел бы никогда еще хоть на миг оказаться перед такими глазами.

Через несколько минут мы подходили к главным воротам дворца. Служители в парадных плащах пропустили нас через свой торжественный строй, а на крыльце встретил дорогих гостей церемониймейстер, постоянно приседая на отставленную назад левую ногу, жутко картавя на обоих языках сразу и приятно хихикая:

— Очень рады, та-та-та... Как раз вовремя, тю-тю-тю... Его величество, те-те-те, через пару минут улю-лю... Святой Старец по протоколу проходит первым, его спутник — в двух шагах сзади и левее, почетный караул по бокам,

резких движений просьба не совершать ввиду малолетства королевского величества и чрезвычайной детской его пугливости, вопросы задавать не прямо, а через специаль...

Мария жестом, удивительно мягким и предельно вежливым, от которого картавый, однако, чуть не впился в стену, убрала говорливое препятствие с нашего пути, взяла меня под руку и провела в мгновение, как будто от испуга, распахнувшиеся очень высокие, но узковатые двери. Пройдя неспешным, хоть и решительным шагом метров десять, она двумя пальцами выудила, мне показалось, чуть не за шиворот, из-за колонны какое-то равномерное существо, цыкнула ему в ухо и опустилась на мягкую, низкую банкетку, стоящую тут же, жестом предлагая мне последовать поданному примеру. Я не успел еще толком угнездиться, с удовольствием вытягивая подуставшие за длительную прогулку ноги, как существо вернулось с крохотным подносом, на котором запотели два тонких бокала-переростка.

— Советую воспользоваться, Валентин, не Клико, конечно, но сейчас вам привередничать особо не стоит. Думаю, скоро придется обходиться и без такого. С моим отъездом уровень об-

служивания может резко упасть. Да, естественно, местное. Нравится? Вот и отлично. А теперь еще раз, последний, но это уже действительно самый последний, мой вопрос, более не будет ни одного. Никогда. Сразу после аудиенции я сажусь в машину. Вы остаетесь?

Я улыбнулся, насколько можно скромно и виновато. Мария кивнула, и мы почти одновременно поставили пустые бокалы на появившийся перед нами в ту же секунду поднос. Сбоку вынырнул пострадавший говорун, не утративший, однако, хихикающей приятности, в сопровождении четверки громил, почтительнейше нам поклонившихся. Мы встали и анфиладой довольно скромных залов проследовали в королевскую приемную.

У дальней стены, посредине, сидел на низеньком стуле с непомерно высокой спинкой уже виденный мною мальчик в той же одежде, носившей еще явные следы недавней игры в мяч. По правую руку от его величества стоял герцог, тоже не сменивший алого халата, но зачем-то напяливший чудаковатого вида островерхий колпак, расшитый золотыми звездочками. По левую руку располагались пятеро изящных юно-

шей в одинаковых черных плащах с лицами предельно корректными, но без малейшего намека на благожелательность или заинтересованность. Мария, остановившись в центре комнаты, казавшейся огромной по сравнению с предыдущими, но на самом деле вряд ли сильно превышавшей размерами средний гостиничный холл, что-то резко, быстро и громко сказала по-своему. Ее слова тут же повторил маленький человечек, которого я в первый момент даже не заметил, оказавшийся в углу, неподалеку от герцога. Король вскинул голову, прокричал в ответ чистым, звонким голосом, казалось, не остывшим еще от радостного смеха, и тут же в зал с сопением вломились два запыхавшихся гвардейца, волоча огромное кресло, кое водрузили метрах в двух перед его величеством. Мария пошла к креслу и села. Я тоже приблизился, стараясь сохранять максимально индифферентное выражение физиономии, совершенно пока не понимая, какая мне роль, собственно, отводится во всем этом балагане. Караул с каждой минутой все меньше начинал казаться почетным. Однако уже следующие слова маленького человечка на интерланге явно относились к моей персоне непосредствен-

но, хотя я еще некоторое время не мог понять, чья речь переводится:

— Вы, как представитель землян... Мы, к сожалению, не часто имеем удовольствие... Большая честь для нас... Контакт двух цивилизаций... Гуманизм...

При чем тут гуманизм, я уже совсем не понял, но в последний момент успел заметить, что тирада принадлежит ближайшему к королю черному юноше. Мне удалось уловить легкое движение его губ, прежде чем они так же быстро и неожиданно застыли, как открылись. Надо было как-то выходить из странного положения, и пришлось бормотать что-то типа, виноват, мол, видать, ошибка получилась, никакой я не представитель, то есть в смысле не официальный, а так, может, конечно, и представитель, только дело больше частное, так что какие уж тут контакты цивилизаций, спасибо, естественно, на добром слове...

По счастью, всю эту ахиною быстро прервал вкрадчивый говорок герцога, зататарившего крайне доброжелательно про то, как они бесконечно уважают Святого Старца и какие у Королевства с народом Святого чудесные, даже совсем замечательные, отношения... Но смотрел

герцог при этом почему-то только на меня, и я, слегка озадаченный таким несоответствием, не сразу уловил, когда начался другой кусок речи, в коем уже сообщалось про землянина, которого, несомненно, Старец пропустил через перевал не без самых серьезных причин. Потому как без самых серьезных причин Старец ничего делать не станет, за что Старца тут все... Ну и так далее, опять пошло про уважение и замечательные отношения. Мария тем временем изредка величественно кивала головой и бросала отрывочные реплики, то ли благодарственные, то ли снисходительные, местные интонировки я так различать и не научился, а в значении выражения лица этой женщины ошибался уже столь часто, что и не пытался более определять. Вдруг все замерли, совершенная тишина, и только двенадцать пар глаз уперлись в меня, хоть с различной долей заинтересованности, но достаточно пристально. Я догадался, что должен отвечать на какой-то вопрос, и даже, оказалось, сумел уловить примерный смысл этого вопроса, потому начал довольно косноязычно распространяться о своих чистейших побуждениях. Мы, говорю, против властей не бунтуем, хотя меня вроде как

и доставили, но, с другой стороны, получается, будто и сам пришел, так как знал, куда иду, и имел выбор... Но опять меня прервали, на сей раз я сразу заметил, что заговорил юноша второй слева, потому что он еще и жестикулировал, а тем временем один из гвардейцев дружески положил мне руку на плечо и поинтересовался негромко, самым разлюбезнейшим тоном:

— Слышь, старик, ты куда ствол-то заховал?

Я еще и дернуться не успел, а уже снова ввязался герцог, и снова обрыв, тишина, глаза — в меня, и снова мое лопотание, ну что вы, что вы, говорю, очень любезно с вашей стороны, да откуда у меня здесь близкие друзья и знакомые даже, в Королевстве, ведь сами знаете, до сего не бывал, на планете всего несколько дней, в свое время, правда, в городе встречал кой-кого из ваших, замечательнейшие ребята, ничего сказать не могу, но не слишком, понимаете ли, общительные, да я и сам, по чести сказать...

Но это я уже ваньку валял сознательно, пытаясь хоть как-то контролировать ситуацию после того, как до меня наконец дошел смысл всего этого представления. Ведь надо же, специалисты,

из королевской аудиенции устроили самый обычный перекрестный допрос! Ну, если честно, про «самый обычный», тут я больше от раздражения, допрос, конечно, на высшем уровне профессионализма, даже блистательный, можно сказать, допрос, и далеко не уверен, что они меня кое в чем не раскололи на вазомоторных реакциях, пока я поначалу ушами хлопал.

Особенно много времени, однако, мне на обдумывание данной проблемы не дали, мальчонка неожиданно проворно вскочил и тоненько заверещал Марии в лицо, делая явную попытку улыбнуться. Но улыбочка как-то все соскальзывала на сторону, ребенок махнул рукой, то ли в раздражении от неудачного лицедейства, то ли в знак прощания, и выбежал в крохотную дверцу, оказавшуюся в левом углу. Правда, мне показалось, что уже на бегу он адресовал три или четыре слова в мою сторону. Но если бы я их даже разобрал до конца — толку чуть, а то ведь ни одного звука не расслышал. Мария встала, кресло из-под нее мгновенно утащили, и мы тем же порядком, что прибыли сюда, двинулись назад. Черета комнат, с трудом работающих под залы. Крыльцо. На нем шарахнувшийся в сторону (па-

мятливый, стерва) церемониймейстер. Торжественный строй служителей. И вот мы уже у главных ворот, где, не подвел механик его величества, дожидается Святого Старца обещанный лимузин.

Шофер бросился открывать дверцу, а Мария резко повернулась ко мне и вдруг с широкой искренней улыбкой протянула руку. Видел кто когда что-нибудь подобное? Для пожатия руку протянула, самым обычным образом, ладошкой чуть вверх и большой палец оттопырен. И притом совершенно непринужденным тоном заявляет:

— Всего вам самого доброго, Валентин, счастья и удачи в любых делах!

Я, конечно, человек воспитанный, ручку даме пожал приличнейшим манером и глазом не моргнул, только так, поинтересовался, как насчет погоды в прошлый вторник, какой же это, любопытно, удачи мне желать может Святой Старец и в каких делах, если я со всеми своими целями, если память не изменяет, Старцу в крайней степени чужд и неприятен? И не я ли так долго пытался убедить Старца дать мне шанс воспользоваться желаемой удачей и разрешить миновать

перевал без обязательного рандеву с контрразведкой? Мария улыбку свою превратила в серебряный смех и ладошку мягко из моей освободила, забыл сказать, что все это время я, вроде как от удивления, пальчики-то не разжимал. Ответствует:

— Шуток вы, Валечка, не понимаете. И женской природы тоже. А туда же, мировую нравственность поправлять собрались. Я к вам со всей душой, а вы ворчите...

— И когда же вы, женщина с натурой и душой, шутить изволили, на перевале или только что? И что мне еще за шутку принимать и от кого каких ждать?

— А я всегда шучу. И шутила. И ждать вам ото всех, и всяких, и всегда.

Что она умела, так это настроение поднять. Вот с поднятым настроением я ей и кланяюсь, не очень низко, но отчетливо, тут недавно кто-то и что-то, говорю, о контактах цивилизаций обмолвился, сам я, конечно, не специалист, но весело, наверное, устанавливать контакт с цивилизацией сплошных шутов. И получаю:

— Ладно уж, шутов... Сами-то сплошь фарисействующие пуританские волхвы.

От такого сэндвича я чуть не поперхнулся как, как, переспрашиваю, фари?..

— Вот и я говорю, что шуток не понимаете, Ну, привет, мыслитель, пора мне.

И укатила. Еще бы постоял у дороги, посмотрел с тоской вслед уехавшим и погрустил, размышляя о тайнах душевных причуд, заставляющих нас улыбаться улыбкой чужою, но тут меня довольно-таки чувствительно взяли за руку, и я окончательно понял, что мой почетный караул почетным перестал быть совсем.

Гвардеец, голос которого уже знаком мне по аудиенции, я тогда не успел даже удивиться, как это простой солдат может так свободно по-нашему изъясняться, изложил правила поведения землянина (хорошо, не сказал подследственного или заключенного, хотя я тут хорошее начинаю искать совсем от безрыбья) на ближайшее время. Они довольно просты и сводились в основном к понятию «не рыпаться». Взяли упомянутого землянина в правильный квадратик и повели. Да, кончились, думаю, светлые денечки, ненадолго ихнего гостеприимства хватило, запрет теперь куда-нибудь, гады, воды не допросишься, а я, дурак, за последним обедом такой

кусочек вырезки оставил... Тоска взяла, в пору и правда за машиной вслед бежать, лояльность доказывать да обратно проситься. Но, как ни странно, тоски на один миг хватило, уже успел подметить за собой, что она у меня для других, вовсе на самом деле не подходящих случаев. Да и доставили болезного не в ожидаемую кутузку, а назад, к резиденции. Препроводили в знакомую комнату, даже внутрь не вошли, только дверь поплотнее прикрыли и за ней, как я расслышал, довольно основательно расположились.

Изображая внутренний протест, я плюхнулся на кровать не снимая ботинок, и тут же заговорил селектор, без всякого намека на предварительный вызов, явно тем показывая, насколько значительная часть церемоний упразднена с отъездом моей, хоть и относительной, а все-таки покровительницы. Впрочем, вкрадчивости голос герцога не потерял. Мне сообщалось, что его величество официальной частью удовлетворен, выражает землянину свою благосклонность, а дальнейшие контакты уполномочен вести его светлость, для коих он и прибудет минут через тридцать, необходимых, чтобы отдохнуть. Кому необходимо отдыхать, не уточнялось, так же как

согласия на назначенный срок у землянина не спрашивалось. Отбой. Я посмотрел на селектор с малой приязнью, но желания свои тут же подавил, расходовать время на глупости для меня сейчас слишком большая роскошь.

Схватился за браслет. Моня и Пол не отвечали. Но тут я, честно говоря, особо и не рассчитывал, набрал коды больше для очистки совести, хотя как только слова эти мелькнули на кромке сознания, сразу же понял, насколько я по отношению к ребятам далек и от понятий совести, и от ее очистки. Вызвал тетушку. Молчание. Код Чепы. То же самое. Набор по срочной центральной узла планетной связи:

— Девушка, мне нужно немедленно дать открытый аварийный вызов по коду...

— Простите, пожалуйста (медлительна, паршивка, настолько же, насколько и ласкова), но вы, видимо, или забыли, или еще не познакомились с инструкцией семнадцать — сорок, согласно которой, в связи с участвовавшими случаями хулиганства и необоснованного вмешательства в личную жизнь граждан, право на открытый аварийный вызов предоставляется исключительно прямым родственникам

вызываемого и приравненным к ним лицам, а также в специально оговоренных случаях по личному письменному заявлению абонента. Вы или ваш случай могут быть упомянуты в таком заявлении? Если да, то назовите код вызываемого, я проверю.

— Вряд ли, я недавно на планете, но случай действительно чрезвычайный, человек находится в опасности, не могу с ним связаться. Проверьте, по крайней мере, исправность прохождения сигнала, не подсоединяйте меня, дайте хотя бы свой собственный технический проверочный открытый вызов и сообщите мне о результатах. Девушка, я не шучу, речь идет о жизни человека, он в горах у перевала, там не до правил приличия!

— Искренне сожалею, но ничем не могу помочь. В самом деле, недавно было зафиксировано непрохождение сигналов как раз в районе перевала, но сейчас вся связь на планете работает в идеальном режиме. Никаких более действий по вызову абонента я самостоятельно предпринимать права не имею. Если же ситуация столь серьезна, свяжитесь со спасательной службой или административной полицией. Если они сочтут ваши аргументы убедительными, то наша станция полу-

чит от них необходимые указания и примет все возможные меры. Дать их код?

Я невежливо отключился без благодарности и вызвал Блума. Хотя он ответил моментально, а то у меня уже возникло ощущение ирреальности происходящего. Может быть, потому в голосе моем промелькнула вовсе неуместная радость.

— Наконец хоть с кем-то связался! Блум, у вас нет никаких сведений о Чепе? Он не отвечает на вызов. А с открытым аварийным теперь, оказывается, куча сложностей, я не знал, связистка тут целую лекцию прочла.

— На вызов не отвечает? Что ж, это с Чепом иногда случается, а в последнее время даже частенько. Годы... Не причина для паники, Валентин.

— Может, само по себе и не причина, но Чеп сегодня утром не спустился к машине с Динами. Они сказали, он зачем-то остался на промежуточной стоянке. По личным делам. Какие у него могут быть в горах личные дела, бред.

— А где стоянка у вас была, до или после танцующей трещины?

— Если вы имеете в виду ту щель, через которую мы без страховки прыгали, то при спуске

наш промежуточный лагерь окажется не доходя трещины.

— Ту, ту, она одна такая. И сильно не доходя?

— При подъеме мы от трещины до стоянки часа три добирались, сколько времени это при спуске занимает, я не знаю, но судя по скорости возвращения Динов, столько же. Вы можете кого-нибудь послать в тот район из своих людей?

— Они уже садятся в машину, потому я и уточняю место. Но хорошо бы еще попросить о помощи братьев, они теперь по перевалу главные специалисты.

— Хорошо бы, только в том-то и дело, что они тоже не отвечают, ни они, ни тетушка. Я и по этому поводу к вам с просьбой, у летунов какая-то заваруха, насколько мне известно. Боюсь, Дины вмешались всерьез, вы ничего не слышали?

— Да, там как будто постреливают еще пока. Правда, после смерти Стива уже потише. Жалко мужика, независимо ни от чего он был личностью. Ты его знал?

— Плохо. Виделись как-то раз. Но, мне кажется, именно эту смерть Дины и восприняли очень близко к сердцу. Их, по-моему, не простые

отношения с Лаевским связывали, я очень беспокоюсь, Блум, помогите, пожалуйста, чем можно.

— Тут у всех непростые отношения. Я, конечно, попытаюсь что-нибудь выяснить, хотя после этой, как ты выразился, заварухи мои связи с летунами сильно ослабли. Но так до конца и не пойму, о каких Динах говоришь, с братьями ясно, обычное дело, но тетушка давно во всех вопросах держит принципиальный нейтралитет, откуда ты взял, что ей может грозить какая-то опасность?

— Тут дело не совсем обычное, и про опасность я не с потолка взял. Чуть более трех часов назад тетушка выехала со своей фермы в сторону юго-западного шоссе. В тот момент браслет ее работал исправно и отключать его она не собиралась. А Пол с Моне́й тогда же направлялись по этому шоссе в город.

— Ладно, теперь мне кое-что ясно. Попытаюсь прояснить картину. У тебя есть еще какая-нибудь информация о Динах и Чепе, что может мне пригодиться?

— Пожалуй, больше ничего. Только один вопрос. Когда Чеп расставался с братьями на стоянке, он просил их передать мне что-то вроде кода

или шифра, состоящего из слова и двух чисел, однозначного и двузначного. Но я совсем не представляю, к чему это может относиться, мы с ним ни о чем подобном никогда не говорили. Дины тоже были не в курсе, у вас нет каких-нибудь предположений?

— Какое слово-то и какие цифры, что я могу так предполагать втемную?

— Простите, Блум, но у меня нет полномочий распространяться, откуда мне известно, что Чеп от меня хотел и какое значение тому слову придавал?

— Подожди, подумаю. Не Агасфер случаем?

— Точно. Значит, никакого секрета тут нет?

— Секрет как раз есть. Это шифр личного сейфа Чепы в центральном банке, слово постоянное, а цифры он менял после каждой новой закладки.

— Спасибо, Блум, хотя не знаю, чем мне это поможет. Или Чепу. Когда с вами связаться, чтобы зря голову не морочить?

— Я сам дам знать, как только что-нибудь выясню.

— Да, понимаете ли, у меня здесь ситуация, могу быть несколько занят...

— А-а, вылетело из головы, где ты сейчас находишься. Хорошо, тогда выходи на связь, когда тебе удобнее. Попытаюсь получить информацию побыстрее.

Блум отключился, и я тут же вызвал дежурного управляющего центрального банка. Он выслушал мою просьбу и соединил с оператором зала личных сейфов.

— Скажите, какое право дает владение шифром Агасфер шесть — тридцать два от секции, абонированной господином Чепменом, земляником, пенсионером?

— В данный момент никакого, кроме того, что вы можете потребовать вскрыть названную секцию и узнать ее содержимое, если ничего противоположного не оговорено находящимися там документами с официальными указаниями хозяина.

— Тогда откройте, пожалуйста, сейф, и если можно, побыстрее.

— Не волнуйтесь, мы вас не задержим, сейчас сверюсь с таблицей. Да, все правильно, шифр соответствует названной секции, один момент... Полный порядок, тут находится только один документ. Зачитать?

— Зачитайте или, если это долго, давайте своими словами.

— Весь стандартный бланк читать действительно долго. Обычная генеральная доверенность, данная господином Чепменом на имя некого Валентина Белофа, с перечислением всего, что может делать Белоф от имени Чепмена. Ни сроком, ни какими другими оговорками доверенность не ограничена, А Белоф — не вы?

— Я. Никаких указаний, зачем выписана доверенность, там больше нет?

— Нет, тут только один документ. Ну, что касается нашего банка, на вопрос зачем, я могу сразу ответить. У вас браслет установленного образца?

— Да, номер зарегистрирован через административную полицию.

— Тогда мы можем прямо сейчас идентифицировать вашу личность и, согласно доверенности, обязаны сообщить код банковского счета господина Чепмена, после чего вы вправе производить с ним любые операции, перевести имеющуюся сумму на другой счет, вложить ее куда-нибудь и так далее. Будете заниматься сразу, тогда я свяжусь с отделом проверки, это очень быстро, с минуту.

— Нет, спасибо, пока не надо. Скажите только свой личный код. Благодарю.

Снова по срочной вызываю центральный узел планетной связи:

— Девушка, если необходимо дать аварийный открытый вызов, лица, имеющие генеральную доверенность от абонента, приравниваются к прямым родственникам?

— Так, секунду... Да, генеральная доверенность предусматривает такой случай.

— Вот прямой код оператора зала личных сейфов центрального банка. Только что он познакомил меня с генеральной доверенностью, находящейся в сейфе абонента и выданной на мое имя. У меня браслет установленного образца, зарегистрирован в полиции. Какие еще данные от меня требуются для вызова?

— Давайте ваш код, код абонента и шифр сейфа с доверенностью. Ждите, сейчас все сверю. Когда регистрировали браслет? Так, порядок. Предоставляю открытый аварийный канал на три минуты, потребуется больше — сообщите дополнительно.

Я рванул красное звено браслета и заорал как в пропасть, вызывая Чепа. Но, не докричав и

первого слова, понял, что все бесполезно, на том конце связи было не просто тихо, там совсем ничего не было, даже тишины.

Связистка та же.

— Девушка, проверьте, предоставленный вами канал не работает и в открытую.

— Не может быть. Наверное, ваш абонент слишком крепко спит, покричите громче или дайте специальный зуммер, у него такой мерзкий тон, что и мертвого поднимет. Если ваш браслет последнего образца, то это через звено от аварийного.

— Деточка, поверь мне, я с браслетом умел обращаться, когда ты еще в школу ходила. Канал в открытую не работает! Иначе бы я сам что-нибудь слышал!

— А не мог он снять браслет и куда-нибудь засунуть, под подушку, например, чтобы уж точно никто не мог помешать спать?

— Миленькая, тебя с этим «спать» заклинало. Ты слышала, чтобы какой-нибудь нормальный человек клал браслет под подушку? Но я слишком хорошо знаю, как звучит открытый канал, даже если браслет в суп опустить, там фон совершенно другой, а сейчас у меня он мер-

твѳй, проверь связь, умоляю тебя, я же не просто так...

— Хорошо, хорошо, не надо волноваться, я попытаюсь, что могу... Выхожу на службу технического обеспечения, они уже проверяют. Подождите, все выясним, да... да... Нет, связь работает нормально, передача по аварийке четкая. Дадим контрольные отражающие сигналы. Странно. Очень странно. Простите меня, но вы оказались правы. Только дело не в связи. Не работает аварийный прием, блок в браслете вашего абонента. Чего быть не может. Значит, его нет.

— Чего не может, чего нет? Что там тебе техники говорят?

— Техники больше ничего не говорят. Я остальное сама знаю. Хотя при вашем первом знакомстве с браслетом в школу и не ходила, но на станции, между прочим, больше пяти лет работаю и из них два последних на Доске почета вишу...

— Да не обижайтесь вы, объясните толком, сами же видите...

— Вижу. Ситуация хоть и не обычная, но не очень сложная. Аварийный блок браслета не может не работать, если он существует хоть в

каком-то виде. А раз он все-таки не работает, значит, его попросту не существует вовсе.

— Что за чепуха, у этого блока бешеный запас надежности.

— Запас, конечно, есть, но он тоже рассчитан на стандартные ситуации, а если браслет специально под пресс положить или с километровой высоты кинуть...

Короче, девушка меня успокоила. Я опять набрал по очереди Пола и Моню. Молчание. Тетушку. Молчание. Блума, чтобы сообщить о попытке связаться с Чепом. Нарвался на автоответчик: «Господин Блум занят, можете продиктовать необходимое, записываю...» В нескольких словах изобразил про доверенность и аварийку и отключился. Во рту какая-то мерзкая сухость, языком сегодня явно переработал, хоть бы передышку небольшую в этой говорильне, дождутся они у меня, взорву тут все к чертовой матери, а на суде откажусь отвечать на вопросы, во смеху-то будет...

И тут, идеально угадывая мои желания, как хорошая жена после золотой свадьбы, явился герцог. То есть сначала вежливо ввалились два гвардейца, даже стукнули раз в дверь для приличия,

правда, дожидаться разрешения сил уже не хватило, мягко посоветовали принять хотя бы сидячее положение и в позах, идиотически сочетающих крайнюю непринужденность с предельной напряженностью, замерли по бокам предложенного мне кресла. Вот после этого его светлость и осчастливили. Сидите, сидите, говорит, эдак совершенно демократично и почти отечески, правда, после того, как окончательно понял, что я не собираюсь и пальцем пошевелить. И тут же утонул в подушке напротив, я даже не заметил, как гвардейцы специально ее на стальной грибок табуретки положили, любит, видать, старичок мяконецкое, аж сощурился от удовольствия, запел нежно, ласково:

— Вы на нас, господин хороший, обиду не держите — чем можем, так всей душой. Народ, правда, простой, особых тонкостей не знаем, так ведь сами особо в калашный ряд и не суемся и в сферы высокие не лезем. Люди мы домоседливые, по гостям много ходить не любим, да и к себе, честно говоря, сильно никого не заманиваем, ну уж если оказался кто, что тут поделаешь, милости просим, коль дело такое срочное, а может, тайное, а может, человек всего-то прогулять-

ся захотел, да заплутал по дороге, и занесло человека бедного совсем не туда куда-то...

Я твердо решил, что дам себе отдохнуть от речей настолько, насколько это будет возможно, и потому с самым почтительнейшим видом внимал светлейшему, изображая высшую степень внимания и полное отсутствие даже помыслов о возможности прервать такую замечательную речь малейшим звуком. К тому же, правда вяловато, но пытался все же одновременно сообразить, как много этой лисе известно и стоит ли совсем откровенно дурочку валять или попытаться поиграть, пусть и относительно, но в честные игры. Герцога, однако, моя нынешняя позиция, видимо, в любой форме не очень устраивала, потому он тон слегка изменил, слегка, но так, чтобы у собеседника насчет изменения и крохотных сомнений не осталось. Даже откачнулся на подушке.

— Так, говорю, может, занесло бедного человека совсем не туда куда-то?

— Ваша светлость, я ведь тоже без особых затей, Святым Старцем был предупрежден заранее и ему все сразу же рассказал, как на духу, без утайки. Ни путешественником, ни гостем себя не изображал, это уж вы от щедрот ваших, и

аудиенция, и кормежка по высшему разряду, тут только благодарность моя великая, но я своего места не забываю. Поначалу хотел, врать не стану, с перевала совсем другой дорогой, и в Королевство не собирался, но если такие порядки, что ж поделаешь, я с полным пониманием и готов всяческие разъяснения дать, только о таком же понимании со стороны его светлости просить нижайше осмеливаюсь. А коли что не так, власть ваша, вы это и сами прекрасно понимаете.

— Да уж, что власть наша, тут и разговоров нет. Но не все чужую власть понимают правильно, не всегда она должным смирением в сердце отзывается.

— У меня с должным, я оттого и живой еще пока, что с должным.

— Боюсь, как бы не от лукавства, зачем упрекать попусту, повода не было, а от заблуждений искреннейших, не то под истинным смирением разуметь можете. Но тут на помощь всегда готов прийти, если ответное честное стремление увижу, разобраться в чем или пояснить, а вдруг, не в личной ли жизни какие сложности? Оно ведь всегда надежней и основательней, когда именно в личной.

— На добром слове спасибо, но в личной как раз полнейший порядок. А помощь и разобраться с разъяснениями, так не то что честное стремление, а просто единственная в том цель моя и состоит, с которой и потревожил.

— Ну что ж, если личного и впрямь нет, тогда, видать, правда помыслы высокие ум тревожат, но хорошо ли понимает господин хороший, что ответ за высокие помыслы уже совсем другой идет, и если в своих делах и большая корысть прощается по слабости природы человеческой, то в общих и самая малая ложь виной великой ложится? Не запугать пытаюсь, но остеречь неосторожного.

— Ваша светлость, мне время драгоценное такого человека занимать попусту совесть не позволяет. Я помочь хочу, и в таком деле, где корысть или ложь усмотреть трудно. С теми, у кого корысть явная, с хозяевами приисковыми, к примеру, вы давно, по доброй ли воле, не скажу точно, но без сильной муки душевной миритесь, потому как у них сила и богатство. А я нищий и без оружия пришел, меня на перевале и то зря обыскивали. Вашей помощи, конечно, тоже прошу, вернее не так и помощи, как разрешения боль-

ше, но и сам головой не чужой рискую изначально. Из ваших ведь никто на плато не пойдет, ни сам, ни под страхом, думаю, любим великим. Табу не просто так наложено, да и не один год ему, успело каждому в кровь войти с малолетства, вот и выходит, не лишним я буду.

— Прямому разговору рад и за прямизну простить готов многое, даже слова досужие про смирение без муки душевной с силой и богатством приисковыми. Но то наша душа и наши муки и не станем об этом более. А вот что табу не просто так наложено, это, смотрю, сами хорошо понимаете, так к чему жертву лишнюю предлагать, о коей никто не просит? И про риск своей головой не я сказал.

— Ну а то уже моя душа и мои муки. Но вреда во мне заподозрить трудно, а пользу принести могу и обратно с плато мимо вас не денусь никуда, а провожатых дадите, так и совсем мне из воли вашей не выйти никак.

— Заподозрить трудно, говорите, господин хороший, ну-ну... Только заподозрить всегда легко, не в том дело пока. И с провожатыми вопрос отдельный. А вот насчет пользы, не пойму толком, нам-то она каким боком?

— Да я понимаю, что живете не тужите и от добра добра причины искать не имеется как будто. Но и я вроде как к вам с добром, а вы сразу верить не желаете, разобраться сначала требуется, узнать, что там внутри. Без знания доверия не получится, а значит, и спокойствия тоже. Так от чего же бóльшая польза, чем от знания, да еще не своей кровью добытого, а с открытым сердцем дареного?

— Тут бы другой раз поспорить, я-то мыслю, что своей кровью, оно как раз полезней, но это и правда не ко времени нынче. А теперь так получается, вы, господин хороший, осчастливить нас знанием желаете, за-ради нашего спокойствия, чтобы мы не дергались особо, переживая, как это все так хорошо выходит, а вот почему хорошо, никто не ведает и оттого боязно?

— Можно и так, а можно и немного по-другому сказать: знание — оно не деньги, не убывает, когда отдаешь. И все оказываются осчастливленными, что дарящий, что одариваемый. В гордыне своей, как и в корысти, умерен я вполне и не на благодарность даже с надеждой уповаю, а лишь на доверие, и не слепое, а самое зря-

чее. О провожатых уже говорил, или что другое придумать можно...

— Провожатых? Ну что ж, без провожатых-то в любом случае не деться, боюсь, никуда. Да и другое придумать можно, это правда... Ладно, милый человек, прошение, считайте, вами подано, а нами принято, без писанины лишней, что там, что там, мы же не крючки какие канцелярские... Его величество все рассмотрит и решит. Непременнейше решит. У нас, знаете, с такими делами строго, регентство, конечно, и прочее, но без монаршего повеления ни-ни, не положено... Но и тянуть, что ж тянуть, я загляну вскоре, через часок там или немного более, а загляну...

Герцог вскочил на удивление резвенько и засеменял к двери. Даже насчет «сидите, сидите» не обмолвился, вовсе взгляда более в мою сторону не кинул. Имеется что-то эдакое в старичке все же, грех было бы не отметить, имеется...

Гвардейцы расслабились, с шумным удовлетворением вздохнули, как после тяжелой, но отлично выполненной работы, и оставили меня одного. Я тут же снова переместился на койку, уж очень она своими формами прельщала. И в

который раз за сегодняшний день попытался пробиться по четырем номерам. Три молчали, у Блума по-прежнему работал автосекретарь. Справочная ответила, что действительно Мария Стар значится в общем списке, и дала код. Связался со Старцем.

— Да, спасибо, Валя, добралась нормально. Как там у вас дела, не съели еще без моего покровительства под луковым соусом «мадонна»?

— Ничего, нормально, пока фаршируют. Извините, у меня к вам что-то вроде просьбы, но неожиданно оказалось, что я могу и хорошо заплатить за ее выполнение. Один из тех, что шли со мной по горам, вовремя не спустился с перевала, и его браслет не реагирует даже по открытой аварийной. Могу примерно указать место поисков, вы бы не послали туда своих ребят, как можно быстрее?

— Можно и быстрее. Это не Чепмен пропал случайно?

— Он. Случайно. Вы что, знакомы с ним?

— Больше наслышана. Как только поднимемся на перевал, сразу же вышлю группу. А сколько вы реально готовы заплатить? Извините за меркантилизм, я бы и так помогла, но сами

сказали, что разбогатели, а нам правда деньги очень нужны.

— Сколько нужно будет, столько и заплачу, сейчас дело не в этом, поспешите, пожалуйста!

— Хорошо, хорошо, говорите, где искать. Так, понятно, но это довольно далеко от перевала, даже для моих мальчиков около суток. Придется сразу их отправлять, хоть скоро сумерки. Ладно, у вас ко мне все на сегодня?

— Еще всего один вопрос. В конце аудиенции перед самым уходом король сказал в мою сторону несколько слов, вы их случайно не расслышали?

— Что-то у нас опять сплошные случайности. То у вас, то у меня. Случайно расслышала. Но вам это и без меня переведут в самое ближайшее время, будьте уверены.

— А с чего такая уверенность, сразу же не перевели? Или не успели?

— Ну, когда переводить, они сами решают, и, между прочим, не плохо, в контрразведке хоть и несколько традиционными методами работают, но довольно профессионально, сомнений никаких. Закон не терпит отступлений — слова короля должны обязательно дойти до того, кому они адресованы, какими бы ни были.

— Неужели любимым словам маленького мальчика придается такое значение?

— Вы, как всегда, ничего не поняли. Это слова не мальчика, а короля, ясно?

— Нет. Он что, так же король, как вы Святой Старец, тоже живет наоборот?

— Нормально живет. Получше вас. И со мной никакой аналогии, я являюсь Старцем потому, что я — это я, а он — сначала становится королем, и уже оттого он — это он. Вы опять забыли, в какой зоне находитесь? Теперь все? Тогда привет!

Ну вот. Что я еще могу сделать? То есть не надо, конечно, сделать я много чего могу, но для того требуется не валяться на роскошной койке, слушая в безысходной меланхолии сопение гвардейцев за дверью и забавляясь с браслетом, а резко перестраивать жанр на ломовой боевик без жалких потуг на философию и, не думая больше о погрешностях стиля, уходить в сторону взлетной, захватывать катер, короче, вести себя нормально, как ведут люди, уже натворившие то, что натворил я, и действительно желающие хоть что-то исправить. Если осталось, что исправлять. Самое мерзкое — именно я никуда сейчас ухо-

дить не стану, а буду послушнейше ждать высочайшего решения своей судьбы и даже с койки не поднимусь, пока есть хоть какая-то возможность. А все же интересно, сколько мне дадут отдыхать? И зачем герцогу вообще потребовалась эта пауза, все равно не поверю, что он пошел докладывать королю, тем более советоваться с ним, о каком бы великом королевском даре этого ребенка Мария ни говорила. Зона зоной, а у старого контрразведчика должны быть более серьезные причины для растягивания удовольствия, особенно если это удовольствие — общение со мной. Машину ждет? Может, он машину ждет? А кому какое дело, может, он машину ждет... Машину-то он, конечно, ждет, не на пони же меня транспортировать, кстати, через сколько она должна подъехать, час, полтора? Ждет, это понятно... Но к антракту отношения не имеет, тут другое... Информацию он должен скорее ждать, чем машину. Или передавать. Если передавать, то тоже для уточнения, а значит, потом опять ждать. Не указаний же? Да нет, какие указания... Все-таки информация... Но от кого и какая? Доктор-стукачок дешевенький... с ним все понятно, да что он нынче может ново-

го... нет, другое, тут другое, и с другого конца заходить требуется. Главное, поверил ли герцог, что я искренне хотел его убедить или что хотя бы еще надеюсь убедить пропустить меня на плато? Вряд ли. Ой, вряд ли! Тогда что ему мешает прямо сейчас спеленать меня на всякий случай, дожидаться машины и... Стоп. Вот она к чему приводит, дилетантская логика. Ведь сколько раз напоминали — здесь профессионалы, да еще с традиционными методами. При чем пеленание, с ним спешить действительно совсем некуда, а вот почему меня давно по-простому не зарыли под одним из кустиков с красно-белыми цветочками? Браслет. Маячковый сигнал. И все-таки подлюга доктор. Когда он тут был, вчера? Как раз больше суток прошло с начала блокады сигналов в районе гор. Операторы в полиции меня потеряли, и герцог об этом знает! А наблюдение за направленными сигналами с этой стороны от перевала наверняка ведется через приисковые ретрансляторы. Кому же из связистов доктор сейчас горлышко осматривает? Я набрал коммутатор приисков и попросил соединить с постом Б-одиннадцать. Хорошо бы память не подвела и нумерация постов не изменилась. Не подвела

и не изменилась, ответил дежурный по ретрансляционной станции. Я зашипел как можно естественней, еще и всхлипывая:

— Старик, у нас тут обрыв на пятой клетке, где эта чертова клистирная трубка, чтоб ему сдохнуть, тут ребята погибают, а эту гадину вредную никогда...

Дежурный ойкнул от неожиданности и заорал куда-то в сторону: «Доктор Ки! Доктор Ки!» Но я не стал ждать результатов своей милой шутки и дал отбой. Вытянулся с удовольствием и наслаждением на покрывале и даже чуть по головке себя не погладил от умиления — умница все-таки, хоть в одном, а точно попал, куда надо! И тут же почти поднятой для поглаживания ручкой по этой самой головке себя не очень ласково и шлепнул. Они же меня сейчас перетрясут, как матрас с клопами! Я заметался по комнате, то есть, конечно, заметался бы, если бы не топтуны за дверью, а так пришлось ограничиться тем, что закрутить головой с большой скоростью, одновременно снимая тихонечко ботинки и расстегивая швейцарский браслет.

И я действительно еле-еле успел натянуть обратно ботинки и затаить дыхание, участивше-

ся после столь резкого броска с кровати и назад, как в комнату ввалился герцог с парочкой в штатском. Вот уж поистине: «Ни мне здравствуйте, ни тебе спасибо». Плюхнулся на свою подушечку и начал руководить. Наконец они свой профессионализм в полной мере и проявили. Что меня из одежды в секунду вытряхнули, прокрутили пару раз, как барашка на вертеле, носочки, цепочку, браслетик, колечко — в кучу и волосы гребеночкой, это еще ничего особенного, хоть и не придерешься. А вот когда комнатой занялись, тут в самом деле любо-дорого посмотреть. Я такого скоростного виртуозного шмона даже на третьей перевалочной не видел, когда нас брали ребята из спецотряда Большого арбитража. Минут десять прошло, ну может, чуть больше, а вокруг живого места уже не осталось. Герцог вскочил, ножкой притопнул, цыкнул неприятнейше и, так за все время на меня даже взгляда не кинув, умчался, а с ним его компания и мои шмотки до последней ниточки. Пришлось завернуться в простыню, не южный берег Крыма все-таки, да и правил приличия, несмотря на эти местные хамские выходки, никто пока не отменял, и принять прежнее горизонтальное поло-

жение, однако на сей раз уже с полным моральным правом. Не рассиживать же или тем более не расхаживать в простынке на банный манер, нелепо получится и чуть ли не оскорбительно для представителя земной цивилизации... Ну, я им, дешевкам, покажу представителя! Они у меня этот стриптиз не раз припомнят.

Но все потом. И так. На чем мы остановились? Доктор был на ретрансляторе, значит, выяснил, что направленный сигнал с этой стороны перевала на городской полицейский пульт поступает. Но на ретрансляторе нет дисплея с координатной сеткой, поэтому, откуда точно он поступает, док определить не мог. И тут герцог, обозленный, что у него из рук уплывает замечательный шанс спрятать концы в воду, так неожиданно и так ко времени появившийся с сообщением дока о потере сигнала шанс, кинулся ко мне с последней надеждой не найти у меня маячка. И мечтал не найти, мало ли кто вдруг еще может из зоны направленный подавать, но и боялся не найти не потому, что нету, а потому, что искал плохо, вот и перетряс все до тряпочки. Замечательно перетряс. Только когда начинают примешиваться чувства, особенно обозленности

и надежды, это уже не профессионализм. Зря вы, Мария, меня ихними талантами запугивали. Да и в подкорке у герцога все-таки больше было «не найти», а искал, отсюда разлад с самим собой, нервы... Не вышло из его светлости принцессы на горошине. Хотя тут я уже грешу на старика от раздражения. Не стоит повторять его ошибок с нервишками. Тонкую полоску, в которую превращается растянутый швейцарский браслет, и принцесса вряд ли обнаружила бы, особенно когда полоска засунута под столь мягчайшую и прекраснейшую подушку. В таких именно нежных словах я о подушке герцогской и подумал, уж очень она меня выручила. Сполз тихонько, забрал браслет, пристроил на кровати между матрасом и спинкой в изголовье, пусть под рукой будет, а повторного обыска бояться нечего. Во-первых, они самонадеянные, в качество своей работы верят, а во-вторых, самое главное, искать маячок больше не надо, его в стандартном браслете обнаружат. Не сразу, конечно, это дело кропотливое, я немного в курсе, да и вскрыть схему, администрацией plombированную, тоже надо аккуратненько, чтобы потом без претензий, но найдут, обязательно найдут маячок, потому

что если и на это их сообразительности не хватит... Впрочем, если не хватит, вот тогда меня и зареют под кустиком. В данном случае требуется молиться именно за их сообразительность. Правда, остается еще шанс самому подсказать... Но пока можно себе лишних проблем не придумывать. Лежишь себе, и лежи, не так часто удается сочетать любимое дело с производственной необходимостью.

Ночь скоро, отдыхать пора, а тут никакого тебе режима и одна суета. Хотя что значит скоро, настоящая ночь-то уже наступила давно, сколько я часов с открытыми глазами?.. Местную ночку-недоноска и в зачет-то ставить стыдно, название только... Она никогда не любила и потому не понимала ночь, ее были поздние вечера и ранние утра, и чужим нам обоим был день, а может, это мы оба были чужими днем, только усталость, приходящая всегда одновременно, но всегда не вовремя, четко знала свое полуденное место, и яркость рассеивала иллюзии даже в самую пасмурную хмури, и еще больше хотелось обмануть себя, только себя, ведь не было, ведь не было же мысли никогда об обмане другого, но так хотелось, чтобы покой заменил усталость, а

непроизвольная, пусть самая слабая, улыбка — вынужденную гримасу, так хотелось, что когда это наконец произошло, и даже не произошло еще, но понятно стало, что произойдет или хотя бы может произойти скоро, то не только не оказалось веры, но и не возникло всегда сопутствующего вере опасения, не сработал спасительный и никогда до того не подводивший инстинкт, обязанный предостеречь или всего лишь намекнуть, что счет выслан, и даже если поделаться с этим ничего нельзя, то уж растрчивать-то по-прежнему точно не стоит, а на самом деле лучше все-таки что-то сделать в нормальном течении времени, чтобы не пришлось потом (или прежде?) закручивать такую непонятную штуку, как время, неподатливую тоже, в совсем не естественные для нее спирали, в конце концов оказывающиеся... в конце концов... в конце...

Я не заметил, сколько часов пролежал, бессмысленно глядя в потолок и даже, возможно, вздремнув. А это плохо. Еще не знал толком, почему плохо, но не сомневался, что ощущение правильное. Рановато мне курортника изображать. Голос герцога в селекторе прозвучал неожиданно быстро и молодо, немного зло:

— Белоф, вас кто-то вызывает по браслету из города. Я сейчас включу прием, и вы будете разговаривать через селектор, как ни в чем не бывало. Понятно?

Мне было предельно понятно, и я ответил Блуму голосом человека в штанах. Даже в рубашке. Изображать тоном еще и ботинки артистизма уже не хватило.

— Валентин, я принял твое сообщение насчет аварийки с Чепом, но пока ничего сказать толком не могу, а предполагать худшее не хочется. В горы послал надежных ребят и держу с ними связь, но когда они дойдут до места и дойдут ли вообще — не очень понятно. Сам прекрасно знаешь, кроме Чепы с гарантией за дорогу на перевал никто отвечать не рискнет. Но сутки — минимум.

— Святой Старец сверху тоже послал людей, они, может быть, и раньше выйдут в район поисков, предупредите ваших, чтоб у них там неприятностей не получилось.

— Предупрежу. Не получится. И Старца предупрежу, Валя, а теперь припомни, пожалуйста, у вас перед расставанием не было с Чепом какого-нибудь разговора, который мог показать-

ся тебе странным? И кроме того, ты чего-нибудь, хоть немножко, необычного в нем не заметил, может, держал себя как-то не так, обмолвка какая?..

— Нет, как будто все обычно, я, по крайней мере, ничего не заметил, а что?

— Обычно? Тогда ничего. Скажи хотя бы, что оказалось в сейфе, если ты его открывал?

— Открывал. Генеральная доверенность. На меня.

— Так, так. Очень обычно. Ну, хорошо. Теперь о Динах. Тетушкину машину недавно обнаружили брошенной в районе стадиона. Там, подальше, в сторону ангаров начиналась какая-то стрельба, я послал людей, они уже должны быть на месте, сейчас свяжусь с ними, подожди минутку, не отключайся пока. Подожди...

Я стал ждать. И вот опять началась та мерзость, из-за которой я никак не могу относиться к себе немного по-человечески. Конечно, конечно же, мне очень хотелось, чтобы все там у них было хорошо, чтобы тревога оказалась ложной, искренне, вот что самое подлое, искреннейше я этого желал. Но знал, в самой глубине души, не пытаюсь даже формулировать, а на самом деле

знал прекрасно, что в реальности сейчас услышу, и потому уже так же искренне хотел услышать именно в той форме, которая мне в данный момент нужна, и оттого непроизвольно, а все-таки полностью изготовился. И тогда услышал то, что ждал.

— Валя, да там уже не перестрелка, там черт знает что творится! Какой-то ад крошечный... Стянута вся полиция, подошло подкрепление из охраны порта, они окружили весь район, но даже сунуться туда не могут, трибуны и ангары горят, власти вызвали с орбиты патрульный катер с десантниками, слушай, срочно, у меня там один парень на гравийке, пока, может, в панике администрация не успела наложить арест на аварию, от тебя же где-то неподалеку Дани, нам нужны хотя бы какие-то координаты Динов, может быть, успеем еще что-нибудь...

Но произнесенного было достаточно, и я уже рванул. И опять — рванул со всех сил, запаса на второй раунд не оставляя, но полоску швейцарскую из кроватной щели зацепить успел, — налету зацепил, наверное, лишь крохотное мгновение на этом потеряв; но, потеряв это мгновение, и заранее потерю ту записав, цены ей не

мерил, хоть знал прекрасно, какая тем крохотным мгновениям цена бывает.

Гвардейцев за дверь я сшиб всех разом, они даже не успели перестать сопеть, оказался уже внизу лестницы, когда в спину мне ударили выстрелы и сипеющий в крике голос герцога из врубленного на полную мощность селектора: «Не стрелять, идиоты, не стрелять!..» Видать, опять старичок перенервничал так, что на местную мову переключиться забыл. Несколько пуль задела флагом выющую у меня из-за плеча простыню, но я скидывать ее совсем не стал, и хорошо, наружная дверь резиденции на мою скорость не рассчитывала и отпрыгнуть не сумела, пришлось проломить стекло, и простыня спасла от осколков. Тут на выходе ко мне кинулись сразу двое сереньких, по-моему, тех, что недавно столь вежливо помогали раздеваться гостю Королевства. Впрочем, если это были другие, то выложил я им и за тех тоже, по полной программе. Справа и слева по дорожкам уже слышался такой топот, как будто пригнали все наличные стада пони, но я не стал разбираться, что там на самом деле, и ломанул напрямую через кусты. Уже темнело, видимость сильно ухудшилась, но я неплохо за-

помнил направление и, не снижая скорости, лег на курс без особых сомнений. Только одна сейчас посторонняя мысль примешивалась, про время, которое я не засек. Вернулась ли машина? Успела ли? Должна успеть. А если нет? А если бы я знал, что там один Дани, а машина не пришла, бежал бы медленней? Нет. Нет же! Но все равно мне нужна была в тот момент и машина тоже, и с этим уже ничего не поделаешь.

Впереди обозначилось пятно гаража. На звуки, которые неслись сзади и справа мне наперерез, я особо не реагировал, не успеть теперь местным спецам, не дано, не все еще, ребятки, умеете, только гонору больно много... Ворота гаража отскочить умудрились, но такую возможность я им, честно говоря, предоставил, не сшибать же еще и их в самом деле. Свет горит, машина на месте, все двери ее открыты, внутреннее стекло опущено, Дани сидит впереди на месте пассажира и возит-ся с чем-то, нагнувшись к приборной доске. Орать я начал с порога и очень быстро:

— Срочно давай аварийку на мать и братьев, нужны их координаты!..

Все же школа тетушки — великая вещь, сколько лет парень преет в этом болоте, а реакции не

потерял и мгновения ни на размышления, ни на разглядывание ввалившегося к нему, вопящего, голого мужика с развевающейся простыней не потратил лишнего. Когда я, довольно сильно ударившись локтем о руль, плюхнулся на сиденье рядом с Дани, он уже диктовал связистке центрального узла свой код для подтверждения права по близости родства на аварийный вызов. Тут же на фоне дверного проема возникли несколько силуэтов, но притормозили, видимо, под влиянием раздавшегося сверху из динамика сипящего голоса герцога, показалось даже, что оттуда брызги слюны летят:

— Дани, что, этот ненормальный все-таки до тебя добрался?

Дин, ожидая связи, высунул голову из машины, наверно, для лучшей слышимости и отозвался крайне вежливо, но, надо отдать ему должное, с полным достоинством:

— Да, ваша светлость, если вы имеете в виду господина Белофа, то он находится здесь. Что-нибудь не так? Дело в том, что нам надо связаться с моей...

— Все так, кроме того, что господин набил стекла на полторы тысячи, сломал два десятка лучших кустов и покалечил шесть человек. Я знаю, с

кем вам нужно связаться, и сам бы тебя сразу же вызвал, если бы этот... Ну ладно, после сеанса немедленно сдай его охране, и чтоб он больше пальцем не пошевелил! Да, если там с матерью тебе понадобится какая-то наша помощь, я у себя.

Насчет пальцев это он зря. Мне пока больше шевелить ими и не придется. Пошевелил уже. Тех нескольких секунд, на которые Дани высовывался из машины, вполне хватило, чтобы повернуть на браслете крайнее звено и, словно невзначай опустив руку на спинку сиденья, аккуратно уложить полоску в карман на стенке под внутренним стеклом. В правый угол, рядом со стопкой пластмассовых стаканчиков. Тут же отозвалась и связистка центрального узла:

— Ваше право на открытый аварийный вызов подтверждено, кого первым вызывать?

Дани вопросительно взглянул на меня, я схватил его браслет.

— Девушка, дайте все три выхода на один канал. — И тут же, стараясь предельно спокойно: — Пол, Моня, тетушка, кто слышит, дайте координаты, пришлю гравийку, тетушка, отзовитесь, район блокирован, там сейчас будет десант с катера.

Дани отнял у меня браслет и склонился над ним, как будто это что-то меняло, и ни вежливости, ни достоинства не осталось в тоскливой мольбе человека:

— Мама, ребята, где вы, мама, скажи, что с вами, где вы, ребята, мама, мама!..

Но не было ему ответа. Хотя связь работала исправно. Мы прекрасно слышали все, что происходило там. Браслеты транслировали звуковой фон: треск пулеметных очередей, разрывы гранат, рев моторов бронемашин, вой сирен приближающегося патрульного катера. Внезапно стало тихо. Голос связистки:

— Извините, решением администрации на все виды связи с районом, в котором сейчас находятся вызванные вами абоненты, временно наложен арест по соображениям государственной безопасности. В случае несогласия с решением вы...

Дани отключился и до безразличия спокойным, внимательным взглядом пристально посмотрел на меня. Потом отвернулся, откинулся на спинку сиденья.

— Теперь уходите. Уходите, пожалуйста, быстрее. И запомните, если я еще когда-нибудь в жизни вас увижу, то уже спрашивать о пла-

нах и целях не стану. Я клянусь, что убью вас сразу же, и вы не представляете, с каким наслаждением.

Мне оставалось встать, натянуть простыню поприличнее и поплестись к выходу из гаража. Доказывать парню, что на сей раз я случайно ни в чем не виноват? Моей случайной невинности в его жизни и так накопилось достаточно. Да, боюсь, очень убедительными мои доказательства в данный момент и не получились бы.

У порога меня взяли за руки. Так взяли, чтобы сразу отбить любые мысли о дальнейших проказах. Но зря старались, сейчас меньше всего я испытывал тягу к продолжению подвигов. Закололо сердце, и слегка закружилась голова. Какая-то невидимая в темноте дрянь на дорожках колола босые ступни, и сукно гвардейских мундиров противно царапало голые руки.

В комнате меня одного больше не оставляли, но отпустили, и я, по молчаливому разрешению хмурых жлобов с сильно разбитыми рожами, отправился принимать душ, потому как при внимательном рассмотрении оказался до непристойности заляпанным грязью. Дверь в ванную оставили открытой и беспокойно через нее по-

глядывали, но удовольствия мне от прохладной воды, душистого шампуня и чистого, похрустывающего полотенца не испортили. Если мне по большому счету когда-нибудь что-нибудь и аукнется на угольках, так именно вот это удовольствие. Конечно, плюс ко всему остальному.

Я уже вытирал голову, когда явился герцог, за ним приволокли мое шмотье. Нашли маячок в браслете, нашли. Да я в вас и не сомневался. Только что ж смотреть так кисло, ну, убьют сегодня — одним человеком меньше. Тоже — трагедия! Я не спеша облачился, аккуратненько, все по порядку, и браслетик застегнул так, не спеша, и не спеша волосики расчесал. Герцог за мной наблюдал с некоторой грустью, восседая на любимой, теперь уже нами, подушечке, но заговорил, когда я был совсем в норме.

— Ну, что же, так называемый господин Белоф, говорить будем, или как?

— У нас, знаете ли, в самых плохих детективах так излагают...

— Насчет качества детектива мы отдельно на досуге как-нибудь побеседуем. Вы зачем сюда явились, что вам надо на самом деле в нашем Королевстве?

— Уже забыли, или в прошлый раз записывающая аппаратура не работала?

— Так... Хамим. А в этих плохих детективах не встречалось фразы про то, что здесь вопросы буду задавать только я? Или вы не все читали?

— Хватит меня пугать, герцог, с вашими провинциальными манерами вы большого успеха не добьетесь, Я вам все, что вы хотите услышать, и так скажу с превеликим удовольствием, и даже больше скажу, только слушайте, а делать вы мне все равно ничего хуже не сможете, чем то, что сделаете в любом случае, независимо от наших разговоров. Так что вы про меня еще не знаете, светлейший?

— Хорошо заговорил. Бойко. Вот молчунов я очень не люблю. Бойкие — они лучше...

По интонации герцога я понял, что разговор предстоит не минутный, и хотя меня никто не приглашал и, казалось, стоячим видом моим не тяготился, решил особыми тонкостями этикета слегка пренебречь, направился с самым непринужденным видом в сторону кресла. Однако старичок то ли мигнул своим ребятам, то ли указания заранее были даны, но схватили они меня моментально и

сильно за обе ручки и шевельнуться более не дали. Светлейший укоризненно pokrutil головкой, неспешно слез со своего стального гриба, самостоятельно подушечку прихватив и с нескрываемым уважением прижимая ее к груди коротенькими, но цепкими ручками, сам перебрался в кресло, а мне кивнул на грибок.

— Туда, туда, уважаемый, присаживайтесь, и желательно, чтоб без разрешения ни одного движения. Хватит сюрпризов, я за бойкость похвалил, но это не значит, что готов терпеть ее беспрдельно. И руки с колен не снимать. Вот так, правильно. А теперь насчет моих знаний. Я и на самом деле многое знаю, даже, может, такое, о чем вы и сами подзабывать стали. Ну, например, как в свое время одному мастеру пятого участка администрация приисков оказала высокое доверие, учитывая его звание офицера запаса и опыт срочной службы в частях Легиона. Назначили того мастера подежурить несколько смен вместо заболевшего караульного начальника у первого поста. Но не оправдал мастер доверия, первой же ночью, вместо того чтобы спокойно отдыхать с положенными по уставу перерывами, коварно усыпил спиртными напитками бдительность до того беспорочного сержанта,

чем навсегда испортил несчастному карьеру, воспользовался, вопреки строжайшему запрету, исключительно для аварийных целей предназначенной моноциклеткой и дерзнул направиться в сторону плато. Великий случай, хранящий нас от неразумного, не дал осуществиться дурной затее, возник неожиданно острым камушком перед передним колесом, и под утро нашли незадачливого мастера неподалеку от поста со сломанной ногой и почти без сознания. Грозил ему тогда серьезнейшие взыскания, если не более крупные неприятности, ждали только, когда поправится. Но мастер, поправившись на удивление быстро, в устройстве неприятностей, однако, успел всех опередить, так что за треском пулеметных очередей, за гонками на крейсерских яхтах, а потом и за шумом довольно скандальных судебных препирательств у многих вовсе из головы выпал тот давний дисциплинарный проступок, казавшийся чепухой по сравнению с последующим. Но не у всех он из головы выпал, нам-то как раз в высшей степени наплевать на это последующее, на перестрелки с приисковой охраной и прочие междоусобные шалости землян. Для нас мастер с пятого участка оставался прежде всего человеком, заимевшим странную идею добраться

до плато. И потому глаз с него спускать нельзя было, независимо ни от чего. Правда, время от времени он менял фамилии и делал резкие движения в пространстве, даже моментами исчезал из поля зрения, но, прямо скажем, особой старательности в сокрытии следов не проявлял. Когда место на грузовом буксире четыре — двенадцать было зарезервировано для господина Гофмана с пассажирского лайнера, следующего рейсом ДН-два, нашей службе не составляло большого труда сообразить — не сильно повзрослел юноша и милые свои затеи не бросил.

— С ума сойти! Так, значит, вы все эти годы моей скромной персоной занимались? Это ж сколько сил, а главное, средств угрохали, обидно даже, отстегнули бы мне от них чуток, я бы вам каждый день срочные телеграммы давал с подробным описанием своих занятий и планов. Только не пойму, зачем так тратиться, много дешевле было бы в любом портовом кабаке мерзкому мастеру бутылку на голову опустить, я ведь за бронированной дверью не сидел? Или жалели? Но не верится что-то в подобное человеколюбие, вы ведь только что меня под собственным кустиком закопать хотели, или показалось?

— Дешевле. Кто и говорит, бутылкой оно, конечно, дешевле. Но всё вы прекрасно понимаете, иначе сюда не сунулись бы, хоть и наглец безрассудный, а не самоубийца все же. Земляне — существа странные до крайности. Они друг другу готовы глотку в любой момент перегрызть и сами своих уничтожают в любом количестве без зазрения совести. Но стоит этим же заняться кому-нибудь постороннему, пусть даже легонько оцарапать последнего бича, которого и сами мечтают пришить при малейшей возможности, как тут же вой поднимается на всю вселенную. Вместо того чтоб спасибо сказать и ручки умыть, готовы десять линкоров в атаку кинуть. Причем, что удивительно, самым искреннейшим образом, как в затмении каком-то!..

— Ладно, по поводу искренности особо не обольщайтесь. Линкоры кинуть, конечно, всегда с большим удовольствием, только сделать это обычно предпочтительнее после того, как бутылка на голову уже опустилась, а не до.

— А вот это вы совершенно зря, это вы от непонимания, — неожиданно чуть ли не обиделся старичок, глядя на меня с явным осуждением, — конечно, тут все не в чистом виде, да и

когда этот чистый вид в таких делах бывает, не спору, готовы частенько и как предлог использовать, для защиты, так сказать, безопасности своих граждан от укуса комара прислать дивизию-другую. Да и потом, коли уж случилось что, непременно постараются воспользоваться и хотя бы кулак показать, если не какую более крупную пакость сделать. И это тоже останавливало, что скрывать, тем более что Компания давно мечтает поймать нас на какой-нибудь оплошности, столкнуть лбами с Большим арбитражем, втихую поприжать и урвать еще чего пожирнее в обход контракта. Ясно, она бы чрезвычайно обрадовалась, выяснив нашу причастность к... неприятности, случившейся с любым из землян. А что выяснить не удастся, такой гарантии на сто процентов, к сожалению, никто дать не может. Но выгода выгодой, корысть корыстью, а искренность тут тоже есть, и огромная. Только вы не думайте, будто я вам ее в заслугу ставлю, как знак высокой морали, к морали как раз это отношения не имеет. Просто мы для вас туземцы. И не только мы, все. Пусть и цивилизация у кого-то постарше, и чувства потоньше, и голова лучше варит, все равно — туземцы, аборигены. Ди-

кари, одним словом. Нигеры. А нигеру нельзя на белого руку поднимать, допустить даже нельзя, чтобы у него мысль такая появиться могла! И я свой народ ради ваших красивых глаз под бластеры подставлять не собираюсь. И врать не буду, обрадовался, что сигнал пропал, и пришел бы вас, ни секунды не задумываясь. Когда человек на плато идет, у него все шансы исчезнуть. И огорчился, когда маячок снова заработал и обнаружился-таки в вашем браслете. Но это вам только жизнь спасло, а к цели приблизиться не поможет и помочь не могло. Вот и интересует меня, на что вы все же рассчитывали, сюда заявившись?

— С чего мне с вами откровенничать, только что выяснили — убить не рискнете, а шагу так и так ступить не дадите. Может, бить будете?

— Побить бы вас, конечно, не мешало. Без синяков, но больно. Можно, впрочем, и с синяками, вы тоже не очень-то нос задирайте, пришить — это одно, а из-за синяков ваших никто шума поднимать не удосужится. Но вариант с битьем пока оставим, неохота, да и не сильно верю в его действенность, ввиду трудной вашей

исправимости и мерзкого характера. А вот пооткровенничать все же придется, и я сейчас как можно популярнее попытаюсь объяснить почему. Шагу вам действительно никто ступить не даст и даже самостоятельно сдвинуться с этого вот сиденьица не позволит. Скоро рассветет, механик закончит менять накопитель в машине, возьмут вас под белы ручки и, в соответствии с предоставленными нам по договору с администрацией правами по отношению к лицам, задержанным на территории Королевства без специального разрешения Его величества, доставят господина Белофа в порт. В наручниках, разумеется. Там посадят на корабль, отправляющийся без посадок и очень далеко, пронаблюдая за взлетом, и дальше нам останется продолжать следить, чтобы опять какой-нибудь подозрительный представитель фирмы консервированных соков не прибыл невзначай скромным грузовым рейсом. Но это я идеальную картинку нарисовал, в случае полной вашей откровенности.

— Да, картинка идеальная. А что же в противном случае?

— Вас поставят посреди полянки и начнут стрелять. Конечно, автоматическое оружие нам

по договору не положено, но стрелков много. И стрелять они будут долго и целиться старательно, я об этом особенно позабочусь.

— Понятно... Тоже, значит, докопались до двусторонности верояток... А может, вам и докапываться не требовалось, может, прав был Чеп, что все это ваши собственные пакости, только и он не предполагал, насколько они крупные... Нет, вряд ли сами, шепнул кто-то, тот же, кто и про мою личную вероятку...

— Никакого значения не имеет, уважаемый, кто кому чего шептал. Говорить будете?

— Говорить?.. Все больше убеждаюсь, что дело это бесполезное, ни поверить мне, ни, главное, понять ничего вы не в состоянии. А я-то, дурак, как раз и явился сюда, чтобы с вами поговорить. Убедить вас пропустить меня на плато и даже помочь мне до него добраться.

— Ах, вот как? Очень, очень интересно. Что ж сразу не сказали, может, и убедили бы уже давно, и никаких взаимных претензий, смотрели бы друг на друга ласковыми глазами товарищей по борьбе и прикидывали бы дорожку попрямее? Ну, что замолчали, убеждайте скорей, я прямо горю от нетерпения.

— Во-во, покривляйтесь еще, очень настраивает на доверительную беседу. Хотя теперь вижу, что у нас ее и без вашего кривляния не получилось бы. Раз двусторонность верояток просекли, значит, и остальное делаете вполне сознательно. Думал о вас лучше. Ошибся.

— Ошиблись вы не в этом. Но вам за ошибки еще самому расплачиваться. А делаем мы все совсем сознательно, даже и не представляете насколько. Но я в толк не возьму, почему именно мы вас так не устраиваем, почему решили начинать наводить порядок с нашей парикмахерской? Или вы просто про все знаете, как надо делать и что надо делать?

— Не стоит наивность изображать, светлейший. Вероятка двусторонняя, не я про то начал. В меня пострелять не сложно. Но вы и так каждое мгновение во весь белый свет стреляете. Ваши поля и сады, к которым не притрагиваетесь, только упавшее в руки собираете — и вам обожраться. А где-то, горбятся до седьмого пота, не могут прокормить даже детей идохнут с голода. Скотина ваша фартовая и бесприглядная. Дороги безаварийные, болезни исчезнувшие...

— Подумайте, какая патетика! Слеза прошибает. Непонятно лишь, кто к кому сунулся без спросу, мы к вам или вы к нам? Может, вас одиночество во вселенной замучило? Да вот что-то не поинтересовались, мучит ли оно нас. Ну, а если и так, ладно, встретились, поумилялись, пообнимались, речи торжественные про братство цивилизаций произнесли, дальше нельзя было дать жить спокойно? Сифилис на планете появился — это можно. Водку — можно. Пулеметы — можно. А вот урожаяи наши — уже нельзя. И, позвольте, Катнер, он черненький или беленький? В конце концов, я его среди своих родственников не припомню.

— Да в том-то и дело, что вас я на плато не посылаю, я сам туда идти хочу! И если землянин влез в заповедное, растревожил то, что трогать нельзя, законы нарушил, то землянин и собирается их восстановить. Я не говорю, что мы святые, но это не повод всем сразу становиться сволочами.

— Ага, можно подумать, вы не святые потому, что мы у вас костью в горле. Только отойдем в сторону, так вы сразу все свои проблемы решите. А вы сначала так попробуйте, потихонь-

ку, сами. А мы посмотрим на эти благородные усилия и тоже, сломленные силой примера, начнем немедленно перевоспитываться.

— Ладно, на других вам наплевать, и под это вы прекрасную теоретическую базу подвели. Конечно, чрезвычайно удобно. Но на самих-то себя вам тоже наплевать? На свой собственный народ? Вы же в клетку себя посадили. Сзаци табу на плато, потому что предполагаете, там ключ к механизму верояток. Впереди горная гряда с нанятыми сторожами, за ней девяносто девять процентов суши планеты с разнополюсными вероятками, а в промежутке, на этом пятачке с отобранными положительными, вы вырождаетесь к чертовой матери со всеми мыслимыми удобствами!

— От патетики, значит, к выражениям перешли. Замечательно. Да теориейка ваша старше мира, под нее хорошо кровушки попито. Равенство, значит... Эта штука никогда вам покоя не давала, потому как удобно очень, любую дрянь прикроет. Лучше бы, конечно, чтобы всем хорошо. Но поскольку такого в мире не бывает, то всем положено одинаково плохо. Ну, естественно, для будущих светлых целей. А кому уже сей-

час хорошо, тот, соответственно, загнивает. Не борется, сукин сын, раз мы выражаться начали, за выживание, а без этого, разумеется, какой же прогресс, чистое загнивание!

— Известная теорийка, старо, надуманно? А то, что у вас рождаемость падает, тоже надуманно? И что при всех мерах, которые вы принимаете для своей изоляции, город полон вашими девками, вышедшими на панель? А то, что колетесь, нюхаете, жрете любую дрянь с каждым днем больше и больше, портовые таможенники уже ошалели от контрабанды? А то, что механик у вас один на Королевство, и тот землянин, хотя поначалу сколько ваших молодых ребят к технике рвалось и отличных результатов добивалось, а сейчас пальцем никто шевельнуть не желает? Мне продолжать, или вы опять скажете, что это все надуманно?

— Очень убедительно звучит. Но не надо путать божий дар с яичницей. На знания и умения ваши кинулись поначалу из-за их новизны, пока не разобрались, что не все нужно и не все нужно сразу, вы тоже принялись было изучать наше инфразвуковое пение, да быстро интерес пропал, и по этому поводу никто о вырождении

не забеспокоился. Проституция, наркотики, то не наше, то ваш подарок, и опаснее он не для того, кто богаче, а для того, кто беднее. А нищими мы уже побывали. Тысячи лет нищенствовали, глаза от земли поднять не могли, недавно спину разгибать научились, о чем-то, кроме жратвы, которой вы нас попрекаете как дармовой и незаслуженной, подумать посмели. А снижение рождаемости, оно всегда по первости вместе с сытостью появляется, это знак, что наконец народ еще на что-нибудь, кроме делания детей, способным себя почувствовал. Это утро, а не вечер. Вам самим, давно с жиру перебесившимся, не понять. И вы хотите, чтоб мы добровольно назад вернулись, своими руками на собственную шею петлю накинули ради идиотских фантазий? Поверил бы я в такие ваши желания, да не очень вы на придурка смахиваете. Так чего же вы на самом деле хотите, уважаемый?

— Я хочу, чтобы вы имели то, что имеете, и еще в миллион раз больше. Но чтобы карту вынули свою из чистой колоды, а не из подтасованной. Иначе это полный тупик, и в самое ближайшее время вы продуетесь в лоск. Поймите же наконец, везунчик может и раз, и другой, и

десятью сорвать банк, но в конце концов с деньгами встанет из-за стола тот, кто хорошо умеет играть, а вы не умеете, совсем не умеете, и учить-ся вас не заставишь, пока карта идет.

— В виде импровизации вечно продувающего шулера не плохо. Но неужели вы решили этими немудреными фокусами развлечь Королевство? Хватит строить блаженненького. Какой помощи вы хотели от Дани и для чего она вам нужна? Мне надоело содержать целый штат для наблюдения за вашими причудами, это и вправду недешево обходится, не говоря уже о головной боли. Я, признаюсь, еще и потому не особенно противился вашему появлению здесь, что собираюсь наконец хоть как-то гарантировать себя от возможных неожиданностей, а для того мне нужно знать ваши реальные планы. И я их узнаю.

— Значит, ошибался парень, думая, что вы ему доверяете, выходит, прослушиваете гараж неизвестным механику способом? Обидно, когда наши иллюзии...

— Обидно. Когда тебя за дурака принимают. Я Дину больше, чем себе, верю. Он такую хитрую самодельную философию придумал на счет предательства, отказа и тому подобного, что

своих спокойно заложит сколько угодно и перед собой чист останется, а во вред Королевству помыслить не посмеет, иначе ему только вешаться. Сам себя в такую ловушку умствованиями загнал, ни одной контрразведке не приснится. Так что не в нем дело, а в вас. Именно вас я ни на секунду без присмотра не оставлял и оставлять не собираюсь, где бы вы ни были и с кем бы ни говорили. Последний раз спрашиваю: какая пакость у вас еще на уме?

— Сожалею, герцог, но, боюсь, больше мне нечем удовлетворить ваше любопытство. Тяжело об этом подумать, но, по-моему, вы оказались элементарным глупцом.

Старичок медленно, с видимым сожалением выкарабкался из кресла и махнул рукой гвардейцам. Меня, врать не буду, довольно мягко подтолкнули в спину и повели из комнаты, вниз по лестнице, через разбитые двери и дальше еще несколько сот метров по узкой тропе. Вышли на небольшую поляну, посреди которой росло стройное деревце. Щелкнули наручники, и мы оказались с ним скованы. Моя левая рука и такой же толщины, как запястье, ствол с нежной кожей мягких сероватых тонов — на ней вызы-

вающе дико смотрелось блестящее кольцо непри-
ветливого металла. Гвардейцы отошли к краю по-
ляны, встали перед кустами, и тут же появились
десятка четыре стрелков с охотничьими магази-
нами Мартини — Пибоди, шестнадцать заря-
дов, ручной перевод затвора, самым совершен-
ным оружием, которым колониальные админи-
страции имеют право снабжать аборигенов. Ко
мне тихо приблизился герцог.

— А теперь, Валя, слушайте меня очень вни-
мательно, — он впервые назвал меня по имени,
и получилось у него это как-то очень по-домаш-
нему мило. — Стрелять будут без перерывов.
Пока не устанут. А когда устанут, их сменят дру-
гие. Единственный для вас способ остановить
огонь — начать говорить правду. И, поверьте,
никакая новая импровизация на моральные темы
больше не поможет. Мне нужны конкретные
факты. Ваши планы и неучтенные мною возмож-
ности. Вопросы есть?

Вопросов у меня не было. Правда, несколь-
ко слов, внимательно глядя старичку в глаза, я
произнес, и произнес предельно отчетливо, но он
на них никак не отреагировал. Я остался в цент-
ре поляны один. Команды не услышал, сразу зах-

лопали выстрелы. Не залпами, вразнобой, кто с
какой скоростью успевал заслать патрон в ствол.
Но били не наугад, целились аккуратно, быст-
рота выдавала не поспешность новичков, а спо-
койный автоматизм профессионалов. Насчет
того, что время не ограничено, это герцог, пожа-
луй, преувеличил, не бывает такого времени, но,
судя по всему, стрелять они действительно со-
брались долго. Сколько же крови еще на мне
окажется? Самое страшное, что я никогда этого
в точности не узнаю. Единожды приоткрывает-
ся щелочка в комнату взрослых, чтобы ты мог
подсмотреть главную тайну начала и конца. А
мне уже дали раз постоять у той приоткрытой
двери. Неправда. Там было несколько дверей.
Они захлопывались поочередно, издеваясь над
моим неведением, над жестом, которым я при-
держивал створку шкафа, достав лучший костюм,
темно-голубой, обошедшийся в целое состояние
и нелюбимый, но почему-то мне казалось, что я
должен пойти именно в нем, придерживал, чтоб
сильно не хлопала, рассчитывая на долгую служ-
бу добротной мебели. И так же издеваясь над
моим привычным жестом, которым повернул
ключ и потом положил его в карман пиджака,

уверенный, что много лет придется открывать ее и закрывать, захлопнулась квартирная дверь, изысканно фанерованная натуральным дубом. Дверь врачебного кабинета хлопнула дважды, раздраженно, еще до слов: все в порядке, можете не волноваться, анализы положительные; и улыбочиво после них, но даже в этой улыбочивости я не заметил издевки. Вроде на ней еще была табличка, да, да, под бронзу, фамилия, ученая степень, часы приема... никогда не обращал на нее внимания, нас принимали без записи, слишком давние клиенты и слишком много платят. Последними хохотнули, выбросив на улицу двух насмерть перепуганных шпанят с расплюснутыми носами под натянутыми на голову чулками, двери ювелирного магазина. Последними? Ведь были еще в комиссариате, клеенчатые такие, не солидные, в чернильных разводах почему-то, и еще в морге, обитые цинком, холодным даже на вид. Нет, эти уже не издевались, им было все безразлично. Они знали, что я теперь знаю. И так хлопали, без эмоций. По обязанности. Эти вот тоже. По обязанности. А может, и с удовольствием, кто их разберет. Хотя вряд ли, какое для профи удовольствие мазать... Неприят-

но смотреть в ствол. В любой ситуации неприятно. Быстро работают. Но не спеша. У них есть время. У меня нет. Я рванулся от дерева до предела, вывернув запястье в наручнике, как мог, заломил левую руку под предельным углом, подпрыгнул и кинулся на нее всем телом. Не знаю, действительно ли успел услышать хруст ломающейся кости, или мне показалось, но точно помню, что заметил, как моментально лопнула кожа на дереве и из-под нее брызнул сок. И последняя нелепая мысль, даже с какой-то неспешной ленцой: да... не очень все сие психологически оправдано... И дальше только боль. Сознания, к сожалению, не потерял, но поплыл, подвывая в такой жути, которую назвать сознанием довольно трудно.

Время сразу растянулось до бесконечности, но, как ни странно, ощущение я его полностью не утратил. И когда пришел в себя, то был уверен, что пока не сильно опаздываю. Лежал на кровати, ставшей за последние сутки родной, и тупо разглядывал очень дорогой пластиковый фиксатор новой модели, который герцог самолично заканчивал устанавливать на моей руке. Рядом, прямо на полу, стояло блюдце со шприцем

и несколькими ампулами. Новейшие регенерирующие и анестезирующие препараты. Бешеных денег здесь стоят. Ничего не пожалели, широкий народ... Герцог затянул последний шов, удовлетворенно хмыкнул, полюбовавшись на свою работу, и поднял на меня взгляд, сразу же ставший кислотоватым. Даже поморщился слегка.

— Ладно. Считаю, что убедил. Муций недорезанный. Давай, давай, вставай, нечего симулировать, не может уже ничего болеть, иди садись на прежнее место, я тебе все равно на полгроша не верю. Браслет, надеюсь, цел, пулей не зацепило? Ну так вот, набери-ка свой банковский код. Знаешь, сколько это бесплатное медицинское обслуживание тянет? То-то же. Тут не благотворительное общество!..

Я плохо слушал герцога, автоматически набирая код и что-то говоря оператору, что-то правильное, судя по удовлетворенным кивкам светлейшего, в ушах еще немного звенело, слегка кружилась голова, и очень хотелось пить. Воды мне принесли. Гвардейцы встали, как раньше, с двух сторон, и смотрели настороженно. Герцог буркнул, вбежали штатские, унесли блюдо с ампулами, принялись открывать окно. Тогда только

я заметил, какой в комнате стоит тяжелый больничный запах. Портьера взвилась неожиданно резко, с неприятным щелчком. И тут же свет в комнате погас. Оказывается, уже светало. Ну, что ж, утро, значит, утро. Будем надеяться, что оно окажется мудренее прошлого вечера. Правда, не очень помнится, когда случилась последняя нормальная ночь, имею в виду поспать, но, по-моему, кроме меня такие подробности здесь никого не интересуют. У них, видать, ненормированный рабочий день. Профсоюза на вас нет. Гады. Я посмотрел на руку в фиксаторе. Гады. Редкостные гады. И голова продолжает кружиться. Ну, ничего, отольются еще кошке... Господи! До чего же я дошел, господи! Какие кошки, какие мышки, что за бред... Заканчивать надо скорее, иначе обесмыслится все, не выдержу, начну в их же игры играть, это с моим азартом... Что там герцог копается?..

Старичок прекратил нашептывать в селектор, резко выпрямился, что-то мгновенно неуловимо изменилось в его позе и выражении лица. Я впервые вдруг увидел перед собой не ласкового дедушку, не хитрого начальника контрразведки, не притворяшку благодушного

хозяина и не самоуверенного спорщика. А главу государства. И зазвенел голос, и пропал местечковый акцент, и обесцветились глаза. Исчез вчерашний день, и утро за окном было утром дня совсем нового.

— Через несколько минут, господин Белоф, вас посадят в машину. Я поставил в известность городскую администрацию, что с данного момента, согласно пункту четырнадцатому, параграф три, Трехстороннего договора, вы считаетесь арестованным до отлета с планеты. Соответственно, и ваши права и обязанности в течение этого времени будут определяться статусом арестованного, с которым вы можете подробнее ознакомиться, если изъявите желание.

Тут вновь на мгновение промелькнул хитренький старичок и неприятно оскалился.

— Попробуйте, милейший, рыпнуться, у меня тоже нервы не железные, а то как бы все договоры...

Герцог не договорил, но я почувствовал, что это стоило ему усилий. Он сжал губы и быстро вышел из комнаты. Из-за двери послышались возбужденные голоса, топот. Стихло. Появился верзила в форме, но не военной, я уже начал кое-

как разбираться в ихней экипировке. Щелкнули наручники. Те самые. А может, и не те, только почудилось, но все равно передернуло. Один браслет на моей правой руке, другой на левой верзилиной. Любопытно» такое пристегивание тоже входит в статус арестованного? Но любопытства удовлетворять я не стал, мало ли какие у моего нового кореша взгляды на данную проблему, а мы с ним явно в разных весовых категориях для любой дискуссии. Вниз сошли без приключений, почти по-дружески, он на меня внимания обращал не больше, чем на привычную кошелку, а я старался выразить хоть какие-то остатки чувства собственного достоинства. Но наверняка это выглядело выражением чувства достоинства той же кошелки. В нескольких шагах от порога нас ждала машина. Знакомый золоченый шофер сидел за рулем и не выскочил на сей раз открывать дверцы. Верзиле пришлось поработать самому. Затем он отступил на шаг, пропуская меня вперед, я уже инстинктивно поджал руку в фиксаторе, собираясь пригнувшись забираться на сиденье, как вдруг заметил герцога. Он сидел на низенькой скамеечке сбоку от входа в резиденцию, в той же позе, в которой я увидел его впер-

вые, и смотрел на меня внимательно, но довольно равнодушно.

— Счастливо, ваша светлость!.. Спасибо.

— Вот уж не за что, Валя, как мог, старался, чтобы не за что было.

— Может, и правы. Просто мне показалось — в глазах ваших промелькнуло расстройство, когда вы мне руку чинили, и не только оттого, что мало пострелять удалось. А я человек сентиментальный, к ласке не привычный, отсюда и спасибо.

— Ну, ты не обольщайся, я и вправду расстроился, но не потому, что именно ты руку сломал. Сам факт странноватый и неприятный. Здесь у нас руки не ломаются и в более серьезных ситуациях. Ладно, езжайте. Руку береги, как велел Его Величество во время аудиенции.

Я даже не попытался удивиться последней фразе герцога. Лимит не самых обязательных чувств был исчерпан.

Мы уселись, верзила захлопнул дверь, раздался щелчок — шофер со своего места заблокировал все замки. Машина тронулась. После чего мой спутник впервые обратил на меня серьезное внимание. Сделал он это следующим об-

разом. Сначала с предельной вежливостью дотронулся до моего плеча, потом, убедившись, что я воспринял призыв и состроил вопрошающую мину, достал из-за пазухи огромный Дерринджер, медленно, очень аккуратно взвел курок, положил пушку себе в правый карман и озабоченно посмотрел на меня, все ли правильно понято. Я постарался возможными мимическими ухищрениями показать с максимальной убедительностью, что понял, и все, и совершенно правильно. Тогда пристыженной удовлетворенно откинулся на спинку сиденья и, более не глядя на меня, усиленно засопел. У них, что ли, у всех такая привычка, особый знак принадлежности к ведомству герцога? Впрочем, сопи, милый, сопи, дыши глубже, мне это вскоре пригодится. И с пугачом ты придумал замечательно, очень ты меня выручил. Впрочем, нет, мне ты только задачу облегчил, выручил ты шофера. Но, боюсь, даже и он тебя не поблагодарит. Да и никто тебе теперь довольно долго благодарным не будет, кроме меня. А вот я — искреннейше. Особенно за то, что ты, думаю, не большой полиглот, а может, просто молчун, что еще большего уважения достойно, но, видно по всему, задушевными

разговорами развлекать меня не собираешься. А ведь здорово я от них вымотался. Теперь век пьес читать не стану, от одного вида диалогов затошнит. Но, к сожалению, еще парочка предстоит. По минимуму. Мне почему-то всегда удавалось выбрать самый неприятный род занятий. Хотя есть большие любители. Что там любители, профессионалов навалом. Но вот какое упущение. При любом совершенстве сервиса до такого вида обслуживания никак не додумаются. Чтобы за тебя говорил тот, кому это не противно. И не по особым делам, как адвокат, а по обыденности, треп разный, посиделки, высочайшие аудиенции, про жизненное кредо, идеи высокие... Машина уже вырвалась из столицы и шла к развилке. Сколько у меня времени осталось? Спешить не стоит, но и сильно близко приближаться к постам тоже. Угадать бы примерно середину. Интересно, где вологодский держит ключи от наручников? Хорошо бы в кармане, а то потом всю эдакую тушу обшаривать — года не хватит. А вдруг они у шофера? Вряд ли, расковырять будут прямо у трапа, а шофер туда не пойдет, незачем, да и вообще, мой парень, по всему видать, наделен полномочиями дальше не-

куда. У него ключи. Вот, черт, рука начинает побаливать, а ведь, судя по ампулам, анестезаторы кололи долгого действия. Видать, кто-то им фуфло разбавленное задвигает. Боюсь, я даже догадываюсь кто. Вот ведь, падла, кстати, чем старше, тем гаже, никак его возраст не облагораживает. Секундочку, а что ж, кроме меня, никто не замечал разбавки? Наверное, да и в самом деле, они ведь здесь никогда ничего не ломают. Не ломают, не режут, не ранят... Так-так, тогда совсем непонятно, зачем держать эти дефицитные примочки? Или все-таки встречаются изредка нетипичные, отдельно взятые, что там Маня про общий итог ряда событий излагала с положительной и отрицательной величиной?.. Слишком много вопросов. Так еще немного, и я сам себе их всерьез начну задавать. Совсем не ко времени. Сейчас главное — самому очухаться. Не задумываться и не сбить дыхание. Я потом поору. Повскрикиваю засыпая, на той последней грани яви, что обнажает сотворенное уже без примеси суетливого дневного тумана. Но это все потом. Нынче же — место не пропустить, там разберемся. Иначе совсем ничего не будет. Нельзя столь резко на последней трети менять

стилистику. Хотя так и так приходится, но нет времени сделать это продуманно, остается валить огрехи на сюжетную необходимость, только не стоит выпендриваться и изображать многозначительную заданность. Все. Хватит лирики. Теперь пора.

Поза моя была и так достаточно расслабленной, не странной для человека со сломанной рукой и давно не спавшего. Однако, слегка недовольно постанывая, я еще попеременялся на сиденье, делая вид, что никак не могу угнездиться. Пристяжной взглянул было недовольно, но, увидев, что мне и в самом деле неважно, благосклонно предоставил подконвойному возможность елозить и снова окунулся в безмятежность. В этот момент мое левое колено нащупало в кармане панели полоску швейцарского браслета. В правом углу. Рядом со стопкой пластмассовых стаканчиков. Куда клали. Остается надавить. Задерживаем дыхание, считаем до десяти. Мой-то сопит еще? Сопи, милый, сопн. Так, перестали сопеть. Десять секунд держать дыхание, пусть газ нейтрализуется с гарантией, нам сейчас в нежном нашем состоянии и остатков не надо. Ну вот, уже можно. Отдыхает вологодский, валь-

яжно так раскинулся на подушках и кемарит. Отлично. Впрочем, эта часть программы опасений и не вызывала. Сложнее, чтобы шофер повел себя как следует. Еще одно нажатие коленом на браслет, теперь уже посильнее, не стесняясь, можно, конечно, и достать его из кармана, но больной рукой лезть туда неохота, а здоровая пока прикована к сонненькому. Впрочем, придется лезть, если не удалось сломать вторую ампулу с реактивами, она покрепче первой. Нет, не придется. Пополз дымок. Слабовато сначала, а вот уже повалил как бешеный. Самое время прикидываться шлангом. Разметался я на сиденье в самом обморочном виде, только щелки глаз оставил приоткрытыми. Нашу часть салона совсем черными клубами заволочло. Ну же, шоферюга, ну же!.. Заметил наконец, остановился. Думает. Во-во, этого я больше всего и боялся. Теперь все зависит от сообразительности сверкающего философа. Задача у него совсем простенькая: что в нашем отсеке произошло, он не знает, живы ли мы, не ведает, а если живы, то сколько протянем в дыму, и что из себя этот дым представляет, совсем непонятно. Но из-за простоты задачи и способов решения у нее всего два. Вызвать из

столицы команду, и спокойненько ждать, не двигаясь. Тогда я пролетаю. Или рискнуть проверить ситуацию самому, открыть дверь, посмотреть, что с нами. Тут начнется моя сдача. Строго говоря, второе решение, оно единственно возможное не только для меня, но и для него тоже. На пони сюда команда будет добираться больше часа. Машины второй нету, гравийетки по договору не положены, разве что спрятали где для экстренных случаев несколько моноциклеток? Все равно ехать минут двадцать. А если мы еще живы, если есть возможность пока нас спасти, прибывшие же имеют шанс получить пару трупов? Мой-то герцогу в данный момент точно не слишком нужен. Сигнал маячка на экранах дисплеев административной полиции перемещался по трассе от столицы со скоростью, не оставляющей сомнения, что нахожусь я в единственной машине Королевства, ввиду отсутствия здесь других подобных транспортных средств. Концы в воду не спрятать. Но вот понимает ли все это водитель? Его плохо видно из-за дыма, но что-то он не торопится, копается, мыслитель. Черт, как я не сообразил, ведь он может еще опустить внутреннее стекло, не открывая дверей, и если

даже удастся с ним справиться из такого неудобного положения, я же не знаю системы разблокирования замков. Нет, вряд ли, дым может быть ядовит, и даже наверняка, по его представлениям, мы-то вырубались... Что он там возится! А, так парень оказался самым умным, он по браслету у герцога указания спрашивает. Молодец, и правильно, никакой потом ответственности, вали на вышестоящую организацию. Ну уж герцог, надеюсь, не оплошает. Точно. Двери распахнулись одновременно. И умница выскочил шустренько, видать, накрутили ему хвоста за медлительность. Заботятся о моем здоровье, благодетели! Выскочил, но сразу не подошел, подождал, пока дым выветрится. Потом ко мне. Не дышу. Выходит, надо выволакивать. Но моя больная рука с этой стороны мешает. Да и пристяжной тяжелее, лучше обойти. Догадался. Попилил вкруговую. Все, больше от тебя, парень, ничего не требуется, ты свою роль исполнил идеально, только вот еще, хоть на миг, взгляд от меня отведи, когда за капотом скроешься... Отвел. Спасибо. Теперь моя очередь. Рука болит...

Когда шофер подошел к двери машины со стороны моего конвоира, я уже успел немного

изменить позу и, нелепо раскорячившись, больной рукой держал Дерринджер. Плохо так держал, неловко, совсем не по-ковбойски, но парень мгновенно обо всем догадался. Тут ему надо отдать должное, ни на секунду он не усомнился, кто хозяин положения, даже пальцем не пошевелил в сторону пояса под мундиром, хотя у него тоже что-то там оттопыривалось слегка. Отошел немного, строго следуя внятными указаниям направленного в лоб ствола, тихонечко присел на обочину с разведенными в стороны руками и более никаких движений не совершал. Таким у меня его образ в памяти и сохранился.

А дальше все было делом хоть и не простым, с моими нынешними увечными данными, но никаких интеллектуальных усилий не требующим. Ключ от наручников оказался действительно у конвоира в кармане, правда во внутреннем, пришлось покрутиться, чтобы одновременно еще и шофера с прицепа не отпускать. Но справился, отстегнулся, стало легче. Вологодского пришлось выталкивать из машины довольно грубо, даже ногами себе помогая, совестно, конечно, но любой другой маневр сейчас для меня затруднителен, и время поджимает, я все-таки с абсолютной

точностью не знаю, как скоро может подоспеть наверняка отправленная герцогом бригада. Остальное совсем легко. Вылез, обошел машину, держа пистолет уже в здоровой руке, что полностью смирило шофера с горькой судьбой, и юркнул за руль. Ну а теперь, ребята, можете отдыхать, какие бы средства передвижения у вас в запасе ни имелись. Меня вжало в кресло, спидометр прыгнул за двести, и, оставленные открытыми, задние двери с дисциплинированной одновременностью хлопнули сложенными крыльями.

Я немного расслабился, сколь это возможно, ведя машину одной рукой, левая после упражнений с пушкой разболелась окончательно. Ну, пока все идет на редкость гладенько. Я поймал себя на такой мысли и понял, что же сумел с собой сотворить. Что со мной сумели сотворить. Что мы все с собой сотворили. Тетушка. Пол. Моня. Может, уже и Чеп. Да и Стив. И еще было. И еще не исключено. А у меня все идет на редкость гладенько. Ладно, договорились уже, вскрики потом. Рука болит. Скоро развилка. Справа посты. Интересно, герцог успел предупредить своих, чтобы попытались меня задержать? Чисто академический интерес, королевс-

ким сейчас со мной не справиться, а приисковые не сунутся, им герцог не начальство, на шлагбаум через дорогу в сторону плато я посягать не собираюсь, остальное же караульному офицеру до фени, знаем мы, как и кто тут дежурит.

Но, сознаюсь, королевских я слегка недооценил, они довольно бойко попытались меня урезонить, стрелять, правда, не стали, не царапать бронированные стекла железками шесть и девять ума хватило, а вот какую-то пакость типа бочек из под горячего и оружейных ящиков при моем появлении на дорогу вытаскивали чрезвычайно старательно. И все же, хоть я, не сбросив газа, радиатор покорежил основательно, да и подбородок о руль разбил прилично, а не дал возможности трудягам полностью выложиться на работе, они только успели в стороны прыснуть. Надеюсь, что успели. Приисковые, как я и рассчитывал, даже носом не повели. Все же, думаю, на северную проходную сообщили, что в ее сторону движется какой-то ненормальный. Впрочем, мне такое сообщение даже на пользу, время экономит, может, сразу начальника приисковой охраны догадуются к будке вызвать. Хотя вряд ли, не такое уж исключительное событие, подумаешь, королев-

ских кто-то погонял слегка, на прииске к этому всегда спокойно относились.

Час с лишним я ехал удивительно спокойно, никто мне больше голову не морочил. Наконец впереди появилась знакомая желтая будка северной проходной. Давненько мы с ней не виделись. А ведь она в свое время для меня не просто обшарпанным бетонным кубом была, чуть не вратами рая казалась. Естественно, если я подъезжал к ней с противоположной стороны. Первые годы, когда внутреннюю площадку для парома еще строили, нас машинами вывозили на выходные до грузовой взлетной полосы мимо этого желтого домика. Последний раз тут проверяли пропуск, ставили отметку в таблице и на целых два дня превращали из тупых слуг в изящных свободных сеньоров. Всего два дня. Но какие два дня! Хватит, а то придется прослезиться. Пора тормозить, тут не королевские, на северную подбирают народ серьезный, могут, если сильно быстро приближаться, и вмазать из чего-нибудь, договором не предусмотренного, потом доказывай свою совершенную лояльность. Так что подкатил я с вежливой медлительностью, как к гаишнику, но сам первым высказывать из кабины

не стал, тоже не следует лицо терять. Дверку слегка приоткрыл и сажу. Отдыхаю. Подействовало. Через несколько минут офицер с двумя автоматчиками эдакой небрежной походочкой направляется ко мне. Однако все предельно корректно, два пальчика к височку и интересуется, будто ему действительно надо, зачем я, собственно, сюда приволокся. Тоже с возможной ласковостью протягиваю удостоверение личности, слава богу на государственную бумагу, хоть и липовую, герцог покуситься не посмел. Излагаю: совершенно, мол, случайно проезжал мимо, да вспомнил вдруг, как меня просили заскочить по дороге, если будет возможность, навестить начальника приисковой охраны господина Махарадзе. Его родственник просил. Дальний, но очень дорогой и нежно любимый. Так нельзя ли передать господину начальнику, что его желает видеть некий проезжий человек с приветом от рыжего Бобочки. Это у них, знаете ли, родственные такие, интимные прозвища в ходу. Меня, например, тоже в детстве брата толстым Тютей дразнили, так, поверите, до сих пор, когда встречаемся... А в вашей семье нет такого обычая? Офицер внимательно выслушал всю

ахиною до конца, удостоверился, что далее ничего не последует, еще раз пристально посмотрел на мою руку в фиксаторе, разбитый подбородок, который я время от времени, невольно морщась, промокал рукавом, потом перевел взгляд на покореженный капот и, ни слова не говоря, направился с моим удостоверением в будку, оставив, однако, автоматчиков у машины. Вот что значит школа, это вам не королевская самодеятельность, здесь даже усмешки не удостоят, проезжий так проезжий, заглянул по дороге, значит, заглянул, надо будет — пропустим, не надо — пришьем, тут в дискуссии не вступают и на административную полицию облокотились. До бога высоко, до царя далеко. Или наоборот, забывать стал народные мудрости с этим, нагло разъедающим душу, космополитизмом. Хотя, думаю, один из местных божков не так уж и далеко, или хотя бы кто-то из его представителей. Хотелось бы, по крайней мере, надеяться. Впрочем, офицеру того знать не дано, а уж автоматчикам тем более. И лучше сидеть смиреннько. Да вон и дежурный возвращается с весьма равнодушной физиономией, что в кругу младшего командного состава соответствует высшей бла-

гожелательности. Оказывается, господин Махарадзе с большим нетерпением и радостью ждет друга своего любимого родственника и даже настаивает на скорейшей встрече без малейшего промедления. Видимо, действительно сильно настаивал, тут же раздвинулись створки ворот, и из-за них появился внутренний наряд. Его командир смиренно попросил меня пересесть на пассажирское место, сзади разместил пару стрелков, сам плюхнулся за руль и на бешеной скорости, которую обычно развивают люди, слишком часто катающиеся на одни и те же короткие расстояния, мы отправились встречаться с изнемогающим в тоске по родственникам начальником охраны. Его коттедж в стиле чайного домика поражал, прямо-таки музейной сохранностью и трогательной беззащитностью среди массивных казарменных бараков серого бетона. Мы тогда на эту беззащитность и попались, потеряв больше часа в попытках проделать в стене домика брешь ручными минометами. Капитан же не только сумел отсидеться в полной безопасности, но успел вызвать подмогу из порта и с дальних постов, а мы потеряли все. Правда, бывшего хозяина бонбоньерки не спасла в конце концов ти-

тановая начинка стен, но нынешний вряд ли способен учиться на прошлом, тем более чужом опыте. Слишком редкое качество.

Офицер притер машину прямо к крылечку, дверку мне открыл предупредительно, в сторонку отскочил, вперед пропуская. Я очередной раз промокнул подбородок и пошел, не оглядываясь, к кабинету. Не требовалось большой наблюдательности понять, что я тут далеко не первый раз, но сейчас невинность изображать не было времени, да и не перед кем, не до тонкостей. Скоро такое начнется — все огрехи исполнения спишутся блистательным финалом. Или скандальнейшим провалом. Только обязательно спишутся. Это я им уже наконец могу гарантировать.

Господин Махарадзе сидел за письменным столом в полной форме, даже фуражка с огромной кокардой примостилась у левого локтя и была в глаза входящим светом изысканной хрустальной люстры (при старом капитане светильник был поскромнее), отскакивающим от лакированного козырька. Офицер проследовал в кабинет за мной, Махарадзе поднялся навстречу, потряс мне руку чрезвычайно дружески, кивком отпустил сопровождающего и, не без гостеприимства указав на

кресло в углу под огромным рододендроном, сам опустился рядом в такое же. С минуту он молча разглядывал меня, словно стараясь уловить отсвет милых воспоминаний далекого земного мира, потом участливо поинтересовался:

— Неужели, Валя, вы устроили весь этот жуткий шухер лишь для того, чтобы иметь возможность заняться мелким и примитивным шантажом? Не стыдно?

Я облегченно засмеялся. И не потому, что всегда приятно, если противник, полностью уверенный в своих силах, сразу, с плохо скрываемым пренебрежительным торжеством, швыряет на стол открытые карты. Просто пахнуло родимым теплым морем, привозом и вялеными бычками, вещами оптимистически неистребимыми.

— Господин начальник, прекрасно знаю, что ваши ребята пасли меня от порта, вам не требуется поражать гостя уровнем осведомленности.

— Ничем я никого поражать не собирался. Только уж очень у вас при входе была счастливая физиономия. Эдаким победителем явился, куда тебе там граф Монте-Кристо! Ладно, выкладывайте свои требования, таинственный незнакомец.

— Не надо смеяться над усталым и сильно побитым человеком. Какие могут быть требования, разве что нижайшей и скромнейшей просьбой осмелюсь побеспокоить. Мне бы, знаете, на плато попасть хотелось бы, никак нельзя поспособствовать?

— Отчего же нельзя, какая чепуха, мы это мигом, только вот тачку к подъезду кликну, и покатите с ветерком. Может, еще чего изволите, а то неудобно даже, из-за такой чепухи утруждались, пивка холодного, угрей нынче завезли?

— Балаган-то дешевый, начальник, или я сегодня очень похож на кретина?

— Честно? Одно лицо. Да на самом деле по-другому вряд ли и может выглядеть человек, искренне считающий, будто по одному тонкому намеку на рыжего Бобочку Гиви Махарадзе немедленно сунет голову в петлю. Так что не мой балаган.

— А можно, я вам тогда одну интересную историю расскажу для затравки?

— Ну, чем вам поклясться, что история эта интересна мне как попу шестая проповедь за день? Правда, давайте пива попьем, оно и в самом деле холодное.

— Было бы совсем не интересно, не велели бы меня пускать, не блефуйте.

— Так не история ведь, бог с ними, с историями, на вас на самого взглянуть любопытно, наслышан все-таки... Да и решить надо, что с вами делать, сдать кому или по-простому с планеты отправить, в почтовом мешке, ведь не пускать же и дальше дело на самотек, вы и так вон уже сколько порезвились, одних сверхурочных моим ребятам начислять по ведомости — дня не хватит.

— Поработали, значит, затратились, время убили? Так что вам стоит еще пару минут потратить, не дольше, чем по банке пива выпить, сами предлагали.

— Ладно, пользуйтесь моей слабостью, но тогда давайте поувлекательней, как обещано, не то я в вас совсем разочаруюсь, а мне это на печень действует.

— Печень постараемся поберечь. История же вкратце такова. Некая мадам Пупсик, которая, кроме прочих многочисленных своих увлечений, иногда любила побаловаться и телекинезом, устроила однажды на третьей Перевалочной смешной розыгрыш некому Вите Зе, в результате которого вышеупомянутый Витя ос-

тался без штанов. Даже, говорят, пытался красиво застрелиться, чтобы его некрасиво не прирезали кредиторы. Но мадам Пупсик не могла бросить в беде несчастного, еще и не без некоторого ее участия пострадавшего. Да если уж до конца во всем признаваться, то идея Витю раздеть родилась не только из-за его денежек, не такая уж и сумма по аппетитам мадам, чтоб устраивать столь шумные спектакли. Гораздо больше интересовало как раз приручить товарища и использовать имевшиеся у покойного господина Зе обширные связи в мире, официальной пропагандой именуемом преступным. Что еще говорит о незаурядном психологическом и даже режиссерском даровании старушки, так это умение удивительно точно подобрать партнеров и себе, и окружающим. Вместе с Витей она поставила работать того самого юношу, который помогал ей в афере с покером на третьей Перевалочной. Мальчишки не испытывали друг к другу особых симпатий, особенно Зе не любил Бобочку, хотя уже догадывался, что тот далеко не главную роль играл в наcolке за игорным столом. Но, может, даже и поэтому трудились ребята на удивление аккуратно, каждый не хотел дать другому

повода для гадости. И все было отлично, пока скучные люди из спецуправления Центрального поста как-то раз не прижали рыжего Бобочку на сущей чепухе, тянувшей, однако, по фарисейским представлениям мелочных законников, примерно на четвертак в крайне трудных условиях весьма слабо развитых планетных систем. Бобочка оказался далеко не дурак, ломался не долго, однако сумел выторговать себе ряд принципиальных условий. И рыжий сдал Витю, а за то ему разрешили прикинуться мертвяком, потом выправили липовую ксиву и дали место на периферии, но без особых забот и с приличной зарплатой. Все.

Капитан улыбнулся широчайше, и не было в безмятежности оттенка тревоги.

— С этой милой историей вы действительно собирались иметь широкий успех? М-да... народ... пошел... Никакого уважения к публике. Измельчали монтекристы. Измельчали. Любопытно, кем вы собирались мне грозить? Административной полицией, руководством Компании? Вот кто искреннейше удивился бы. Впрочем, одного неплохого для себя результата вы, бесспорно, добились. Никакого, конечно же, смысла за-

совывать вас здесь в мешок нет, опасность представляете, оказывается, не большую, чем подвыпивший дебошир в баре. Сдам, пожалуй, обратно герцогу, пусть вытуривает по своим каналам, все какая-то экономия... Мы и так, идиоты, сколько лет, получается, лишние бабки платили, ну как же, сам мастер Валентин, гроза огородов, только бы глаз с него не спустить, а то он!..

— Приятно, что вы с такой бережностью относитесь к средствам Компании. Но я и не сомневался, что ей моя история не покажется интересной. Так же как и административной полиции, и Большому арбитражу, да и почти никому в этом мире. А интерес она может представлять всего для одного человека. Совсем уже нынче дряхлой старушки со смешной фамилией Пупсик. Она же графиня Тайрд-Боффин, она же еще много кто, а последнее время Панкратова Елизавета Семеновна, пенсионерка.

Видывал я за жизнь, как люди меняются в лице, но не представлял, что это может происходить с такой скоростью. Покойники синеют неизмеримо медленней. Капитан кинул руку к поясу с кобурой и одновременно зашипел с явным трудом, но завидными усердием и скоростью:

— Сдохла старуха, замели ее, и срок не дотянула, сразу после того замели, я сам бумагу видел, сдохла, нет старухи!

— Не делайте глупых движений, начальник. И за речью следите, тут вам не малина, а кабинет должностного лица. Не знаю, что за бумагу вы видели, но накололи вас приятели-легашки. Ушла тогда от них старушка, как всегда уходила, и чувствует себя для своих лет вполне прилично. Имеется какой-нибудь выход межбиблиотечного абонементов, желательно с визуальным каналом?

— Здесь охрана, а не читальный зал. В клубе есть выход с перепечаткой.

— Тогда пошлите кого-нибудь в клуб. Пусть закажут первое воскресное приложение к Тайской районке Аркалыкской области. На шестнадцатой полосе внизу справа фоторепортаж с открытия новой оранжереи в зимнем саду зерносовхоза Целинный. Сделайте распечатку. И побыстрей, шевелитесь же, что с вами?

Капитан отдал приказание по селектору, и немногие минуты, прошедшие до появления в дверях посыльного с распечаткой, я имел возможность наблюдать довольно неприятную картину. Пло-

хой был вид у начальника, безуспешно пытавшегося взять себя в руки. Хуже вроде некуда. Но оказалось, что есть, когда он начал разглядывать фотографию. Я не стал к нему присоединяться, и так прекрасно помнил запечатленное. Торжественный митинг, в центре возле огромной клумбы кто-то речь произносит, а на заднем плане, в углу, скамеечка под пальмой и старушка сидит с вязанием. Личико ее хоть крохотное, но отчетливо получилось. И крайне характерное, ни с чем не спутаешь. Капитан наконец отложил листок в сторону, спросил по-прежнему, почти без голоса, но совсем спокойно и просто:

— Что конкретно я должен сделать?

— Прежде всего, в следующую смену назначить начальником поста у шлагбаума на дороге к плато человека, которому можете доверять. Пойду туда завтра, на рассвете. Пусть оставят заправленную моноциклетку у дальнего торца караульного помещения. Вернусь не позже четырех, надо, чтоб были те же охранники.

— Сначала трибунал, потом Компания сдаст меня уголовке. Светит вышка.

— Подарочного варианта вам никто и не обещал. Надежную крышу, тихое место и прилич-

ную зарплату потеряете. Но живы останетесь. В половине пятого будьте готовы и найдитесь в машине на развилке. Заберу вас с собой.

— Не выпустят с планеты, вас давно обложили со всех сторон. Все.

— Точно. Но сюда я прошел и отсюда уйду не хуже. Могли убедиться, что к самоубийству меня не тянет и подстраховаться умею.

— Вы-то, видимо, умеете, да у меня какие гарантии, зачем я вам нужен?

— Гарантии те, что сами заработаете, если все сделаете аккуратно, как я сказал. А человек, несколько лет проработавший начальником охраны Компании, мне, уверен, окажется еще очень нужен. К сожалению, подозреваю, мои отношения с этой замечательной организацией не скоро закончатся.

— Заправленная мотоциклетка будет ждать на рассвете у караулки. До утра хотите остаться здесь или отвезти вас на гостевую виллу?

— Нет, спасибо, у меня тут есть старый приятель, Женья Витте, давно с ним не виделся, поеду сейчас к нему, поболтаю, там, пожалуй, и переночую.

— Старший инженер Витте? Но он собирался сегодня в город по делам, я ему сам недавно

пропуск отмечал, придется трогательную встречу отложить.

— Не придется. Мы с ним связывались по браслету, он задержится до вечернего парома, поужинаем, а потом он оставит мне ключи от дома. Это уже не ваша забота, постарайтесь со своими делами справиться без накладок. Вызовите машину, чтоб меня отвезли, кажется, квартал «Г»? И еще, позвоните в санчасть, жутко разболелась рука, пусть зайдет медсестра Роза. Ей ничего заранее не говорите, но чтоб зашла именно она, а не доктор или кто другой.

Роза появилась как всегда мгновенно и как всегда бесшумно. Сильно постарела девочка. Годы пошли ее внешности на пользу, как, впрочем, многим дурнушкам. Но изменений в личной жизни никаких. Знал заранее, а не знал бы, сразу бы понял сейчас, по нестираемой стародевичьей пластике. Вот она, еще одна вероятная. А скорее всего, никакая не вероятная, а обычный случай, всегда и везде своенравно берегущий таких девочек не хуже и не милосердней, чем старая замаразмировавшая до последней стадии эгоизма мать, не желающая отпускать дочку от своей юбки до гробовой доски. Все равно чьей. Неизвестно, как сло-

жилая бы судьба Розы, не оказалась она в то сумасшедшее время в отпуске на Земле. Вернее, какая-то часть судьбы очень даже известна. Взяла бы своим привычным, уверенным, но стеснительным движением сумочку с крестиком и пошла с нами на пулеметы охраны, пошла бы сзади, но не из трусости, а от непривычки ходить впереди. Сзади пошла бы, но не отстала бы ни на шаг. И если бы не осталась с теми, кто навсегда залег по оврагам на пути к порту, если бы прорвалась с нами сначала к яхте, а потом через следователей арбитража, то, вполне возможно, получилась бы совсем другая жизнь. Нет, невозможно. Раз не получилось, то и невозможно. Тут закон простой. Розе сослагательность не дана, проклятие это или дар божий — уже другой вопрос, но не дана. И потому сейчас стоит, смотрит на меня внимательно все всегда понимающими глазами, узнала сразу, но никто никогда, кроме меня, этого не определит, смотрит спокойно, ожидая приказа, не просьбы, не жалобы, а именно приказа, который выполнит, не раздумывая и не интересуясь смыслом и целью, выполнит, потому что, однажды поверив кому-то, не имеет способности не только терять, но даже на малость слабеть своей верой.

— Сестра, у меня несколько часов назад был перелом руки. Наложили фиксатор, ввели необходимые препараты, но, видимо, они оказались не совсем кондиционными, сейчас болит очень сильно. Пойдите к себе и принесите регенерант, да что-нибудь из анестезирующего по сильнее. И еще, доктору ничего не говорите, сделайте вид, будто пытаетесь от него скрыть, какие лекарства берете и что вообще берете. Но и то и другое он должен обязательно заметить. Все ясно?

Мне не стоило добавлять последних двух слов, особенно тоном, которым они были произнесены, но пусть лучше девчонка испытает легкое недоумение, до обиды все равно дело не дойдет, зато посторонних мыслей не возникнет у капитана, а устраивать Розе неприятности, зная, что с собой ее не забрать, даже по моим, последнее время сильно расширенным понятиям о нравственности, совсем получится подловато. Еще несколько минут молча посидели мы с начальником, очень естественно теперь у нас молчание выходило, да для капитана, думаю, теперь надолго со всеми именно молчание станет самым естественным видом общения, потом вернулась Роза, сделала мне укол и лишь слабым прищуром глаз дала понять, что и с доктором ра-

зобралась как надо, и насчет тона все поняла правильно. Я достал швейцарский браслет, включил на нем режим постоянной передачи и не без сожаления положил на стол капитана, прикрыв сверху бумажкой. Приходится расставаться с игрушкой, многое с ней связано, не дешево она стоила, но ведь и послужила неплохо. Ладно, чепуха. Я кивнул капитану на браслет:

— Попробуйте тут ничего не трогать и не устраивать фокусов. Мне нужно иметь возможность знать все, что будет происходить в этой комнате, договорились?

И, не ожидая ответа на свой до бестактности риторический вопрос, направился к двери. На пороге меня остановил вежливый голос капитана:

— Простите, Валентин, а старуха точно пока ничего не могла узнать?

— Успокойтесь, Бобочка, сделайте, что вам сказали, и все будет в порядке, — быстро ответил я и поспешил выйти, не дожидаясь дальнейших вопросов.

Мне уже порядком надоело врать, хотя в последнее время я неплохо преуспел в этом жанре.

Машина стояла у подъезда. По дороге я связался с Женей, он подтвердил, что ждет. Через

несколько минут мы были вместе. Домик инженера Витте оказался почти таким, каким я его себе и представлял по подробным описаниям хозяина современной постройки, в мое время подобные изыски никому и в голову прийти не могли, состоящий, на первый взгляд, только из двускатной крыши, даже фундамента не видно, причем один из скатов сплошь стеклянный, стекло, правда, затемненное, да и ветви деревьев, прикрывая, создавали иллюзию отгороженности, но сквозь них просвечивала роскошная обстановка каминного зала. Старший инженер встречал на пороге, как всегда облаченный в полный парадный мундир, разве что без форменной фуражки. Впрочем, опять я автоматически делаю дурацкие обобщения. Всего несколько раз в этой жизни мы с Женей встречались, может, он остальное время из халата не вылезит. Но сейчас его вид эффектно производил впечатление рядом с моей потертой черненькой рубашечкой и облезлыми джинсами.

Принимали меня нынче явно не по одежке, дверь распахнули, вперед пропустили, улыбаясь и совершая всяческие гостеприимные движения. Обниматься мы не обнимались, но так старательно кривили рожи в радостных гримасах, кто бы

посмотрел, никогда бы не усомнился в удовольствии, получаемом старыми друзьями от долгожданной встречи. Впрочем, вполне вероятно, кто-то и посмотрел. Но на самом деле мы не так уж и фальшивили, у каждого из нас были достаточные основания радоваться — и что встреча состоялась, и что состоялась она вовремя. Достаточные, хотя и разные. Витте провел меня в тот самый каминный зал, что так заманчиво мерцал лаком паркета и хрусталем бара сквозь ветви окружающих дом деревьев. Мы расположились за столом у самой стеклянной стены, начинающейся почти от пола, только не больше полуметра занимала панель с обогревателями. Хозяин выставил пузатую бутылку с каким-то экзотическим напитком, к ней хорошо шли низкие широкие рюмки, появился ящичек тонких фирменных сигар — красота, кто понимает. И мерно потекла беседа с элегическими мотивами, эдакая классическая вариация на тему: «А помнишь?» Как же, один факультет кончали, в одних пивнушках лекции прогуливали, на одних приисках практику проходили. Все весьма правдоподобно. Особо если считывать этот треп лучом со стекла. А возможно, и чепуха, никто уже ничего не смотрит и не слушает, но мне сейчас

никакая перестраховка не казалась лишней, нельзя позволить, чтобы почти перед финишем, когда не остается ни времени, ни сил что-то исправить и поменять, помешала любая глупость от обыкновенной расхлябанности. Слишком часто я видел, как самые лучшие планы рушились оттого, что люди забывали вовремя выбросить записную книжку. Следовательно — милая, невинная беседа с предельной потугой на правдоподобие и ничего другого. Остальное и так достаточно обговорено и оттренировано до мелочей. А то, что на факультете первокурсник Валя и пятикурсник Женя познакомиться не успели и, встретившись через полтора десятка лет, не могли вспомнить физиономии друг друга, — никому теперь не успеть выяснить, я в цейтнот загнал не одного себя, правда, не все об этом еще догадываются.

Напиток из пузатой бутылки оказался не слишком хорош, но аккуратно прихлебывать его приходится, по самым оптимистическим подсчетам ближайшие часов пять больше мне все равно нечем будет заниматься. Или все же герцог заначил втихаря какую-нибудь таратайку с движком? Док, думаю, вернее всего мудрствовать особо не станет и настучит по браслету, дело-то святое, так

что весь вопрос теперь в скорости пони, но неужели герцог действительно такой дурак, чтоб полагаться на единственную машину? Не очень верится, перегнула тут Мария, она вообще натура увлекающаяся... Хотя, кто их знает, для местных вероятка — понятие гораздо более незыблемое, чем для меня, тут по мне нельзя мерить, возможна ошибка, сейчас и не сильно принципиальная, но методологически опасно. Продолжаем трепаться. Браслетик свой plombированный, что в ответ на мое тупое презрение жизнь мне спас и, может, уже не раз, снял я с руки, забавляюсь, кручу автоматически, делать-то нечего, и так, между прочим, настраиваю на выходной канал того, швейцарского, что брошен предательски во вражьем лагере, пусть породнятся, общее, в конце концов, дело делаем, нечего аристократам нос задиравать. Фон пошел хороший, связь нормально работает, но пока в кабинете капитана тихо, шуршит только чем-то, уж не завещание ли пишет, идиот, с него станется, эти крутые уголовники рано впадают в старческую сентиментальность. Ну, бог с ним, рыжему еще всего в одной сцене удачно выступить осталось, будем надеяться, на нее у него ума хватит, а там пусть пишет, что хочет. Но звук я на

всякий случай все же прикрутил, ничего, напряжусь, на ушко прикинем, теперь любые речи, что из капитанского кабинета пойдут, совсем не для посторонних.

Что там Женя рассказывает? А, про толстуху белобрысую. Весьма неплохо импровизирует. Любопытно, заранее готовился или так лепит, от лукавого? Предполагал все-таки, что долго придется чушь нести. Хотя эта толстуха могла и на самом деле существовать. Я же в действительности ничего о старшем инженере толком не знаю. Кроме одного. Но точно. И на это одно приходится делать столь крупную ставку. Благо бы какая позорная старинная родовая тайна или жесткое шкурное, как у Бобочки, а то такая банальность — и сказать стыдно. Несчастные пятьдесят тысяч. Что, в конце концов, эти пятьдесят тысяч, ну зарплата его за десять лет, но ведь выгонят его отсюда к чертовой матери и еще не скоро за такие фокусы куда-нибудь потом возьмут. И все же он рискнет, да не рискнет даже, для него и понятия такого не существует, а отработает основательно, надежно, честно, в его, конечно, понимании, как всегда отработывал, как смены отдежуривал, как наряды закрывал, как

отпуска дожидался. Все делал. До тех пор, пока не приходил к выводу, что зарабатывает больше, чем получает. И тогда — извините. Посмотрим, кто даст настоящую цену. Пока моя цена кажется ему настоящей. Если я не ошибаюсь. А я не ошибаюсь. Потому что меня кинуть, это для него как раз тот самый риск, о котором он не имеет понятия. Настоящий авантюрист не бывает предателем. И наоборот. Вот опять мои слишком умозрительные и слишком категорические формулировки. Сломаю я себе когда-нибудь на них шею. Одно счастье, пока стараюсь основываться все же на другом, хотя другое тоже крайность. Формулирование безо всяких оснований ничуть не лучше оснований без всякого формулирования. Но пока не подводило. Хотя, как знать, может, давно подвело, просто я не заметил? Ну что ж, и тогда, значит, не подвело. Раз не заметил, уже не замечу. Этот сюжет имеет только одну развязку. Вся вариативность исчерпана экспозицией.

Продолжаем трепаться. Он продолжает трепаться. Я продолжаю трепаться. Плавно идет. От чего только оттрепываюсь, не совсем понятно. Дыхание не хочу сбивать. Не время для выводов.

Рано. Успеем разобраться. Известные отговорочки. А есть ли у меня ход назад? Вот уже как ставим вопрос, не нужен ли этот ход, а имеется ли. Почему я так уверен в Витте, в человеке, с которым виделся несколько раз и имел всего одну серьезную, хотя и предельно серьезную, беседу? Потому что у него нет хода назад. Нет, потому что существую я, и я не позволю такой ход сделать. Вернее, не позволить не могу, могу только не дать остаться безнаказанным. А для него это равнозначно. Но что сейчас работает таким гарантом для меня? Я ведь не он, но тут не предмет для гордости, хоть и посылки разнополюсны, пусть для меня безнаказанно как раз отступление — это уже нюансы, важна абсолютная положительная величина — свободен ли поступок, или то всего лишь иллюзия, пусть внушенная с самыми благородными побуждениями. Систему для себя самого можно придумать любую, сколь угодно изысканную и надежную, суть не изменится, вон Дани расстался, кажется, безупречная обмуровка, а даже дешевка-герцог смеется, потому как слишком посылки очевидны. Не рожала бы его жена со дня на день, система вполне могла бы быть другой, хоть и не менее безупречной. А раньше, как я по-

нял, у нее неприятности были с этим делом, выкидыш, видимо. Или даже несколько. А между тем и один раз забеременеть местной от землянина практически невозможно... Стоп. Что-то слишком знакомая история. До боли. Неужто снова одна пружина? И снова Дины? Кто же на сей раз из нас под какой ее виток попал? Да нет, слишком много совпадений. Тут не бывает слишком. Опять не хочется формулировок? Опять рано? Да, рано. Да, поздно. Я не виноват, если пружина одна. И Дани не виноват. Виновата пружина, вот она пусть и раскручивается, а потом мы сыграем по-честному. Но будет ли по-честному для него, ведь в той игре он никаких шансов не имеет? А я в этой. Не повод только ту считать честной. Лишь потому, что так положено. Кем положено-то? Над этим моим вопросом тут недавно уже хорошо посмеялись. Ничего, не долго им осталось над моими вопросами смеяться. Ну, а сам чем лучше, отказываясь слушать не только их, но себя? Я на все ответил. Так ли? Хорошо, я еще на все и за все отвечу. Так ли? Было, кажется, насчет тех, кто отвечает за все. Тогда не стоило начинать. А вот это уже совсем мое личное дело. Тут сначала задумывалась кампания с неограниченной от-

ветственностью. Спокойно, спокойно, роскошествуем, нервишкам позволяем своевольничать, не по рангу довольствие.

Разучился ждать, опасные симптомчики. Как медленно время тянется. Браслетик на всякий случай в правом кулачке зажал, и так, как бы невзначай, кулачком этим головку подпер, чтоб звуковой блок прямо к ушку — ни с какого стекла ничего не считаешь. Но рано, рано, не успеть еще герцогу, а административка без него не дернется, не может быть, чтоб дока не пасли, не я один такой умный, там люди на жалованье состоят. Хотя если и вправду умные, если кабинет капитана слушают внимательно, могли насторожиться от разговора с Розой. Но это не страшно, максимум, заподозрят мою какую-то дополнительную игру с Королевством, разобраться же в подробностях не сумеют и не успеют, материала не хватит, не додал я им фактуры.

А хорошо все-таки Женя говорит, почти вдохновенно, старательный парень, нет, наверняка готовился, ну хотя бы примерный круг тем точно заранее прикинул, любопытно, а мои реплики производят на стороннего слушателя столь же приятное впечатление, хватает правдоподо-

бия? Да тут любой возможный слушатель особо сторонним не окажется, но будем надеяться. Так, момент, инженер, кажется, с общих студенческих воспоминаний переключился на конкретные факты собственной биографии, что у него там дальше по программе, как бы не занесло в порыве вдохновения...

— Видишь ли, Валя, ты еще удивлялся, да и многие наши ребята тоже, когда я с теплого местечка в НПО, где и с диссертацией перспективы были, ты знаешь, перебрался на чистое производство, да в такую даль, да на прииски с весьма спорной репутацией. Думаешь, только деньги? Врать не буду, надоело под размен пятого десятка каждый раз копейки до полочки считать, но тут не самое главное, я ведь не сильно балованный и терпением не обделен. Другое привлекло, даже заворожило в какой-то момент, именно эта небесспорность репутации. Сама идея добычи в условиях верояток. В ней, возможно, модель всей моей жизни. Только посылка в основном постоянно противоположная, вероятки исключительно отрицательные, до жути вдруг возмутило: а почему, собственно, необходимо с этим так спокойно мириться? Ведь если я сумел в себе смирение выработать, позволявшее не

роптать при постоянных черных полосках, не дает ли такое смирение права на отсутствие стыда, при возможности поменять их на исключительно белые? Плюс и чисто техническая проблема любопытнейшая, именно в стиле еще с нашего института идущей традиции, заставить систему работать независимо от знака исходных данных, доказать такой возможностью верность основных принципов. Тем более что вероятность только минусового значения мы всегда, так и так, вынуждены были учитывать, а противоположный вариант только чисто теоретически рассматривали. Здесь наконец у меня появилась реальная возможность все на практике проверить. Знаю, что ты с этим не согласен, но несогласия твои лежат в сферах, от инженерных далеких, я же не могу моральную задачу даже начинать ставить перед собой до тех пор, пока мне не до конца ясен путь решения технической. Иначе не вижу возможности разобраться ни в той, ни в другой. Опять же потому, что уверен в общности и верности основных принципов. Да и если я откажусь решать, сама по себе задача-то никуда не денется.

— Это старый спор, Женя, и мы сейчас его с тобой не решим. Для одних существует только возможность решения задач, а для других основ-

ное — право на такое решение. Если для тебя техника морали и мораль техники едины, то это обозначает всего один из вариантов подхода, но отнюдь не верность всеобщих основных принципов. Так что расскажи лучше, где ты этот нектар достал, в валютке?

Вот подобным примерно образом я пытался складненько отвечать, поддерживая непринужденную беседу, и пока далее шел интереснейший рассказ о способах приобретения пузатых бутылок, до боли уже прижимал браслет к уху, тупо глядя на плотоядно шевелящиеся губы собеседника. Но тихо пока было в кабинете капитана. Совсем тихо. Даже малейшее шуршание прекратилось. Неужто Бобочка фокусничает? Не похоже, фон хороший, да и нет у него сил на глупости, обработка этого субъекта закончена. Скорее всего просто сидит и газетную картинку рассматривает. И не хочется ему никаких звуков издавать. Потому и тихо. Не желал бы я сам сидеть в такой тишине. Что бы там кто ни совершил. А я даже толком не знаю, что уж такого рыжий совершил и какие у него на то причины были. И все же присвоил себе право заставить его сидеть именно так и не один час рассматри-

вать картинку. Сколько же гнусностей на эту пружину налеплено. Кажется, кто-то из декабристов собирался сначала убить царя, а потом застрелиться сам. А может, я что-то и путаю. Но все равно довольно наивное решение. Если бы было так просто. В том-то и дело, что стреляйся потом, не стреляйся — твои личные трудности, они никакого отношения к предыдущему решению не имеют, и принимать его необходимо без расчета на последующее покрытие расходов. Слишком въелась банальная мысль о том, что без знания истории не понять настоящего и не предвидеть будущего. Не все части взаимозаменяемы. И настоящее, и будущее далеко не всегда могут не то что оправдать, но даже хоть немного объяснить прошлое. Почему это произошло? Почему угол наклона ствола оказался именно таким? Почему не сработали предохранители? Почему соскользнули пальцы юнкера с рукоятки? Опять пошли идиотские вопросы. Но с ними мы еще попытаемся разобраться. А вот почему это произошло именно в тот момент? Когда все наконец встало на свои места и казавшееся неизбежным до скуки обернулось нелепой случайной помехой, а годы безнадежного и безверного

ожидания с лихвой наполнились смыслом и глубочайшим значением. Нет, имеется какой-то, ни от каких верояток не зависящий, закон, что именно тогда. А если бы раньше? Или позже? Было бы легче? Самое подлое, что легче. Но не лучше. И не изменило бы ни предыдущее, ни последующее. И тем более, почему именно тогда? Как же хочется предположить чью-то злую волю, как же хочется драться не с объективной абстракцией, а с конкретной личностью. Им легче. Считают, что костью поперек глотки застрял некто Валя, уберут его и задышат свободно. Счастливые. Тоже ведь придумывают себе оправдания, все придумывают, иначе не было бы столько утомительных разговоров, хоть и делают вид, что давно ни в чем не сомневаются. Нет, разговоры выдают, но на поступки повлиять не могут. Потому как имеется персонифицированный враг. Это всегда успокаивает, обнадеживает и придает уверенности.

Ну сколько же ехать можно?! Ах вы пони, мои пони, пони резвые мои... Ну хоть после этого раскошелится светлейший на лишние колеса? Он много на что после этого раскошелится. А у рыжего тихо. Тоже ждет. Не легче ему

ждать. Ох, не легче. Быстро же он мне поверил. Выхода не было, вот и поверил. Вот и быстро. И судьбы своей не ведая, весь доверился ему. Ага. Тут, похоже, у всех одна судьба, кто «доверился ему». Был выход или не было, а судьба одна. Итог общий. И предупреждает он о себе обычно сначала молчанием браслета. Вот таким же примерно. Здесь пока хоть фон хороший. Поеду я скоро на этом фоне. Слуховые галлюцинации начинаются. И Женю больше слушать не могу, пора бы ему уже начать пьяного изображать с заплетающимся языком и тараторить помедленней, а то силы кончаются реагировать.

Так, кажется, уже не фон и не галлюцинации, неужто доплелись парнокопытные? Я пристально посмотрел на Женю, слегка прищурившись, и он, все запомнил, умница, честно работает, сразу же заткнулся на полуслове, вроде поперхнувшись, извинения пробормотал, тихо и быстро, стаканом своим занялся, в коробку с сигарами полез, этих деяний для правдоподобия на какое-то время тишины должно хватить, ведь мы как будто и выпили не мало. Я вжал в ухо оживший наконец браслет, даже дыхание задержал.

— Господин капитан, его светлость находится на центральной проходной и просит немедленно принять лично, без согласования с руководством прииска.

— Пропустите и проводите. Внимание, вызываю начальника караула седьмого поста. Лейтенант, доложите обстановку у шлагбаума, на дороге к плато, и что делают королевские. Не спешите, посмотрите внимательно, нужен не формальный рапорт.

— Все спокойно, господин капитан, после случая с тем ненормальным лимузином, о котором я уже докладывал, никаких происшествий не было. Дорога чистая. У королевских сейчас обычная смена постов, разве что чуть раньше срока.

— Немедленно поднимите в ружье все сменные караулы, но пусть они пока остаются в помещении. Часовым у шлагбаума объявить положение номер один. Проверить всю страховочную систему при выходе на трассу и вообще всю технику. О малейшем необычном в поведении королевских докладывать немедленно. Выполнять.

— Его светлость герцог Моздокский, регент и хранитель покоя Королевства.

— Прошу, ваша светлость, чем обязан такому высокому и редкому гостю?

— Здравствуйте, здравствуйте, капитан, действительно редко что-то мы с вами встречаемся, давненько не виделись, сторонитесь вы нас, смотрю, что-то...

— Я, знаете ли, герцог, человек совсем не светский, происхождения низкого, мне в высшем обществе вращаться тяжело, а что у службы моей со службой вашей дел последнее время немного, то это, думаю, к обоюдному удовольствию.

— Удовольствие, конечно. Удовольствие в любом случае огромное. И совсем хорошо его бы не портить, такое удовольствие. А происхождением вы зря бравируете, в плебейской гордости много больше снобизма, чем в аристократической спеси. Не важно, кто с чего начинал, бояться нужно того, кто чем закончить может.

— Мне хотелось бы ошибаться, но вы, кажется, на что-то намекаете, и не без угрозы. Простите, но я не силен во всех оттенках великосветских бесед.

— Достаточно сильны. Во всех оттенках. Но я, однако, обойдусь без намеков, за отсутствием времени. На территории приисков сейчас находит-

ся человек, вы понимаете, о ком я говорю, который нанес крупный материальный ущерб Королевству, похитил собственность его величества, уже не упоминая о том, что цели его и действия представляют угрозу и для нашего государства, и для вашей организации. В соответствии с Трехсторонним договором мы имеем право требовать выдачи этого человека для последующей его депортации за пределы планеты. Я просил бы вас немедленно или передать нам этого человека, или предоставить возможность моим людям самостоятельно заняться его поисками на территории приисков.

— Ваша светлость, вас, к сожалению, какие-то недостойные люди ввели в заблуждение. На территории приисков нет человека, подобного тому, о ком вы говорите.

— Я вас умоляю, капитан, не будем устраивать комедию, не та ситуация.

— На территории приисков нет человека, подобного тому, о ком вы говорите.

— Так, значит? Ладно. Тогда вам придется на эту ночь свою зону охраны у шлагбаума через дорогу к плато передать под наблюдение уже подошедшим ротам королевской контрразведки. И убрать оттуда своих людей до утра.

— Надеюсь, ваша светлость выслушает предельно внимательно то, что я сейчас скажу. И также надеюсь, что запомнит на все оставшееся время нашего возможного общения. Потому как мне не хотелось бы повторять это еще когда-нибудь.

— Можете не сомневаться в моем прекрасном слухе и отличной памяти.

— Так вот, герцог, вы можете обращаться в Большой арбитраж или в любую другую организацию, имеющую право надзора за соблюдением Трехстороннего договора, требовать проверки правдивости моих слов или полномочности моих действий, но пока я нахожусь на посту начальника охраны приисков, на их территорию, с любой целью, не ступит ни один вооруженный подданный Королевства, а дорогу на плато во вверенном мне участке каждое мгновение будут контролировать только охранники Компании. И мне было бы неприятно еще что-нибудь услышать на эту тему. Только ради вас согласен далее продолжать чисто светскую беседу.

— Нет, светская беседа у вас все равно не пойдет, это вы правильно заметили. Что ж, придется занять пост у шлагбаума без разрешения.

— Попробуйте, я уже дал приказ привести все караулы поста в полную боевую готовность. Вы, может быть, не в курсе, но обычно тут все мои приказы выполняют.

Раздался резкий скрежещущий звук дерева по дереву, предполагаю, что герцог, вскочив, оттолкнул кресло и оно оцарапало паркет, не привыкший к грубостям. И голос герцога зазвучал совсем по-другому, редкая смесь высокомерия с базарностью. Впрочем, я успел наизумляться богатству светлейших интонировок.

— Вы забываетесь, капитан, я прекрасно понимаю ничтожность военной мощи нашей цивилизации по сравнению с вашей, но тут не цивилизация, а жалкая кучка шахтеров. Бластеры у вас по договору забрали, так что всех двадцати дивизий Королевства, которые сейчас в боевых порядках направляются к посту, вполне хватит и с винтовками, чтобы внушить вам достаточно сомнения в правильности вашей замечательной речи. К закату мы займем пост у дороги на плато.

Капитан тоже, видимо, встал, уж очень его тон был тоном стоящего человека.

— Э нет, это вы забываетесь, герцог. Никакие мартышки условия офицеру Земли дикто-

вать не будут, хоть десять корон себе на голову нацепят. Если ваши войска появятся на горизонте, я остановлю прииски и по общей тревоге подниму из забоев и казарм всех шахтеров. Через несколько минут вашим двадцати дивизиям дорогу перекроет одна, но состоящая из десяти тысяч лучших пулеметчиков вселенной, в основном совсем недавно проходивших срочную службу в частях Легиона. И тогда посмотрим, не сможем ли мы продержаться до подхода линкоров с орбиты. Но даже если не сможем, если даже погибнем все, то Земля оттого не перестанет быть Землей, а что случится с вашим народом после этой бойни, из которой не выберется, это уж вы можете не сомневаться, большая и лучшая часть мужчин Королевства? Подумайте хорошо.

И наступила тишина. Я уже решил, что административка раньше времени мне связь закуклила. Но снова заговорил герцог. И не было ничего более в его словах вызывающего раздражение, а только безнадежное спокойствие старости:

— Что ж, вы правы. Тут требовалось подумать хорошо. Но выхода я не вижу. На карту поставлено слишком многое. Видимо, мы действительно окажемся в проигрыше при любом

результате. Но нам не дано выбирать, Королевство не вернется к прошлому. Может быть, смерть еще не есть гибель. К закату войска выйдут на дорогу к плато. Я не передумую. Вы наверняка тоже. Но если вдруг — сообщите.

Хлопнула дверь за герцогом. И сразу стук капитана по вызову селектора:

— Всех начальников боевых групп немедленно ко мне! лейтенант, зайдите. Сейчас же поднимайте людей по форме общей опасности. Начинать раздачу оружия и формирование шахтерских батальонов. Расставьте по ротам наиболее опытных офицеров. И вот что еще... Передайте мой приказ дежурному по огневому обеспечению. Склад одиннадцать четвертой зоны. Пусть расчехлят бластеры.

Снова тишина. Но на сей раз я совершенно уверен, что крайне ненадолго. Административке ждать больше нечего. Компромата капитан на себя дал выше крыши, даже хитрые номера складов с бластерами заложил, а помедли с ним еще немножко, успеет действительно привести в полную готовность всю боевую машину приисков, это и в самом деле не шутка, тут рыжий не блефовал. Так что если уж они появятся, то с секунды на секун-

ду, слушать надо внимательно, я громкость на полную врубил, все равно происходящее там до слов, кроме меня, никто не поймет, а первые же слова станут неинтересны мне. Если, конечно, дело пойдет, как я рассчитываю. Пошло. Раздался легкий шорох раскрываемой двери и несколько чуть слышных мягчайших шажков. Значит, вошли, взяли капитана на пушку, отыскивают теперь глазами, под какой бумажкой на столе мой швейцарский шпион лежит. Любопытно, рискнет капитан в эти мгновения мне хоть какой-нибудь сигнал подать? Нет, не рискнул. Да и ребята из группы захвата административки не полные лохи, все со средне-специальным... Вот-вот, уже и закуклили связь, недолго мыкались, только фон как-то неуловимо изменился, то есть это, может, для кого и неуловимо, а я таких неуловимых достаточно наслушался, чтобы понять — все, браслет от капитанской комнаты можно отключать, там теперь пойдут свои разговоры, отдельные, а то, что я услышу, будет слишком специально мне предназначено. Убрал браслет от ушка, наконец-то, рука затекла, ухо горит, поза дурацкая, ну теперь хоть размяться не мешает никто, я приподниматься стал, лениво так. Жене, видать, тоже сидеть на-

доело, да и ехать ему скоро, на часы взглянул обеспокоенно, встал, но хотелось бы еще по одной на дорожку, а пузатая бутылка опустела. Пришлось хозяину в бар наведаться, скрылся он там на мгновение за каминным выступом. А я пока перед стеклом потягивался, лояльность демонстрировал, ежели ребята и впрямь на стреме, не стоит их сразу начинать особо нервировать, они сейчас тоже должны быть на пределе, слишком близко от финиша. Потому только постепенно. Вот вернулся Женя с новой бутылкой, снова за стол сел, а теперь уж я со спокойной совестью в сортир отлучусь. Но постараюсь побыстрее, нечего чужое терпение испытывать. И снова оба мы за столом, пожалуйста, полное наличие, можете проводить инвентаризацию. Пригубили по последней. Но не получилось, чтоб по последней, ошибочка у Жени вышла, не по жлобству, я его знаю, просто перепутал, дрянь какую-то принес, я не мог сдержаться, да он и сам оплошность почувствовал. Обсудили мы с ним это дело, к общему выводу пришли, что если по последней, то надо все же в удовольствие, и стаканы сполоснуть: еще одни пачкать перед отъездом не стоит, а наливать в пахнущие предыдущей пакостью... И вновь на мгно-

вание инженер оказался скрытым от стеклянной стены за каминным выступом, а я, на сей раз одновременно с хозяином, за открытой дверцей ванной. Тут и удалось наконец размяться как следует. Мы кинулись на пол и покатались под прикрытием панели с нагревателями навстречу друг другу. Дальнейшие манипуляции отретпетированы были до автоматизма, и через минуту уже я шел от бара с новой бутылкой, в бороде, усиках, шикарном курчавом парике и парадном мундире старшего инженера, а хозяин нес чистые стаканы из ванной в коротенькой мальчишеской стрижечке, еще неделю назад хорошим парикмахером приведенной в полное соответствие с моей, а также всем прочим, внешне олицетворяющим мастера Валю, от старенькой серой масочки до неслышно бибекающего браслета. Времени до отхода рейсового приискового парома на город оставалось совсем в обрез. Быстро выпили, чокнувшись и проникновенно посмотрев собеседнику в глаза. Затем я через центральный коммутатор набрал код своего адвоката на третьей Перевалочной, то есть адвоката инженера Витте, разумеется, так как был сейчас вроде как бы он, дождался трех гудков вызывающего зуммера, решил, что, видимо, не туда

попал, так как адвокат этот всегда подходит сразу, дал отбой, набрал еще раз. Действительно, подошли сразу, только ответили почему-то голосом в самом деле моего адвоката, естественно, снова отключился, предварительно только удивленно хмыкнув, но пойдя по этому хмыканью попробуй определить автора, если, конечно, не знаешь его больше десяти лет, да еще плюс специально не готовился узнавать именно в данный момент именно данное хмыканье. Больше набирать никаких кодов я уже не стал, совсем времени мало, поднялся, начал карманы охлопывать, проверяя, не забыл ли чего. В этот момент инженер, в смысле Валя, тоже решил с кем-то связаться на третьей Перевалочной, баба ему некая на робкое меканье буркнула в трубку, что звонят, мол, всякие, спать не дают, нет Машки дома, нету! Таким образом все наши дела оказались законченными, пятьдесят тысяч на счет господина Витте переведены, и факт перевода подтвержден. Теперь, при большом желании, инженер еще может постараться получить возможность меня заложить, но пока, слава богу, пистолет является обязательной принадлежностью парадного инженерного мундира. Блок питания от браслета, согласно договору, я ненаро-

ком отсоединил и так же ненароком смахнул кругляшку в карман. Друзья крепко пожали друг другу руки, и, уже совсем опаздывая, человек, будем надеяться, что очень похожий на господина Витте, бросился к выходу в подземный гараж.

Через несколько мгновений я гнал машину инженера к стоянке паррома. И все же любопытство так до конца и не оставляло, смиритесь Женечка с перспективой прикидываться шлангом, изображая наивного дурачка, поддавшегося на уговоры приятеля помочь в невинном розыгрыше, или все-таки рискнет поднять панику, как вовремя опомнившийся? Остается надеяться, что и в худшем случае мой расчет окажется верным и никто попросту уже не успеет встать мне на дороге. Транспортные подразделения Компании славятся своей пунктуальностью. Как только через четыре минуты сорок секунд я влетел в автоотсек паррома на Жениной пижонской полуспортивной лайбе, сходни отъехали, причмокнула крышка въездного люка, регистрационную карточку старшего инженера с отметкой капитана, разрешающей выезд, не вставая, через приоткрытое окно машины — в щель контрольного автомата, тонкий писк — на стене загорается ши-

рокая зеленая панель — рейс начался. Ну, теперь прервать его в силах только артиллерия ПВО. До этого мы еще, надеюсь, не дошли.

Любые неприятности могут ждать только после приземления. Но там у меня дел совсем немного, так что еще посоревнуемся в скорости реакции. А пока опять имеем полчаса спокойного ожидания. Внешне сплошная динамика, а присмотреться, получается постоянное ожидание и утомительный треп, и лишь изредка, в не частых промежутках, не очень естественные всплески светливой активности. Явные издержки плохой режиссуры. Оправдываться можно лишь тем, что и сам материал, с которым приходится работать, — не ахти. Но зрителя внутрицеховые сложности не касаются. Остается взять на себя полную ответственность и попытаться спасти пьесу одной финальной фразой, правда, пока это удавалось лишь Дюма-отцу. Но зато я уже могу, воспользовавшись паузой, подвести некоторые предварительные итоги.

Войска Королевства скоро начнут занимать посты у дороги на плато. И герцогу сейчас забот вполне хватает, он решил на шаг рискованнейший, на карту поставил существование собствен-

ного народа, ему не до мелочей. Административная полиция допрашивает капитана, меняет приисковых охранников в основных караулах на своих офицеров и ждет, когда маячковый сигнал из дома Витте начнет перемещаться в сторону центральной проходной. А может, ее ребята подстраховываются все-таки и наблюдением за стеклом, сквозь которое отчетливо виден ждущий своего часа, всеми разоблаченный, но еще на что-то надеющийся господин лже-Белоф. Конечно, вся эта детская шутка с переодеванием никогда бы не удалась, будь хоть у кого-нибудь малейшее сомнение, что главное — перекрыть мне возможные пути на плато. В ту сторону неослабное внимание, а противоположное направление никого не интересует. И откуда, собственно, такая всеобщая уверенность? Кроме как на моих высказываниях, основываться ей не на чем, а поди ж ты, восприняли как аксиому. Вот что значит истинное доверие к человеку. И из-за меня многие могут утратить его окончательно. Еще одна необходимая издержка производства. Да, уж чего-чего, а издержек имеется полный комплект. Что-то я постоянно уговариваю себя не рефлексировать, самоедством не заниматься и тонкие струны

свои не дергать, во имя этого самого дыхания, а совсем не заметно, чтобы его ровность можно было хоть как-то сбить. Слишком натужная игра с самим собой получается. Как если уговариваешь не волноваться не потому, что действительно боишься поволноваться, а потому, что боишься на самом деле, что волноваться разучился вовсе, и чтоб этого неприятнейшего открытия не совершать, самоуспокаиваешься — не потому не волнуюсь, что не могу, а потому, что умею держать себя в руках. Мысль замечательная и опять же ко времени.

Скоро начнет смеркаться, какая-нибудь из поисковых групп уже должна выходить к месту предполагаемого местонахождения Чепы. Даже про себя я не сказал «месту гибели». Быстрее может добраться группа Марии, но связываться с перевалом? Его, Дины говорили, постоянно прослушивают... А Блума не прослушивают? Вряд ли, по тому, что о нем рассказывала тетушка, хоть от этого он наверняка сумел себя оградить. Браслет инженера мы с ним еще на катере потрясли хорошенько, он чист, так что, думаю, можно рискнуть. И все же не нашел другого слова, как рискнуть. И прав. Браслет трясли пять

дней назад, за этот срок туда слона могли засунуть. Но тогда, значит, Витте изначально должен был быть под подозрением, и меня у него сразу задержали бы. Чепуха. Не задержали бы. Потому же, почему административка не задержала меня по прилете в порту. Им не предотвратить мой выход на плато любой ценой требуется, им надо знать, каким способом туда пробраться можно, и они мой путь до самого последнего этапа проследить собирались. Их не интересую я. И не меня охранял и обозначал маячок. А того, кто прорывается в сторону плато. Никого я не интересую. Тут нет сладострастных убийц или маньяков сыщиков. Сплошные регулировщики уличного движения. Двигайся в правильном направлении, не нарушай указаний знаков, и все с тобой будет в порядке. Только вот представления о правильном направлении иногда подводят. Даже герцог на этом наколосся. Узнал о моей давней попытке добраться до плато и посчитал себя королем. Слабоватая шутка. Вполне определяет мой нынешний общий уровень. Ладно, светлейший тоже не по классу выступил, на совсем заметный крючок попался. Когда я менял на моноциклетке почти израсходованный нако-

питель на заряженный и выискивал камушек по правдоподобней, на который наехать, то рассчитывал изобразить аварию по дороге туда, имея в виду невеликие аналитические способности офицера приисковой охраны. Правда, перестарался и ногу сломал, конечно, убедительнее получилось, но не настолько ведь, чтобы у так гордящегося своей проницательностью герцога не могло возникнуть даже подозрения, что на самом деле эта авария по дороге оттуда. А вот, судя по всему, не возникло. Опять сработала ограниченность мышления регулировщика. Ну, хорошо, всех я приложил, самый умненький, самый хитренький. И уговариваю себя, а с Блумом связаться боюсь. Но, может, не того боюсь, что опасность какая реальная, а что прибавится еще одна черточка к моему милому и светлому образу? Хватит. Так и так уже не отмыться. Блум ответил:

— Мои ребята до щели добраться не смогли, сами чуть не загнулись, но вовремя подошли горцы, сейчас не понятно, кто кого спасает, всем не до разговоров. Я связался с Марией, у нее хоть какие-то сведения от своих. Чеп погиб. Это точно. Он сорвался в танцующую щель, а там глубина больше километра.

— Как это могло произойти, ведь он тысячу раз этой дорогой ходил?!

— Не ори и давай не изображать наивность, у меня нынче совсем нет ни охоты, ни времени вести дипломатические беседы. Сам все прекрасно понимаешь, это в конце концов не мне Чеп оставил генералку и не со мной беседы на перевале вел, после которых погиб. А успокаивать твою совесть я не большой охотник.

— Что я должен понимать? При чем тут генералка и моя совесть, у меня тоже нет охоты ребусы разгадывать, Блум, можете говорить по-человечески, наконец?

— Ах, ребусы, по-человечески захотел? Тебе прекрасно известно было, сколько лет Чепу. И что он давно уже не старился, и все его ровесники поумирали. И он думал, что схватил такую вероятку и теперь обречен жить вечно, и страшно боялся, что это вероятка, отсюда и все его заскоки, что не хотел ни в какие вероятки верить. Кричать-то об этом своем неверии кричал, даже, может быть, самого себя тем криком оглушал и заглушил, но законам верояток следовал, всякие отговорки придумывал, про фарт, про удачу, но следовал, потому что в глу-

бине души понимал — иначе тут все равно не продержаться. И в танцующей щели была его вероятка, ему нельзя туда первым, и он знал и никогда первым не лез. А тут вдруг специально Динов отпустил и пошел в одиночку. Зачем? Чтобы себя наконец окончательно убедить, чтоб от страха собственного избавиться, чтоб доказать, что нет никаких верояток, а есть, так все равно лучше, чем вечно? Возможно. Очень возможно. Но только почему именно в этот раз? Почему это происходит после похода на перевал с человеком, которому потом остается генеральная доверенность, а следовательно, и весьма крупная сумма денег?

— Какая чепуха, Блум, неужели вы считаете, что я ради этих денег?..

— Я ничего не считаю, Валя, не сомневаюсь, что в чистом виде ради денег ты ничего делать не станешь, но у тебя, к сожалению, еще достаточно всяких причин, в которых, извини, у меня сейчас разбираться нет времени. Надо выяснить, что там с моими ребятами, и еще, кстати, поинтересоваться судьбой Динов, вернее их тел, что, видимо, совсем уже вылетело у тебя из головы за высокими помыслами.

Блум отключился. Хорошо мне было. Весело. Умеет ободрить и поднять настроение. Лёта еще минут двадцать. Заложил меня Женечка, или помешала-таки привычка честно отрабатывать денежки? С чем ждут меня по прибытии?.. Прорваться-то я прорвусь, только опять рука начала побаливать, неужто док и для своих удешевленное барахло закупает? А впрочем, для него что свои... Побаливает. Хорошо бы не делать резких движений. Опять весело. А почему, собственно, кто-то должен беспокоиться о моем веселье и хорошем настроении? Никто в мои игры с ровным дыханием играть не подписывался. Пора закругляться с валянием дурака. Благодарителя человечества с моими задатками все равно не получается. Удовлетворение от честно исполненного долга? Совсем глупо. Уж очень расширительное толкование здесь все мы, и я в том числе, придаем и чести, и долгу. Значит, все же тот выстрел? Месть? А кому? Слепая, идиотская надежда? Но на что? Опять лукавство. И кому — есть, и на что — есть. Ну, а если совсем откровенно? Правда, не получится сейчас совсем. И все же. А не было бы кому и не было бы на что? Я бы повторил это путешествие еще

раз. Уверен? Уверен. Но, может быть, с другими результатами.

Стоп. Пока о результатах — совсем уже наглость. И мысль эта от тех же идиотских надежд. Впрочем, поздно заниматься самовоспитанием. Пусть выглядит как уловка, но поздно. Как сказала бы Мария, сюжет придется доигрывать до конца в том виде, в котором он существует. И судить автора по его собственным законам, по тому, что в пьесе имеется, а не по тому, чего в ней не хватает. И не будем более мудрствовать, герою остается совершить несколько простеньких действий, и он совершит их, независимо ни от мнения критиков, ни от всеобщего представления о психологических или моральных обоснованиях данных поступков. Отдыхаем. Прекрасную я себе отмазку придумал, использовать каждый, хоть относительно удобный, момент для отдыха, под предлогом, что скоро потребуются все силы, и уж тогда... Потребуется они или нет, еще неизвестно, а отдых происходит на вполне законных основаниях. Так что отдыхаем. Если бы рука так не болела. Наверное, я все-таки сдвинул фиксатор во время акробатических манипуляций на полу с мундиром инженера, тренирова-

лись-то мы без расчета на подобные приспособления. Кажется, снижаемся. Хотя на этих новомодных гравитационных парамах ничего толком не поймешь. Но по времени похоже. Надо включить на всякий случай движок, и не положено до посадки, да мне сейчас не до нежностей. Вон, даже красное панно включили, недовольны. Ничего, перетерпите. Сегодня день такой. С нарушениями. Красное, на меня сердящееся, не выключили, но уже врубили и зеленое. Я был прав, посадка. Крышка люка еще не успела до конца отскочить, как я уже на предельной задней скорости вылетел на посадочную площадку, вот был бы класс, если бы сходни не успели подать. Но транспортные подразделения Компании славятся не только пунктуальностью, а и аккуратностью. Я их мысленно за эти замечательные качества благодарил, проскакивая мимо шарахнувшихся в стороны силуэтов на КПП у выезда с площадки. Как будто, по первости, обошлось, стрелять никто не стрелял, и под колеса ничего не бросали, и все же, по-моему, то ли тень, то ли похуже, метнулась за мной от контрольки. Но значения особого не имеет. Все равно сейчас необходимо выжать из машины максимум, не зря

же я Женечке отдельным пунктом доплачивал за форсированный движок, а остальное от меня теперь не зависит, тут гонки чистые, кто быстрее доберется, у меня, может, только и есть преимущество, что я лучше знаю куда, да и то не факт. Но как будто действительно сзади какие-то огни. Вроде пока не приближаются, из гражданских машин у меня сейчас скорость максимальная, но что касается административки, кто знает, какие у них могут быть новшества. Впрочем, финансовое управление здесь никогда не баловало полицию отпуском лишних средств на последние модели. Бред, при надобности послали бы гравийки. Значит, не заложил Женя. Или те не успели сориентироваться. Или среагировать. Или потеряли меня, иду на затемненных подфарниках. Побоку все это. У них осталось несколько минут. И у меня столько же.

Город сливается в одно сплошное пятно, пролетаю его с ревом сирены, поздний вечер, улицы пустынные, но береженого бог бережет, не хватало еще под конец задавить кого-нибудь. На выезде начинаются крутые повороты, приходится чуть сбросить скорость, мелькнули знакомые вывески: «Компания «Удача», «Твоя ве-

роятка». И в мгновение погас город. Только в боковом стекле томиться остались блики. Нет времени разбираться, от города ли, от тех ли, кто идет за мной, поздно. Еще пока не совсем ясно, для кого, но поздно точно. Вот они, приметные столбы, даже веревка так же натянута. Торможу до заноса задних колес, ремень безопасности чуть не ломает ребра. Отшвыриваю валун, почти не чувствуя его тяжести. Костюм на месте. Назад, в машину, рву с места до предела, черт с ним, с движком, за все уплочено. Еще пару минут. Останавливаюсь только тогда, когда даже кондиционер салона перестает справляться с разьедающим глаза запахом. В замечательную продукцию фирмы «Защитник» удается, с учетом предыдущего опыта, влезть довольно быстро и успешно. Только рука... Стараюсь уже не думать, что там с фиксатором. Большая свалка в двух шагах, она начинается пологими, но высокими и мягкими на вид холмами, А может, это и игра сумеречных теней. Не до тонкостей мне сейчас. Бегу, плыву, падаю, карабкаюсь, проползаю, подпрыгиваю, пробираюсь, но в основном все-таки падаю. От начала свалки до берега реки, вернее, того, что

было когда-то рекой, километра, наверное, три. Как быстро я это расстояние преодолел, не знаю — всего минут сорок, наверное; но когда добрался, у меня не осталось желаний когда-нибудь кому-нибудь о своих ощущениях и впечатлениях рассказывать.

Выбрался наконец на бывший берег. У ног зловонной струйкой журчало нечто, никак не напоминавшее некогда могучую водную артерию. Что Чеп говорил про недоумков, которые загадили сами себя? Похоже. Да, не посидеть ему уже на этом берегу, куда они первые плоты выволакивали... Где же та избушка, в которой Артур колдовал в одиночку? Хорошие, мощные фонари вмонтированы в шлем костюма, и накопители ничуть не подвели, луч идет узкий и чистый, рассеивание минимальное, можно двигаться довольно быстро вдоль журчащей струи без боязни что-нибудь пропустить. По счастью, меня интересует пространство шириной всего несколько метров, даже с учетом того, что нынешний берег сильно отступил. Как там было? «Обессиленные, мы не дали себе труда далеко оттащить бревна, и едва вода перестала мочить ноги, начали забивать сваи». Хорошо излагали стари-

ки, внятно. Эмоции эмоциями, а информацию всегда доносили полную, это особенность стиля истинных первопроходцев — то, чего нам не достичь никакими изысками. Пробираюсь, слегка поводя лучом на голове, все, что вне зоны его действия, исчезает мгновенно в совершенной темноте, здесь она кажется особенно беспросветной. А вот уже впереди и нечто похожее на описание. Точно: «Хибарка, типа вагончика на строительной площадке, только меньше и плоше на вид, но сложена на самом деле из специально просмоленных бревен, стоивших больших денег и неподвластных воздействию любой, самой активной среды». Верно, неподвластны оказались, хотя более активную среду, чем здесь, вряд ли можно придумать. Завалена хибарка со всех сторон немислимыми какими-то контейнерами, но я различил ее сразу, слишком часто виделась мне очень похожая картинка в нехороших снах. Быстро я сюда добрался. От столбов с веревкой немногим более часа. Не совсем честный счет. Я у тех столбов пять ночей назад ошивался, так что мерить путь можно начинать и оттуда. И ведь какой искус был, не морочить себе голову, и костюм, подарком судьбы на голову свалившийся,

и свалка — рукой подать, и кругом вроде никого... Не рискнул. Не поверил в эти «рукой подать» и «никого». И прав ли, потерял время, выиграл что, теперь уже не определишь. Даже в случае удачного исхода. Или все же научились дергать за ниточку не только в пространстве, нашли закономерности? Но тогда, считать строго, не пять дней длилась дорога. Немало еще лет придется приплюсовать. Ладно, строго не строго, все равно, боюсь, весьма скоро считаться придется всерьез.

Добрался до двери. Она не должна быть заперта, но дряни на нее навалено порядочно. Расстаскиваю с трудом, прихваты костюма замечательные и очень удобные, но рука болит все сильнее. И отворяется наконец дверь эта со скрипом немислимым, до тончайшего последнего взвизга слышан скрип, удивительно чувствительны воспринимающие системы шлема, медленно, без суеты, отворяется, как и положено дверям, скрывающим за собой нечто посерьезней супружеской измены.

Посреди хибары стоит деревянная колода, на ней банка, литров на пять, а в банке что-то желтое, типа гоголь-моголя, пульсирует, и оттуда прут

торчит, не больше метра. Конец прута подрагивает и слегка голубым светится. Вот и все.

Вот и все. А я стою и смотрю и понимаю, каким же оказался клиническим идиотом. Конечно же, только так и могло быть. Смешно от всеобщей тупости. Что я надеялся найти, что вставало за лаконичной строчкой из дневника «Всё там»? Он должен был открыть что-то невероятное, войти в контакт с какими-то неведомыми, могучими силами, чуть ли не заключить кровью скрепленный договор между человечеством и запредельем. Старинная книга с рецептом колдовских снадобий. Научная монография, в которой строгие формулы перемежаются адскими письменами. Полуобгоревший листок с магическим заклинанием, пахнувший серой. Все что угодно было бы принято мной, потому что не лишало основной веры — проник человек с обычной нерасчетливой дерзостью в тайны неких основных законов бытия, сумел воспользоваться и для собственных мелких нужд, как пользуется идущий под парусом знанием обычного направления ветров, может быть, даже по неумению, недомыслию, а то и корысти, что-то нарушил, нелепо изменил в природе, просто, став одним из действу-

ющих ее факторов, подпортил равновесие, ну уж в крайнем случае неправильно понял, недопонял, перепутал законы. Все что угодно, только не примитивная палка, сунутая в колеса. Ничего Артур Катнер не нашел. Он изобрел. И не могло быть иначе. Природа много человечней, справедливей и честнее. Только человек, как раз и предполагающий, что именно он создал эти понятия, мог придумать даже не опровержение, а вульгарный подлог, сунув в руки судьбы крапленые карты. Сотворенное пугало издевательской мелочностью. Как если бы «мене, такел, фарес» заменили инструкцией по пользованию лифтом. Собственно, в данном случае такого рода инструкция только и была бы уместна. Пакость. Машинка для делания пакостей. Исключительно убого. Желтое мелькание и голубое свечение не давали сосредоточиться.

Я вышел за порог хижины, выключив шлемовые фонари. И тут же ударили выстрелы. Не старательное пощелкивание королевских «Мартини». Прицельный залп коротких очередей из тяжелых скорострельных пулеметов. Я попытался сделать шаг назад в хижину. Снова залп. И снова прицельный. Любопытно. Судя по звуку,

огонь вели с самой границы свалки по навесным траекториям. Значит, его кто-то весьма ловко корректирует. Я прилег рядом с открытой дверью за кучу сгнивших бидонов из-под краски и начал внимательно оглядываться. Шлем, снабженный мощными инфракрасными окулярами, давал возможность и в такой полной темноте делать это не безрезультатно. Ни справа, ни слева, ни со стороны дороги, откуда я пришел и откуда сейчас били пулеметы, засечь меня невозможно, я слишком низко за обступающими крутыми холмами отходов, пришлось бы подобраться ко мне почти вплотную. Никто из знающих меня не рискнет, а по всему видать, стреляют не посторонние. Остается склон почти отвесно уходящего вверх обрыва по ту сторону ручья, облепленный валунами в разводах то ли плесени, то ли мха-выродка. Попасть на склон с этой стороны до моего прихода никто не мог, так как для того должен был бы знать, что туда нужно попать. А зная, давно все свои дела сделал бы и меня бы не ждал, а следовательно, не стрелял бы сейчас. Нельзя попать и с противоположной стороны, там, дальше, километров пятьсот непроходимых болот сплошь в гиблых вероятках.

Все это я соображал, тщательно, метр за метром обшаривая взглядом поверхность склона, уверенный тем не менее, что корректировщик находится именно на нем, больше ему негде быть, а раз оказался, значит, есть способ, просто мне пока неизвестный, что, конечно, обидно, но не так в данный момент важно. И в конце концов разыскал я этого типа за одним из валунов. Дал на окуляры усиление, красный прожектор врубил на полную, высветился парень как на ладошке. Костюмчик у него сильно повыше моего, явно не для мусорщиков деланный, легкий обтягивающий комбинезончик, прозрачный, почти невидимый, шар шлема. И скрывается, гаденьш, не сильно, вон, почти целиком из-за камня высунулся, набирает что-то на грудном пульте. Теперь залопотал, быстро-быстро так губами шевеля. Я на свою робу тоже зря грешу, смотри какая у гляделок разрешающая способность. Снова пульт щупает. Теперь застыл. Слушает, наверное. Внимательный. Да он еще и веселый. Усмехается. Зубки обнажил. Очень мелкие. Очень белые. И очень наглые. И все наконец разом встало на свои места. Все клюнули на приманку с плато. Герцог армию поднял. Капитан бластеры велел расчехлять. Ад-

министративка операторов у дисплеев посадила и группу захвата на территорию приисков ввела. И только знающий меня лучше всех не поверил ни на секунду, потому на показания маячка, усердно, думаю, и сейчас показывающего местопребывание господина Белофа в каминном зале инженерской виллы, наплевал и детским маскарадом пренебрег. Ну что ж, по крайней мере теперь в игре больше нет темных. Остается уточнить всего один нюанс. Я набрал код Святого Старца.

— Мария, простите, что сразу быка за рога, совершенно нет времени, прошу ответить только на один вопрос, возникший почему-то только сейчас, несмотря на неоднократное упоминание вами денежных затруднений. За сколько вы меня продали?

Смех раздался искреннейший, без намека на смущение оскорбленной невинности.

— Не заноситесь, Валечка, пока хорошего купца на вас не имеется.

— Кто стрелял в меня на перевале?

— Откуда я знаю, стреляли-то в вас? Но это уже второй вопрос.

— Отважусь еще на несколько, так как на первый вы не ответили. Как вас предупредили о

моем приходе на перевал? Когда вы вызвали машину из Королевства?

— Валя, заметьте, что я сразу не отключилась по мягкости характера, но продолжать разговор в том же тоне не собираюсь. О вашем приходе еще за двое суток меня предупредил Блум. С Королевством связалась вечером, после нашей с вами беседы. Вы обо всем этом прекрасно осведомлены.

— Мария, не нужно про тон, мне очень хочется верить в ваше бескорыстное и добросовестное заблуждение, но вы мне и сейчас врете. То, что перевал прослушивается, и вы, и Блум не знать не могли. И никогда не стали бы вести по браслету переговоры о незаконном переходе. А в то время, когда говорите, что вызывали машину, связь вообще на перевале не работала. Следовательно, вызывали вы ее раньше. Тогда же, когда получили указание меня пропустить. Вызвали сразу потому, что не сомневались, я соглашусь на ваши условия с контрразведкой. И предупредил об этом тот же, кто принес указания от Блума. Но если бы я и не согласился, у меня все равно не было бы обратного пути. На всякий случай решили подстраховаться еще и инсценировкой со стрельбой. Знали, что после нее я точно поеду.

Мария помолчала. Потом вздохнула. Совсем так просто, по-домашнему вздохнула, как старшая сестра, наблюдая братишку, очередной раз вывозившегося в грязи.

— То, что вы называете враньем, всего лишь один, кстати, из наиболее употребимых именно землянами, способов передачи информации. Особенно удачно, между прочим, пользуется этим способом некий мастер Валентин. Никакой инсценировки не было. Никто никогда не посмел бы договариваться со мной заранее о том, чтобы стрелять в человека, пришедшего на перевал с моего разрешения. И на очередь я ответила очередью. И поступлю так всегда. Остальное — ваши собственные игры, к моему народу отношения не имеющие. Вы забыли главное, мастер. Это ваш сюжет. Но вы очень плохо его разработали. Здесь нет плоти. Действует одна голая схема. В этом, может быть, есть свое преимущество, потому что позволяет использовать и приспособлять вашу схему достаточно широко, не обращая внимания на такие мелочи, как реальность происходящего, истинные мотивы поведения героев или собственное, не зависящее от ваших намерений и оценок, значение поступков и событий. Но как только вы

пытаетесь начать забавляться доморощенной психологией, жалкая обнаженность схемы вызывает улыбку даже у совсем серьезных. Отвлечитесь от собственной суетливой детективной чепухи, воспользуйтесь хоть относительно сильными сторонами пусть надуманного, но все же чужого. Помните, кто я, что мне дано и какие цели, исходя из этого, я могу преследовать. Все. Далее беседа для меня интерес теряет. Отключаюсь. Да, последнее. Счет за работу группы спасателей в течение суток я отослала на ваше имя в Центральный банк. Будьте любезны оплатить, не сильно задерживая. Моему народу сейчас нужны деньги.

Самое смешное, что я тут же связался с банком, уточнил сумму, она оказалась не самой скромной, и перевел ее на указанный расчетный счет. Пулеметы молчали. Естественно, ведь я тоже не шевелился. Пространство между кучей бидонов и открытой дверью хижины — пара шагов. Немного времени требуется, чтобы его преодолеть. Интересно, сколько пуль за это «немного» может вылететь из стволов десятка скорострельных пулеметов последней конструкции. Десятка, это по минимуму, с большей точностью судить трудно, — такого серьезного огня я

еще никогда на себя не вызывал. Ну что ж. Осталась последняя душевная беседа? Похоже. Блум ответил сразу. Он ждал вызова. Может быть, даже удивлялся, почему я мешкаю.

— Адвокат, если вам дорог этот белозубый парень, скажите, чтоб сматывался. Пистолет инженера Витте нынче заряжен не самыми обычными патронами, я испарю мальчика вместе с парой плешивых валунов.

— Оставь ковбойскую лексику. Валя. Я отлично знаю, чем заряжен сейчас твой пистолет. Могу сказать, у кого и на какой Перевалочной ты покупал эти патроны. Ты когда-нибудь встречал человека с верояткой, подобной своей? А вот мне повезло. Я встретил. И взял себе в секретари. Так что никаких валунов испарять не будешь, не дергайся. И оставь в покое хижину. При малейшем твоём движении ударят пулеметы. Их сорок, и они уже прекрасно пристреляны. Машина там, где ты ее оставил. В порту полностью готова к вылету яхта, команде которой дан приказ на неограниченное время поступить в распоряжение человека, предъявившего документы Валентина Белофа. У административной полиции провал памяти. Счастливого пути.

— Мой путь закончен, старик. Я не стану стрелять в твоего песика. Я выстрелю в банку с палкой.

— Так, значит, это напоминает банку? Странно. Я ожидал нечто вроде пульта Большого вычислителя. Впрочем, не имеет значения. Ты никуда стрелять не будешь. Хватит. Отстрелялся. Когда по свалке шел, на труп чистильщика не наткнулся?

— Какого чистильщика?

— Обыкновенного. Который ботинки чистил. Он был первым в новой серии. Затем ты поговорил с Полом и Моне́й. Еще двое. Разговор с тетушкой. Четверо. Да, я забыл посещение Лаевского. Потом беседа с Чепом. Пять, шесть. Не хватит?

— Хватит. Вот именно потому, что хватит, последний раз я все же выстрелю. А история ваша настолько же липовая, насколько подлая. Подозреваю, что вы наняли летунов стрелять в меня на семнадцатом километре с той же целью, с которой делали это на перевале. Одновременно и подстегнуть, и направить на путь истинный. Тогда все и началось, пришлось заставить Теда объединиться с Гриммом. Потому что иначе Сани не со-

глашался идти на мокрое, Стив перед отъездом слишком четко пригрозил серьезной междоусобицей в случае самодеятельной стрельбы. Теперь я понимаю, что вы могли не только купить Теда, но именно и заставить, недаром тетушка говорила про вещи, для которых одних денег мало. А потом пришлось уже заодно убрать и Лаевского. Тем более удачно, что он еще и напал на кое-какие следы вашего рэкета с вероятками. И Чеп пошел к щели один не после того разговора со мной, о котором вы думаете. А после другого, из которого понял, что зря проболтался вам о возвращении Стива на планету. И Дины полезли под пули потому, что догадались, как их подставили, приказав от имени Лаевского выступить в роли примитивных наемных убийц. Так что не нужно из меня дурачка делать, все ваши морализаторские хитрости с давлением на мальчиков кровавых в глазах гроша ломаного не стоят. Одного только в толк не возьму, зачем столь шумный спектакль нужно было устраивать, если вы все равно не верили в табу на плато. Могли за эти годы сами попытаться туда добраться.

— У нас не было оснований не верить табу. И все же дело оказалось слишком серьезным, по-

тому мы не только попытались, но и побывали на плато. Трудно не составило понять, что это всего лишь мертвая точка положительных верояток, легенду о которой специально распространил Катнер, чтобы никто не помешал ему там спокойно умереть, без лицемерия рож осчастливленного им человечества. Мои ребята нашли могилу Артура. А хоронить сам себя не научился пока даже такой гениальный человек. К тому же письменных принадлежностей и чистой бумаги в лачуге покойного оказалось предостаточно, а вот ни одного исписанного клочка не обнаружилось. На самом деле не так и трудно было догадаться, кто тут успел побывать, заморочив потом голову приисковым идиотам детским трюком с подменным накопителем. А вот идея со свалкой в голову не пришла, хотя и близко лежала. Но, может, это сейчас кажется, что близко. Так что пришлось подождать. И знаешь, что я тебе, Валя, скажу? Не зря подождать.

— Зря. адвокат. Чего-то основного вы все же не поняли, хоть и нащупали, видимо, какие-то ниточки в спутанном клубке верояток. Разговор закончен.

— Нет, малыш, ты не закончишь разговора. Потому что я не просто ждал. А пытался кое

в чем разобраться. Не только в клубке верояток, но и в тебе самом. Мне известно, что произошло почти два года назад с твоей женой. И твоя мысль, что все это может иметь отношение к нашим делам, не кажется мне такой уж бредовой. Если я и нашел кое-какие закономерности, научившись дергать за ниточки в пространстве, то их взаимосвязь во времени неведома пока никому. И кто знает, возможно, действительно мы стреляем сейчас в свое прошлое и будущее.

— Ну тогда что же, Блум, старая вы, но не такая ведь глупая сволочь, делаете, если все так хорошо понимаете?! Как я могу оставить эту банку с палкой в покое, если тогда до скончания века будет стрелять в мою жену и неродившегося ребенка любой не знающий промаха снайпер?

— Можешь! Потому что не любой. Спасибо, что усомнился в моей полной глупости, но я вправду выяснил кое-что неизвестное и тебе. Связи верояток — в пространстве ли, о которых знаю больше, во времени ли, о которых почти ничего, не так уж абстрактно нейтральны и безличностны. Закон равновесия нарушается между событиями и людьми, так или иначе имеющими друг к другу какое-то отношение. Другое дело,

что эти отношения гораздо многообразнее, чем мы себе представляем, и не всегда есть реальный шанс их выяснить и вычислить. Но несомненно и другое, чем эти отношения ближе, а межличностные связи сильнее, тем большая надежность взаимного воздействия в созданном Катнером поле. Если при этом иметь в виду еще и конкретно твою вероятку, то, думаю, не останется сомнений, что в висок твоей жене попала пуля, обошедшая не просто кого-то когда-то, но именно тебя. А если плюс к этому учесть, что даже в твоей бурной биографии в тебя прицельно не выпущено и сотой доли того, что вылетит из направленных сейчас десятков стволов, коли сделаешь хоть движение в сторону хижины, за время, которое потребуется тебе, чтобы сотворить что-нибудь с банкой, то можно почти не сомневаться — именно эти пули, в зависимости от того, останутся они в лентах или нет, именно они пролетели или не пролетели тем душным августовским днем вдоль пустынной улицы, на которой случайно, кроме бравого юнкера полицейской академии и выбегавших из дверей ювелирного магазина сопляков со старыми женскими чулками на головах, оказалась мирно возвраща-

ющаяся от врача супружеская пара. Ты пойдешь к машине и поедешь в порт, Валентин.

— Придуманно не без ловкости. С уверенностью, что за предложенный шанс я готов заплатить любую цену. Но я-то сам в этом далеко не уверен, адвокат!

— Не надо больше восклицаний, Валя, они из другого сюжета, предполагающего другую стилистику. Ты много в чем не уверен. Ты, несмотря ни на что, даже прилетев сюда, не был до конца уверен, стоит ли искать причину возникновения верояток, боясь еще больше навредить в заповеднике, в котором, по твоему мнению, уже и так достаточно наломал дров Артур. Потому и пришлось устраивать спектакли с покушениями, я не видел для тебя более действенных аргументов продолжать поиск, чем хороший выстрел в упор. Но сейчас, с самого начала не уверенный, что стоило искать, ты не сомневаешься, что следует уничтожить. На самом деле найти было необходимо, но также необходимо и оставить в покое. Ты что, искренне считаешь, будто я собираюсь использовать банку для властвования над миром? Вдумайся в эту глупость, Валя. Моя власть совершенно в другом. Ведь Катнер не от-

крыл ничего принципиально нового. Он не выпускал никакого джина из бутылки и не изобрел конец света. Он только слегка усилил, немного проявил, чуть-чуть четче обозначил и так всегда существующее и без него прекрасно действующее. Пойми, Валя, вот что самое главное, ничего эта банка с палкой не изменила. И ничего не изменишь ты, ее уничтожив. Мы можем подправить что-то в мелочах, подчистить какую-то наиболее обидную кляксу, твоя жена встанет с асфальта у витрины, ты хочешь выбросить случайно оказавшийся в твоём пенале ластик, я хочу иметь возможность им пользоваться, но и то, и другое не принципиально, сути текста мы этим не изменим. И так же всегда будем продолжать стрелять в свое прошлое и будущее. Всегда.

Я отключил связь. Мы с Блумом начинали повторяться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Середина августа, вечер, душно. Инспектор уголовной полиции выглядел расстроенным. Возможно, действительно из-за происшествия у ювелирного магазина. Хотя все неприятности более касались другого ведомства — юнкер на практике числился за департаментом вневедомственной охраны...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В19

Литературно-художественное издание

Васильев Александр Юрьевич

БОЛЬШАЯ ПЕРЕСТРЕЛКА
(Сентиментальное путешествие)

Оригинал-макет *Артёма Белевича*

Подписано в печать 11.11.2009.

Формат 84×108/32. Печать офсетная.

Печ. л. 14,5. Усл. печ. л. 24,36. Бумага офсетная.

Васильев, А. Ю.

В19 Большая перестрелка (Сентиментальное путешествие) / Александр Васильев. — М., 2010. — 464 с.
ISBN 978-5-...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-...

© Васильев А. Ю., 1991